

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379 (print)

2022 / № 4

ISSN 2310-712X (online)

серия

ЛИНГВИСТИКА

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6. Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 Theoretical, Applied and Comparative Linguistics..

ISSN 2072-8379 (print)

2022 / № 4

ISSN 2310-712X (online)

series

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика»:
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 6 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ощепкова В. В. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Жирова И. Г. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Максименко О. И. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Викуллова Л. Г. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Гринев-Гриневич С. В. — д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Карпова О. М. — д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер — доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Левченко М. Н. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Маслова В. А. — д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. — д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Пан Кё Ён — д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. — д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прошина З. Г. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. — д-р филол. наук, доц., МГОУ;

Сулейманова О. А. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Филиппова И. Н. — д-р филол. наук, доц., МГОУ;

Хухуни Г. Т. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительно-языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

**Индекс серии «Лингвистика»
по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40713**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru, www.linguamgou.ru);

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2022. — № 4. — 132 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

сайты: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
"Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic":
Moscow Region State University

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

V. V. Oshchepkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

Deputy editor-in-chief:

I. G. Zhironova – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

Executive secretary of the series:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

Members of Editorial Board:

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Professor Dr. phil. Habil, University of Potsdam (Germany)

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., MRSU;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Assoc. Prof., MRSU;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The series "Linguistics" of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73342.

Index of the series "Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.vestnik-mgou.ru; www.linguamgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics. – 2022. – № 4. – 132 p.

© MRSU, 2022.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

sites: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Алексеева Т. Е.** Английские пословицы с компонентами-числительными: структурно-семантический анализ. 6
- Барова А. Г.** Особенности перевода креолизированных немецкоязычных текстов (на материале немецких молодёжно-сатирических онлайн-журналов “Eulenspiegel” и “Titanic”) 18
- Беляева И. Ф., Хухуни Г. Т, Пугина Е. Ю.** Закон, закономерность, тенденция (к вопросу об освещении изменений звукового строя в истории лингвистической мысли) 28
- Епифанова В. В.** Эквивалентные и специфические «типовые значения» сочетаний с ключевой лексемой *друг* в русском и немецком языках 37
- Корецкая О. В.** Ксенофобия как «слово года» в англоязычном медиадискурсе XXI века 51
- Кулакова В. А.** Забытый искусственный язык XXI в.: к вопросу об истории создания атлантического языка (языка атлантов) и атлантической картины мира . . . 61
- Огнева Е. А., Наумова А. И.** Кросскультурный потенциал перевода мифологем (на материале романа Г. Мелвилла «Моби Дик» на английском и русском языках) . 83
- Ощепкова В. В., Пивоненкова Т. Б.** Манипулятивные тактики, используемые в рубрике “Opinion” интернет-портала газеты “The Guardian” 91

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

- Карпова О. М.** Лингвокультурный мир Шекспира в лексикографическом отражении 102
- Скуратов И. В., Комалова А. С.** Метафорические и метонимические употребления неологизмов в военной терминологии в современном французском языке 112
- Чупрына О. Г., Баранова К. М.** Социальные и культурные ценности в американском интернет-дискурсе 122

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>T. Alexeeva.</i> English Proverbs with Numerical Components: Structural-Semantic Analysis . . . 6	
<i>A. Barova.</i> Features of Translation of Creolized German-Language Texts (On the Material of the German Youth Satirical Online Magazines “Eulenspiegel” and “Titanic”) 18	
<i>I. Belyaeva, G. Khukhuni, E. Pugina.</i> Law, Regularity, Tendency (The Coverage of the Phonetical Changes in the History of Linguistic Thought) 28	
<i>V. Epifanova.</i> Equivalent and Specific “Typical Meanings” of the Word Combinations with the Key Lexeme <i>Дпыз</i> in Russian and German Languages 37	
<i>O. Koretskaya.</i> Xenophobia as the Word of the Year in English Media Discourse of the 21 st Century 51	
<i>V. Kulakova.</i> Forgotten Artificial Language 21 st Century: To the Question of the History of the Creation of the Atlantic Language (Language of the Atlantis) and the Atlantic Picture of the World. 61	
<i>E. Ogneva, A. Naumova.</i> Cross-Cultural Potential of Mythologems’ Translation in H. Melville’s “Moby Dick” 83	
<i>V. Oschepkova, T. Pivonenkova.</i> Manipulative Tactics Used in the “Opinion” Section of “The Guardian” Web-Portal 91	

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC AND ROMANCE)

<i>O. Karpova.</i> Shakespeare’s Linguocultural World as Viewed Lexicographically 102	
<i>I. Skuratov, A. Komalova.</i> Metaphorical and Metonymic Uses of Neologisms in Military Terminology in Modern French. 112	
<i>O. Chupryna, K. Baranova.</i> Social and Cultural Values in American Web-Based Discourse 122	

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-2

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-6-17

АНГЛИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ С КОМПОНЕНТАМИ-ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Алексеева Т. Е.

*Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Целью исследования являются рассмотрение английских пословиц с числовым компонентом с точки зрения их синтаксической структуры и семантики и сопоставление их с русскими аналогами.

Процедура и методы. Материал для исследования отобран методом сплошной выборки из авторитетных английских словарей пословиц. Проведены анализ структуры пословиц и семантический анализ составляющих их лексических единиц. Методом статистического анализа определены наиболее частотные числовые компоненты и синтаксические структуры английских паремий, а сопоставительный анализ позволил провести их сравнение с русскими пословицами с квантитативным компонентом.

Результаты. Установлены фразеологически активные числительные – простые числительные *one, two, three*; определён наиболее часто встречающийся стилистический приём – антитеза; выявлены расхождения в соответствии числовых компонентов в английских пословицах и их русских аналогах.

Теоретическая и практическая значимость состоит в том, что полученные результаты дополняют имеющиеся знания об английских паремиях с компонентами-числительными и могут быть использованы в образовательном процессе при изучении английского языка на различных уровнях. Научная новизна исследования состоит в том, что проведена классификация пословиц с числовым компонентом по различным параметрам и определены наиболее частотные числительные и синтаксические структуры.

Ключевые слова: пословица, паремия, количественные и порядковые числительные, синтаксическая структура, семантика

ENGLISH PROVERBS WITH NUMERICAL COMPONENTS: STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS

T. Alexeeva

The Academy of the FPS of Russia

ulitsa Sennaya 1, Ryazan 390000, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the English proverbs with numerical component from the viewpoint of their syntactic structure and semantics and to compare them with their Russian equivalents.

Methodology. The research data were selected from the major dictionaries of English proverbs using the method of continuous sampling. As a result of structural-semantic analysis the proverbs were classified into separate groups. Statistical analysis was performed to specify the numerical components and syntactic structures most frequently used in the English proverbs. Comparative analysis made it possible to compare the English proverbs with quantitative components to their Russian analogues.

Results. It has been established that the most frequently used numerals are the simple numerals *one, two and three*, the prevalent stylistic device is antithesis. The differences in the use of numerical components in the English and Russian proverbs have been revealed.

Research implications. The results obtained enlarge the existing knowledge about the English proverbs with quantitative components and may be used for practical studies of English at different levels. Scientific novelty consists in classifying the English proverbs on the basis of a number of parameters and determining the most frequently used numerals and syntactic structures.

Keywords: proverb, paremia, cardinal and ordinal numerals, syntactic structure, semantics

Введение

Пословицы – афористически сжатые, образные, ритмически организованные изречения с поучительным смыслом¹ – представляют интерес для учёных в самых разных областях спектра гуманитарных наук: для историков, которые могут извлечь из них сведения о жизни создавшего их народа на протяжении столетий; культурологов, для которых паремии являются источником знаний о культуре и традициях этого народа; фольклористов, изучающих народное творчество во всех его формах.

Но особую важность пословицы представляют для лингвистов, которые изучают различные языковые аспекты этих изречений: их синтаксическую структуру [15], лексико-семантические особенности [16], прагматические функции [14; 17], используемые средства выразитель-

ности [1] и т. д. Некоторые исследователи занимаются тематической классификацией пословиц и на основе их семантического анализа и сопоставления с пословицами других народов делают выводы о сходствах и различиях в менталитете народов [3; 7]: их отношении к богатству и деньгам [5], к закону и правосудию [13], глупости и мудрости [2], знанию и невежеству [21], к гендерным и семейным отношениям [18]. Других авторов интересуют вопросы функционирования паремий в современной устной и письменной речи [22; 23], их использование в рекламе [11] и т. д. Специалисты в области методики обучения иностранному языку высоко оценивают дидактические возможности паремий для обучения иностранному языку [6; 12].

Изучая паремиологический фонд английского языка, мы обратили внимание на то, что многие пословицы содержат числительные. В работах паремиологов пословицы с компонентами-числитель-

¹ См.: Русова Н. Ю. От аллегории до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 173.

ными исследуются с точки зрения символики чисел [4; 10; 20], семантической организации [9; 19], перевода на русский язык [8].

Целью нашего исследования являются рассмотрение пословиц с числовым компонентом с точки зрения их структуры и семантики, выявление наиболее часто употребляемых числительных, определение типичной структурной организации пословиц с количественным компонентом и сравнение их с аналогичными параметрами в русском языке.

Материалом нашего исследования послужили около 150 английских паремий, отобранных методом сплошной выборки из словарей английских пословиц¹. Анализ структуры пословиц, которые по определению представляют собой законченные предложения, позволил выявить синтаксические модели, наиболее часто встречающиеся в пословицах с числовыми компонентами. Семантический анализ лексических единиц, входящих в состав паремий, позволил понять прямой и переносный смысл пословиц и не только перевести их, но и подобрать соответствующий русский эквивалент. Методами статистического анализа выявлены самые частотные числительные, а сопоставительный анализ позволил определить фразеологическую активность числительных в английских и русских пословицах.

Изучение структуры и семантики пословиц позволило сгруппировать их по нескольким параметрам: по используемому числительному (*one, two, three, seven* и т. д.); по количеству числительных в одной пословице (одно, два, три); по наличию противопоставления (*one –*

two, one – another); по виду числительных (количественные и порядковые); по структурной организации (одночастные и двухчастные), по частеречной принадлежности (*first* – первый и сначала).

Пословицы с числительным *one*

Начнём наш анализ с наиболее частотного числительного *one* (встретилось в 70 пословицах). В приведённых ниже пословицах числительное *one* используется в значении «один», и структурно – это одночастные ядерные предложения: *One chick keeps a hen busy* (И один цыплёнок доставляет наседке много хлопот); *You only get one shot at life* (Один раз живём); *One step above the sublime makes the ridiculous* (От великого до смешного – один шаг); *One swallow doesn't make a summer* (Одна ласточка весны не делает); *One tongue is enough for a woman* (Женщине и одного языка хватает).

В двухчастных пословицах обычно части неразрывно связаны между собой: *If one claw is caught, the bird is lost* (Кого-то увяз – всей птичке пропасть); *It is a poor mouse that has only one hole* (Плоха та мышь, которая одну нору имеет). Однако в следующих пословицах, которые отличаются идентичным построением, части практически самостоятельны: *There's only one pretty child in the world and every mother has it* (На свете есть только один прелестный ребёнок, и он есть у каждой матери); *There is one good wife in the country, and every man thinks he has her* (На свете есть только одна хорошая жена, и каждый муж думает, что это его жена).

Многие пословицы, в том числе с компонентами-числительными, построены на стилистическом приёме антитезы. Так, в ряде пословиц слово *one* (один) сопоставляется со словом *many* (много) или с его сравнительной степенью *more* (больше): *One lie makes many* (Одна ложь тянет за собой другую); *One fool makes many* (Глупость заразительна). Аналогичные по структуре пословицы *There are more ways to the wood than one* (В лес ведёт не одна

¹ Manser M. H. The Facts on File Dictionary of Proverbs.. New York: Facts on File, 2002. 440 p.; Oxford Dictionary of Proverbs // Oxford Reference : [сайт]. URL: <https://www.oxfordreference.com> (дата обращения: 10.01.2022); Simpson J. A. Concise Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford: Oxford University Press, 2003. 364 p.; Smith W. G. The Oxford dictionary of English proverbs. New York: Oxford University Press, 2008. 625 p.

дорога) и *There is more than one way to kill a cat* (букв. Существует более одного способа убить кота) соответствуют русскому эквиваленту «Свет клином не сошёлся».

В оппозицию с числом **one** вступает слово **all** (все): *Don't put all your eggs in one basket* (Не клади все яйца в одну корзину); *All bread is not baked in one oven* (Не все хлеба из одной печи); *One barking dog sets all the street barking* (Одна собака гавкнет, вся стая залает); *If one sheep leap o'er the dyke all the rest will follow* (Если одна овца перепрыгнет через канаву, за ней все остальные последуют).

То, что **one** является частью целого (**whole**), видно из следующих паремий: *One link broken, the whole chain is broken* (Одно звено сломается, вся цепь разорвётся); *One scabbed sheep will mar a whole flock* (Одна паршивая овца всё стадо портит); *One drop of poison infects the whole tun of wine* (Одна капля яда отравит всю бочку с вином, ср. Капля дёгтя в бочке мёда).

Ряд пословиц строится на противопоставлении слова **one** и отрицания **no** или **none**: *One man, no man*; *One is no number*; *One's as good as none*; *One body is nobody*; *The voice of one man is the voice of no one*. Все четыре пословицы соответствуют русской «Один в поле не воин».

Но, пожалуй, самое частое противопоставление (15 пословиц) строится на словах **one** и **another** (другой). Здесь также наблюдается повторяемость композиционного построения пословиц. Были выявлены три основные модели:

1. Одночастные пословицы, где опускается повторение существительного: *One fire drives out another* (Один огонь другим гасится, ср. Клин клином вышибают); *One good turn deserves another* (Одна добрая услуга заслуживает другой, ср. Долг платежом красен); *One hand washes another* (Рука руку моет).

2. Схожие по композиции пословицы, которые строятся не только на противопоставлении **one** и **another**, но и на антонимических отношениях других элементов: *loss* (потеря) – *gain* (приобретение),

meat (пища) – *poison* (яд); *trash* (мусор) – *treasure* (сокровище); *fault* (ошибка) – *lesson* (урок); *breath* (дыхание/жизнь) – *death* (смерть): *One man's meat is another man's poison* (Что для одного пища, то для другого яд); *One man's trash is another man's treasure* (Что для одного мусор, то для другого сокровище); *One man's fault is another man's lesson* (Ошибка одного – урок для другого); *One person's loss is another's gain* (Кто-то теряет, кто-то находит); *One man's breath is another's death* (Что полезно одному, то другому вредно). Обобщить значение этих паремий можно образной русской пословицей «Что русскому хорошо, то немцу смерть».

3. Двухчастные пословицы, которые объединяет идея неравенства людей: *One law for the rich, and another for the poor* (Один закон для богатых, а другой для бедных); *One beats the bush, and another catches the bird* (Один поднимает дичь, а другой её ловит); *One man may steal a horse while another may not look over a hedge* (Этот может и кобылу украсть, а тот не смей и через забор глянуть).

Пословицы с числительным **two**

Менее частотным является числительное **two** (два), которое встретилось в 33 пословицах. Среди пословиц с числительным **two** мы выявили несколько небольших групп с аналогичными синтаксическими структурами. Так, две пословицы строятся одинаково и отражают объективную реальность, и при этом имеют фигуральное значение: *Every stick has two ends* (У каждой палки два конца, т. е. у любого явления имеется как минимум две стороны – одна хорошая, а другая плохая); *Every medal has two sides* (У каждой медали есть оборотная сторона, т. е. многие действия могут привести как к хорошему, так и к плохим последствиям). Имеются варианты второй пословицы, которые строятся по другой модели, но имеют то же значение: *There are two sides to every question*; *There are two sides to every story (to everything)*.

Другая синтаксическая модель наблюдается также в двух пословицах: *It takes two to make a quarrel* (Для ссоры нужны два человека); *It takes two to tango* (букв. Танго танцуют вдвоём). Смысл обеих пословиц практически одинаков: в ссоре всегда виноваты оба.

В следующей паре похожих по синтаксической структуре паремий число «два» имеет негативную коннотацию: *Between two stools one goes (falls) to the ground* (Кто сидит между двумя стульями, легко может упасть, ср. Нельзя усидеть на двух стульях); *Between two evils 't is not worth choosing* (Из двух зол выбирать не стоит, ср. Хрен редьки не слаще). Заметим, что вторая пословица вступает в противоречие с изречением *Of two evils choose the least* (Из двух зол выбирают меньшее).

Ещё две структурно идентичные пословицы строятся на антитезе, где чёрное (*black*) противопоставляется белому (*white*), а заблуждение (*wrong*) – правоте (*a right*): *Two blacks do not make a white* (Отплата злом за зло добра не делает, ср. Чужой грех своего не искупает); *Two wrongs don't make a right* (Два заблуждения – ещё не правда). Обобщить эти пословицы можно русским изречением «Минус на минус не всегда плюс».

В двух следующих пословицах схожей структуры содержатся неоднозначные суждения относительно самых важных вещей в жизни человека: *Two things do prolong life: a quiet heart and a loving wife* (Две вещи продлевают твою жизнь: спокойное сердце и любящая жена); *Two things govern the world – women and gold* (Две вещи правят миром – золото и женщины). Несмотря на явный субъективизм подобных утверждений, эти пословицы отражают бытующее в народе мнение.

Основаны на жизненных наблюдениях и три другие пословицы, в которых можно увидеть повторяющиеся элементы: *Two of a trade never agree* (Два мастера никогда не соглашаются друг с другом); *Two women in the same house can never agree* (Две женщины в одном доме никогда не

смогут договориться); *Two dogs over one bone seldom agree* (Двум собакам одной кости не поделить). Им соответствует образная русская пословица «Два медведя в одной берлоге не уживутся».

В последней из трёх вышеперечисленных пословиц имеется сопоставление *one* и *two*. То же явление наблюдается ещё в нескольких паремиях: *Two heads are better than one* (Одна голова хорошо, а две лучше); *One foot is better than two crutches* (Одна нога лучше, чем два костыля); *If two men ride on a horse, one must ride behind* (Когда двое едут на одной лошади, то одному всегда приходится сидеть позади).

В отдельную группу тематически связанных паремий мы включили пословицы, где *one* и *two* служат для сравнения времени и расстояния: *One hour's sleep before midnight is worth two after* (Час сна до полуночи стоит двух после полуночи); *Every mile is two in winter* (Зимой каждая миля превращается в две). Тот же смысл имеет довольно абстрактная пословица *One today is worth two tomorrow* (Одно «ныне» лучше двух «завтра»).

К этой же группе мы можем отнести паремии, которые формально не содержат числительного *one*, а его роль выполняет неопределённый артикль *a*: *A (one) bird in the hand is worth two in the bush* (букв. Лучше одна птица в руке, чем две в кустах, ср. Лучше синица в руках, чем журавль в небе); *An (one) hour in the morning is worth two in the evening* (Один утренний час стоит двух вечерних, ср. Утро вечера мудренее); *A (one) penny soul never came to two pence* (Копеечная душа никогда не возвышалась до двух копеек, т. е. мелочный человек никогда не достигнет успеха).

Пословицы с числовым компонентом *three*

В отличие от русской культуры, в которой число «три» имеет некоторое символическое значение и входит в состав многих пословиц, поговорок и других фразеологизмов – «обещанного три года ждут», «заблудиться в трёх соснах», «из

третьих уст, из третьих рук», «от горшка – три вершка» и т. д., в английских пословицах число *three* встречается гораздо реже – в нашей подборке таких пословиц оказалось 15. Среди паремий с компонентом-числительным *three* мы также выделили несколько подгрупп структурно и/или семантически похожих изречений.

Две нижеприведённые пословицы строятся на субъективной оценке реалий жизни человека: *Three things breed jealousy, a mighty state, a rich treasury, and a fair wife* (Три вещи вызывают зависть: высокий пост, богатство и красивая жена); *Three things drive a man out of his house – smoke, rain and a scolding wife* (Мужчину могут выгнать из дома три вещи: дым/пожар, дождь/слезы и сварливая жена). Впрочем, как и в пословицах, где перечисляются две важные для человека вещи (см. выше), данные высказывания кажутся вполне справедливыми, так как выражают народную мудрость.

Несколько странное впечатление производят следующие пословицы, в которых женщины ставятся в один ряд с гусями и лягушками: *Three women and a goose make a market* (Три женщины и гусь – это уже базар); *Three women, three geese, and three frogs make a market* (Три женщины, три гуся и три лягушки создают шум как на базаре). Русским эквивалентом можно считать пословицу «Три бабы – базар, а четыре – ярмарка». Как в английских, так и в русской пословицах ясно просматривается саркастическое отношение к женщине как существу крикливому и болтливому.

Более серьёзные обвинения в адрес женщины звучат в следующей группе пословиц: *Two daughters and a back-door are three arrant thieves* (Две дочери и задняя дверь – три настоящих вора, т. е. дочь считается источником расходов наряду с чёрным ходом, которым пользуются настоящие воры); *Man, woman and the devil are the three degrees of comparison* (Мужчина, женщина и дьявол – три степени сравнения); *A wicked woman and an*

evil are three halfpence worse than the devil (Разозлённая женщина в три раза страшнее дьявола).

Наиболее близко к своим русским эквивалентам подходят пословицы, где число «три» обретает то самое символическое значение, характерное для русского фольклора (Три богатыря, Бог любит троицу и т. д.): *Bad luck comes in threes* (Беда не приходит одна); *Three's a crowd* и его более пространственные варианты *Two is company, but three is none*; *Two is a company, three is a crowd* (Два – это компания, а три – толпа, ср. Где двое, там третий – лишний); *When three know it, all know it* (Что знают трое, то узнают и все).

Следующие три пословицы можно считать вариантами одной, так как в их основе лежит одна и та же метафора – надоедливая компания уподобляется несвежей рыбе: *Fish and company stink in three days*; *Fish and guests smell after three days*; *The best fish smell when they are three days old* (Рыба и компания начинают плохо пахнуть через три дня).

Пословицы с другими числовыми компонентами

Помимо числа «три» символическим в русской культуре считается и число «семь», что видно из многочисленных фразеологизмов, в том числе пословиц: «Семь раз отмерь – один раз отрежь»; «Семь бед – один ответ»; «У семи нянек дитя без глазу»; «Семеро одного не ждут» и мн. др. В английских пословицах число *seven* встречается гораздо реже (мы насчитали всего четыре паремии) и имеет скорее количественное, чем символическое значение: *Rain at seven, fine at eleven* (В семь часов дождь, а в одиннадцать ясно, ср. Семь пятниц на неделе); *Keep a thing seven years and you will find a use for it* (букв. Храни вещь семь лет, и ты найдёшь ей применение, ср. Всякая тряпица в три года пригодится); *A man should never trust a woman, even if she has borne him seven children* (Мужчине никогда не стоит доверять женщине, даже если она родила

ему семь детей); *A fool may ask more questions in an hour than a wise man can answer in seven years* (Умный и за семь лет не ответит на вопросы, которые дурак задаст за один час). В данном случае число *seven* имеет не конкретное значение, а скорее подразумевает «много».

Ещё реже в английских поговорках, впрочем, как и в русских, встречается число *nine* (девять) – всего три пословицы: *A stitch in time saves nine* (Один стежок, сделанный своевременно, избавляет от необходимости делать впоследствии девять); *A wonder lasts but nine days* (Чудо длится только девять дней, ср. Всё хорошее когда-нибудь кончается); *A cat has nine lives* (У кошки девять жизней, ср. Живуч, как кошка).

Из простых числительных, т. е. слов, состоящих из одного корня, нам встретились следующие:

– *four*: *Four eyes see more (better) than two* (Четыре глаза видят больше (лучше), чем два, ср. Одна голова хорошо, а две лучше);

– *five*: *He that will thrive, must rise at five* (Кто хочет преуспевать, должен вставать в пять, ср. Кто рано встаёт, тому бог даёт);

– *six*: *A woman of sixty the same as a girl of six, runs to the sound of the tumbrel* (Женщина в 60 лет, так же как и шестилетняя девочка, бежит на звук двуколки);

– *ten*: *Never praise your wife until you have been married ten years* (Не хвали жену, пока не пройдёт десять лет после свадьбы); *A mother can take care of ten children, but sometimes ten children can't take care of one mother* (Мать может заботиться о десяти детях, а десять детей порой не могут позаботиться об одной матери) и аналогичная поговорка об отце: *One father can support ten children; ten children cannot support one father*.

Производные и составные числительные встречаются ещё реже. Вот немногочисленные примеры: *A volunteer is worth twenty pressed men* (Один доброволец стоит двадцати принуждённых); *A fool at forty is a fool forever* (Глупец в 40 лет – глупец

навсегда); *The longest five years in a woman's life is between twenty-nine and thirty* (Самые длинные пять лет в жизни женщины лежат между 29 и 30); *A woman is an angel at ten, a saint at fifteen, a devil at forty and a witch at fourscore* (Женщина – это ангел в десять лет, святая в пятнадцать, дьявол в сорок и ведьма на восьмидесятом).

Числительные *hundred* (сто) и *thousand* (тысяча) встретились в шести и двух пословицах соответственно:

– *hundred*: *Buyer needs a hundred eyes, the seller but one* (Покупателю нужна сотня глаз, а продавцу хватит и одного); *If you kill one flea in March you kill a hundred* (Убивая одну блоху в марте, вы убиваете сотню); *A fool may throw a stone into a well which a hundred wise men cannot pull out* (Один дурак в колодец камень закинет – сто умных не вытащат, ср. Дурак завяжет – и умный не развяжет); *One father is more than a hundred school masters* (Один отец – это больше, чем сотня учителей); *One man is worth a hundred and a hundred is not worth one* (Бывает, один человек стоит сотни, а сотня не стоит одного); *One foe is too many, and a hundred friends too few* (Один враг – это много, сто друзей – мало). Отметим, что все приведённые пословицы строятся на противопоставлении чисел *one* и *hundred*;

– *thousand*: *A picture is worth a thousand words* (Одна картинка стоит тысячи слов, ср. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать); *A journey of a thousand miles begins with a single step* (Путешествие в тысячу миль начинается с одного шага, ср. Дорогу осилит идущий). И в данном случае имеет место сопоставление: артикль *a* и прилагательное *single* (один, единственный) вступает в антонимические отношения со словом *thousand*.

Пословицы с порядковыми числительными

Что касается порядковых числительных, то они встречаются гораздо реже, чем количественные, и ограничиваются тремя: *first*, *second*, *third*, – при этом самое

частотное *first* встретилось в 16 пословицах, а *second* и *third* – только в трёх каждое.

Слово *first* является не только порядковым числительным «первый», но и наречием «сначала». Поэтому мы сгруппировали пословицы по частеречному принципу:

– порядковое числительное: *It is the first step that costs/counts* (Первый шаг – вот что важно, ср. Лиха беда начало); *It is the first step that is troublesome* (Первый шаг всегда трудный, ср. Первый блин комом); *Confession is the first step to repentance* (Исповедь – это первый шаг к покаянию, ср. Повинную голову меч не сечёт); *First impressions are half the battle* (Первые впечатления самые сильные); *The first blow is half the battle* (Первый удар – половина сражения ср. Хорошее начало полдела откачало);

– наречие: *First think, then speak* (Сначала подумай, затем говори, ср. Слово не воробей, вылетит, не поймаешь); *First thrive and then wife* (Сперва преуспей, а потом и женись, ср. Сперва оперись, а потом и ввысь); *First deserve and then desire* (Сначала заслужи, а потом желай, ср. По заслугам и честь); *First catch your hare, then cook him* (Сначала поймай зайца, а потом готовь его, ср. Не говори гоп, пока не перепрыгнешь). Для пословиц с наречием *first* характерна одинаковая синтаксическая конструкция и сопоставление со словом *then* (затем).

Приведём немногочисленные пословицы с числительными *second* и *third*:

– **second**: *Custom/a habit is a second nature* (Привычка – вторая натура); *Second thoughts are best* (Вторые мысли самые лучшие, ср. Семь раз отмерь, один раз отрежь).

– **third**: *Two dogs fight for a bone and a third runs away with it* (Две собаки дерутся, а третья кость грызёт, ср. Дураки о добыче спорят, а умные её делят); *Third time lucky / Third time's a charm* (Третий раз повезёт, ср. Бог любит троицу).

В одной пословице встретились все три порядковых числительных: *The first wife is matrimony, the second company, the*

third heresy. В трактовке этой пословицы имеются разночтения: Первая жена – супружество, вторая – собеседник, третья – ересь; Первая жена от бога; Первый раз женятся по любви, второй – из-за скуки, третий – по привычке.

Сравнительный анализ английских и русских пословиц с числовыми компонентами

В заключительной части нашего исследования мы сравнили английские пословицы и их русские аналоги с точки зрения используемых числительных и выявили четыре группы соотношений.

1. В английских и русских пословицах-эквивалентах числительные совпадают:

– *No man can serve two masters* – Нельзя быть слугой двух господ.

– *Saying is one thing and doing another* – Одно дело говорить, другое – делать.

– *If you run after two hares you will catch none* – За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

2. В английской и русской пословицах числительные не совпадают:

– *Bad luck comes in threes* – Беда не приходит одна.

– *One should not keep many waiting* – Семеро одного не ждут.

3. В русской пословице нет числительного:

– *He that will thrive, must rise at five* – Кто рано встаёт, тому бог даёт.

– *A (one) bird in the hand is worth two in the bush* – Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

– *Judge not of men and things at first sight* – Встречают по одежке – провожают по уму.

4. В английской пословице нет числительного:

– У семи нянек дитя без глазу – *Too many cooks spoil the broth* (букв. Слишком много поваров портят бульон).

– За одного битого двух небитых дают – *Threatened men live long* (букв. Люди, которым угрожают, живут долго).

– Семь бед – один ответ – *As well be hanged for a sheep as for a lamb* (букв. Всё равно за что быть повешенным – за овцу или ягнёнка).

– Не имей сто рублей, а имей сто друзей – *A friend in court is better than a penny in purse* (букв. Друг при дворе лучше, чем пенни в кошельке, т. е. влиятельный друг дороже денег).

Заключение

Таким образом, изучив английские и русские пословицы с числовыми компонентами, мы пришли к следующим выводам:

– с точки зрения структурной организации преобладают лаконичные одночастные пословицы – около 60%;

– чаще всего в английских пословицах используются простые количественные числительные *one, two, three* – 60% от общего числа проанализированных пословиц;

– многие английские пословицы строятся на стилистическом приёме антитезы, когда *one* противопоставляется словам *another, two, many, all, whole, hundred* и т. д.;

– количественные числительные преобладают над порядковыми, а среди последних самым частотным является слово *first*.

Сравнение с русскими паремиями, в состав которых входят количественные компоненты, показало:

– русские пословицы с количественным компонентом превосходят по количеству аналогичные английские паремии;

– если среди русских пословиц наибольшую фразеологическую активность демонстрируют числа «один», «три» и «семь», то в английских числа *three* и *seven* не столь активны, а самым частотным числительным является *one* – около 50% от всех пословиц;

– ряд английских пословиц имеют прямые соответствия в русском языке с совпадением компонентов-числительных, но по большей части числа не совпадают, либо вовсе отсутствуют в аналогах на другом языке.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при изучении лексикологии, а точнее, её раздела фразеологии, в курсе учебной дисциплины «Лингвострановедение», в качестве дидактического материала при обучении английскому языку в учебных заведениях разного уровня.

Дата поступления в редакцию 08.02.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т. Е., Федосеева Л. Н. Стилистические приемы и средства выразительности в английских пословицах // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (287). С. 159–163.
2. Боктаева В. Л. Общее в отражении концептов «ум» и «глупость» в пословицах и поговорках в английском и русском языках // Стратегии развития современной науки: сборник научных статей. Ч. III. М.: Перо, 2020. С. 142–144.
3. Веретягин Н. Ю., Веретягин М. Ю. Отражение особенностей национального менталитета в русских и английских пословицах. Таганрог: ЮФУ, 2012. 215 с.
4. Волошин Ю. К. Магическая цифра «семь» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 3 (23). С. 49–53.
5. Гордеева Н. В., Дятлова А. К. Концепт «богатство и бедность» в пословицах германских языков (на примере английского и немецкого языков) // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 72-5. С. 58–60. DOI: 10.18411/lj-04-2021-188.
6. Емельянова Я. Б. Роль и место пословиц в иноязычной подготовке переводчиков // Научно-педагогическое обозрение. 2016. № 4 (14). С. 80–86.
7. Иванова Е. В. Пословичные картины мира (на материалах английских и русских пословиц). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 153 с. (Серия «Филологические исследования»).
8. Игнатенко К. В., Куимова К. В. К вопросу перевода пословиц и поговорок с цифрами и числами (на примере русского и английского языков) // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 1396–1398.

9. Корницкая А. Б. Семантическая организация английских пословиц и поговорок с включенным количественным компонентом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 549. С. 133–145.
10. Кузнецова С. В., Разумова М. В. Символика числительных в английском фольклоре // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2020. № 3 (18). С. 163–167.
11. Леснева О. А. Образы пословиц и образы рекламы: о потенциале паремий в рекламном дискурсе // Ученые записки Новгородского государственного университета (электронный научный журнал). 2016. № 1 (5). URL: <https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1215464> (дата обращения: 01.12.2021).
12. Майка И. Р. Использование пословиц и поговорок в обучении английскому языку // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 3. URL: <http://e-koncept.ru/2013/53040.htm> (дата обращения: 01.12.2021).
13. Малюгина А. В. Отношение к закону в русской и английской культурах (на материале пословиц с компонентом «закон» / “law”) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4-2 (70). С. 128–130.
14. Моисеева И. Ю., Чудина Е. В. Прагматические функции пословиц и поговорок // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 11 (36). С. 170–172.
15. Мустафина А. Р. Структуры синтаксического сжатия в английских пословицах // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3. С. 801–805.
16. Орлова Т. Г. Лексико-семантический анализ английских и русских фразеологических единиц (пословиц), выражающих отношение к труду, работе, делу // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 3 (14). С. 69–72.
17. Сидоркова Г. Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия: монография. Краснодар: КГУ, 1999. 134 с.
18. Сташкова М. А. Функционирование пословиц и антипословиц с гендерным компонентом в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 231 с.
19. Чжан Цзе, Чжан Хунтин. Числительное в пословицах и поговорках в русском, английском и китайском языках. Новосибирск: ООО «СибАК», 2021. 82 с.
20. Шевченко В. В. Символика и значения числовых компонентов в английских фразеологических единицах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 16 с.
21. Яковлева С. Л., Токтарова В. И. Концепт «знание» в паремиологии американского варианта английского языка // Современные проблемы науки и образования (сетевое издание). 2015. № 2–1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20874> (дата обращения: 01.12.2021).
22. Mieder W. Proverbs are never out of season: Popular wisdom in the modern age. New York: Oxford University Press, 1993. 304 p.
23. What Goes Around Comes Around: The Circulation of Proverbs in Contemporary Life / ed. K. J. Lau, P. Tokofsky, S. D. Winick. Logan, Utah: Utah State University Press, 2004. 198 p.

REFERENCES

1. Alexeeva T. E., Fedoseeva L. N. [Stylistic devices and expressive means in English proverbs]. In: *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia Voronezh State Pedagogical University], 2020, no. 2 (287), pp. 159–163.
2. Boktayeva V. L. [Common in the reflection of the concepts "mind" and "stupidity" in proverbs and sayings in English and Russian]. In: *Strategii razvitiya sovremennoy nauki. Ch. III* [Strategies for the development of modern science. P. III]. Moscow, Pero Publ., 2020, pp. 142–144.
3. Veretyagin N. Yu., Veretyagin M. Yu. *Otrazheniye osobennostey natsional'nogo mentaliteta v russkikh i angliyskikh posloviatsakh* [Reflection of the features of the national mentality in Russian and English proverbs]. Taganrog, Southern Federal University Publ., 2012. 215 p.
4. Voloshin Yu. K. [Magical number seven]. In: *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 2016, no. 3 (23), pp. 49–53.
5. Gordeyeva N. V., Dyatlova A. K. [The concept of “wealth and poverty” in the proverbs of the Germanic languages (on the example of English and German languages)]. In: *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the development of science and education], 2021, no. 72-5, pp. 58–60. DOI: 10.18411/lj-04-2021-188.

6. Emelyanova Ya. B. [The role and place of proverbs in teaching foreign languages to translators]. In: *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye* [Pedagogical review], 2016, no. 4 (14), pp. 80–86.
7. Ivanova Ye. V. *Poslovichnyye kartiny mira (na materialakh angliyskikh i russkikh poslovits)* [Proverbial pictures of the world (based on English and Russian proverbs)]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2002. 153 p.
8. Ignatenko K. V., Kuimova K. V. [On the issue of translating proverbs and sayings with digits and numbers (on the example of Russian and English languages)]. In: *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2015, no. 10 (90), pp. 1396–1398.
9. Kornitskaya A. B. [Semantic organization of English proverbs and sayings with quantitative component]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2009, no. 549, pp. 133–145.
10. Kuznetsova S. V., Razumova M. V. [Symbolism of numerals in English folklore]. In: *Na peresechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nyye voprosy gumanitarnogo znaniya* [At the intersection of languages and cultures. Topical issues of humanitarian knowledge], 2020, no. 3 (18), pp. 163–167.
11. Lesneva O. A. [Proverb's and advertising images: on paremias in a discourse of advertising]. In: *Uchenyye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta (elektronnyy nauchnyy zhurnal)* [Memoirs of NovSU (electronic scientific journal)], 2016, no. 1 (5). Available at: <https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1215464> (accessed: 01.12.2021).
12. Mayka I. R. [The use of proverbs and sayings in teaching English]. In: *Nauchno-metodicheskii elektronnyy zhurnal «Kontsept»* [Scientific and methodological electronic journal “Koncept”], 2013, vol. 3. Available at: <http://e-koncept.ru/2013/53040.htm> (accessed: 01.12.2021).
13. Malyugina A. V. [Perception of law in the Russian and English cultures (by the material of the proverbs with the component “law”)]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2017, no. 4-2 (70), pp. 128–130.
14. Moiseyeva I. Yu., Chudina Ye. V. [Pragmatical functions of proverbs and sayings]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2004, no. 11 (36), pp. 170–172.
15. Mustafina A. R. [Structures of syntactic compression in English proverbs]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2009, vol. 14, no. 3, pp. 801–805.
16. Orlova T. G. [Lexical-semantic analysis of English and Russian phraseological units (proverbs) expressing attitude to labor, work, and business]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2012, no. 3 (14), pp. 69–72.
17. Sidorkova G. D. *Pragmatika paremiy: poslovitsy i pogovorki kak rechevyye deystviya* [Pragmatics of Paremias: Proverbs and Sayings as Speech Actions]. Krasnodar, Krasnodar State University Publ., 1999. 134 p.
18. Stashkova M. A. *Funkcionirovanie poslovic i antiposlovic s gendernym komponentom v sovremennom angliyskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [The functioning of proverbs and anti-proverbs with a gender component in modern English: Cand. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2015. 231 p.
19. Zhang Jie, Zhang Hongying. [Numerals in proverbs and sayings in Russian, English and Chinese]. Novosibirsk, OOO «SibAK» Publ., 2021. 82 p.
20. Shevchenko V. V. *Simvolika i znacheniya chislovykh komponentov v angliyskikh frazeologicheskikh edinitsah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Symbolism and meanings of numerical components in English phraseological units: abstract of Cand. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2001. 16 p.
21. Yakovleva S. L., Toktarova V. I. [The concept of knowledge in the paroemiological fund of American English]. In: *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya (setevoye izdaniye)* [Modern problems of science and education (Digital scientific journal)], 2015, no. 2–1. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20874> (accessed: 01.12.2021).
22. Mieder W. *Proverbs are never out of season: Popular wisdom in the modern age*. New York, Oxford University Press, 1993. 304 p.
23. Lau K. J., Tokofsky P., Winick S. D., eds. *What Goes Around Comes Around: The Circulation of Proverbs in Contemporary Life*. Logan, Utah, Utah State University Press, 2004. 198 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеева Татьяна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний;
e-mail: tat-alexeeva@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana E. Alexeeva – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Academy of the FPS of Russia;
e-mail: tat-alexeeva@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеева Т. Е. Английские пословицы с компонентами-числительными: структурно-семантический анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 6–17.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-6-17

FOR CITATION

Alexeeva T. E. English proverbs with numerical components: structural-semantic analysis. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 4, pp. 6–17.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-6-17

УДК 81`25

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-18-27

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КРЕОЛИЗОВАННЫХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ МОЛОДЁЖНО-САТИРИЧЕСКИХ ОНЛАЙН-ЖУРНАЛОВ “EULENSPIEGEL” И “TITANIC”)

Барова А. Г.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт (филиал)
423600, г. Елабуга, ул. Казанская, д. 89, Республика Татарстан, Российская Федерация

Аннотация

Цель работы – проанализировать особенности перевода креолизированных текстов, представленных в интернете (на примере немецких молодёжно-сатирических онлайн-журналов “Eulenspiegel” и “Titanic”).

Методы. Основными методами исследования являются метод сравнения (метод сопоставления двух и более объектов, выделение в них общего и различного с целью классификации и типологии) и метод контент-анализа (метод изучения текстовой и графической информации).

Результаты. В результате анализа креолизированных интернет-текстов были выявлены следующие особенности, которые необходимо учитывать при их переводе: наличие связей между вербальным и невербальным компонентами креолизованного текста; взаимосвязь с социокультурной информацией; наличие различий в объёме значений лексических компонентов и их эквивалентов в языке оригинала и языке перевода.

Теоретическая и/или практическая значимость работы состоит в том, что статья может быть использована при изучении техник перевода, применяющихся в случае, когда переводчик сталкивается с подобными лексическими единицами.

Ключевые слова: креолизированный текст, вербальный компонент, иконический компонент, интернет-текст, лингвистика

FEATURES OF TRANSLATION OF CREOLIZED GERMAN-LANGUAGE TEXTS (ON THE MATERIAL OF THE GERMAN YOUTH SATIRICAL ONLINE MAGAZINES “EULENSPIEGEL” AND “TITANIC”)

A. Barova

Kazan (Volga region) Federal University, Elabuga Institute (branch)
ulitsa Kasanskaja 89, Elabuga 423600, Tatarstan Republic, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the features of translation of creolized texts from the Internet (on the example of the German youth satirical online magazines “Eulenspiegel” and “Titanic”).

Methodology. The main research methods are the comparison method (the method of comparing two or more objects, highlighting the common and the different in them for the purpose of classification and typology) and the method of content analysis (the method of studying text and graphic information).

Results. Based on the creolized Internet texts, the following features that must be taken into account when translating creolized Internet texts were identified: connections between the verbal and non-verbal components of the creolized text; the relationship of socio-cultural information; the presence of differences in the volume of meanings of lexical components and their equivalents in the original language and the target language.

Research implications. The article can be used in the study of translation techniques used in the case when the translator is faced with similar lexical units.

Keywords: creolized text, verbal component, iconic component, internet text, linguistics

Введение

Креолизованные тексты, став частью современного мира и повседневной жизни, окружают нас повсюду: реклама, интернет-сайты, слоганы и т. д. «В современном медиапространстве и СМИ креолизованные тексты являются одной из преобладающих форм представления информации» [9, с. 28]. Перевод данных текстов представляет собой сложный и в то же время творческий процесс, требующий для адекватной передачи информации глубоких знаний социокультурных и лингвистических аспектов языка. Важными при этом являются особый подбор лексики и сохранение стилистической окрашенности.

В данной статье выявляются особенности перевода креолизованных текстов с немецкого языка на русский. Актуальность данного исследования продиктована появлением в последнее время огромного количества креолизованных медиатекстов, в частности интернет-текстов, ввиду чего актуализируются проблемы, связанные с их пониманием, прежде всего при переводе с иностранного языка на русский. При переводе подобных текстов недостаточно только знания языка, необходимо также осознавать специфику их перевода и обладать определёнными знаниями о культурных особенностях страны.

Теоретической базой нашего исследования послужили работы по исследованию креолизованных текстов Е. Е. Анисимовой, Л. С. Большаковой, С. Я. Колтышевой, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова и др.

Понятие «креолизованного текста»

Креолизованный текст – один из новых элементов лингвистики, представляющий собой текст смешанного характера, состоящий из двух частей – вербальной и визуальной, т. е., из картинки и надписи. Т. е. креолизация текста обусловлена содержанием в тексте вербальных и невербальных компонентов, где невербальная часть, содержащая определённое изображение, подчёркивает и дополняет по смыслу письменный текст [8]. Как надпись, так и картинка обладают рядом функций, которые обуславливают цель создания того или иного креолизованного текста. Понятие «креолизованный текст» было введено Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым, определяющими подобные тексты как «тексты, фактура которых состоит из двух и более неомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык))» [11, с. 186].

Между вербальным (словесным текстом) и невербальным (иконическим) компонентами креолизованного текста может устанавливаться связь на содержательно-композиционном уровне. Она может быть как внутренней (семантической), так и внешней (визуально пространственной) [1, с. 24].

Относительно характерных особенностей креолизованных текстов Л. С. Большакова отмечает, что они отличаются не только креолизованностью (сплетением в тексте иконического и вербального компонентов), но также такими свойствами, как гипертекстуальность и интертекстуальность. Гипертекстуаль-

ность – это характеристика, присущая некоторым современным прозаическим произведениям (внутренние корреляционные ссылки, отсутствие линейного повествования). Под интертекстуальностью понимается многомерная связь отдельного текста с другими текстами по содержанию, жанрово-стилистическим особенностям, структуре, формально-знаковому выражению. Средствами интертекстуальности являются цитаты, литературные аллюзии, реминисценции [3, с. 49].

Что касается диапазона креолизованных текстов, то он достаточно широк и многогранен, охватывает большой объём материала «газетно-публицистических текстов, научно-технических, инструктирующих текстов, иллюстрированные художественные тексты, афиши, рекламу, комиксы, плакаты, листовки и др.» [6].

Специфика перевода вербального компонента креолизованного текста

Перевод вербального компонента креолизованного текста представляется достаточно сложной задачей, потому что иконический и вербальный компоненты не являются суммой семиотических знаков, их значения интегрируются и образуют сложно построенный смысл [1, с. 11]. Процесс перевода креолизованного текста подразумевает создание нового текста, который должен быть эквивалентен первому, содержать итог декодирования визуального ряда и анализ содержания непрямого варианта, т. е. прецедентные, метафорические, специфические социокультурные данные и другие парадигмы как текстового, так и иконического плана [5, с. 904].

Н. М. Дугалич предлагает следующую классификацию креолизованных текстов по степени переводимости:

1. Переводимые в полном объёме, когда визуальный компонент перевода может соответствовать оригиналу и вербальный компонент перевода соответствует оригиналу.

2. Частично переводимые: визуальный компонент адресатом не понимается, вербальный компонент понимается частично; визуальный компонент и вербальный компонент понимаются частично; визуальный компонент понимается частично, вербальный компонент не понимается.

3. Переводимые со значительными трудностями и необходимостью использования значительных пояснений [5, с. 904].

Л. В. Дубовицкая выделяет основные проблемы, которые можно встретить при переводе креолизованных текстов: элементы интертекстуальности, специфическая социокультурная информация, различия в коннотации слов языка оригинала и языка перевода [4].

Интертекстуальность, как было уже упомянуто выше, это свойство креолизованных текстов, которое заключается в том, что один текст может ссылаться на другой. Основное условие возможности перевода текста с интертекстуальностью – общеизвестность источника, его общекультурная и национально-культурная значимость. Только в этом случае интертекстуальные связи могут быть поняты представителем другой культуры и могут вызвать в его сознании необходимую систему ассоциаций [4]. Однако интертекстуальность в креолизованном тексте может проследиваться не только на уровне вербального компонента. Между иконическими компонентами тоже может иметься связь. В данном случае можно говорить о визуальной интертекстуальности [4]. Это тоже необходимо учитывать при переводе.

Ещё одним элементом, который нужно учитывать при переводе креолизованных текстов, является стиль. По утверждению Я. И. Рецкера, «адекватный перевод невозможен без учёта стилистической стороны подлинника» [10, с. 130]. На сегодняшний день креолизованные тексты проникли во все сферы жизни человека, поэтому их стиливая окраска мо-

жет быть самой разнообразной. Исследователи рассматривают несколько типов перевода в зависимости от стиля:

- эстетический;
- религиозный;
- прагматический или деловой;
- этнографический;
- лингвистический;
- психологический;
- научно-технический [7, с. 119].

При переводе креолизованных текстов важно учитывать взаимосвязь вербального и невербального компонентов.

Анализ перевода креолизованных немецкоязычных текстов на материале молодёжно-сатирических журналов “Eulenspiegel” и “Titanic”

Причиной выбора онлайн-журналов является то, что в них представлены креолизованные тексты различного плана – рекламные вставки, юмористические зарисовки, новости. Это должно позволить выявить больше особенностей при переводе. Желая исследовать наиболее современные креолизованные тексты, мы предпочли взять выпуски за 2019–2020 гг.

В результате исследования выяснилось, что по классификации Н. М. Дугалич 37 из 50 проанализированных текстов (74%) являются полностью переводимыми, 12 текстов (24%) относятся к частично переводимым, а 1 текст (2%) было решено определить как неперево­димый, т. е. требующий глубоких знаний реципиента и обширного комментария переводчика.

За пример креолизованного текста с полностью переводимым вербальным компонентом можно взять иллюстрацию, представленную на рис. 1.

На рис. 1 изображены мост, на котором стоят дети с камнями, дорога, по которой, вероятно, движется автомобиль, и плакат с предостережением – “VORSICHT KINDER”, которое переводится как «Осторожно, дети»¹. Картинка

Рис. 1 / Fig. 1. Иллюстрация в журнале “Eulenspiegel”, Mai 2019, S. 57 / Illustration in the magazine “Eulenspiegel”, May 2019, p. 57

Источник: Eulenspiegel – Mai 2019 // PDF Magazine : [сайт]. URL: <https://www.pdfmagazin/01121820-eulenspiegel-mai-2019> (дата обращения: 08.05.2020).

явно юмористического характера, которая предупреждает, что опасность в данном случае не грозит детям, а исходит от них. Содержание плаката отражает ситуацию на дороге, вербальный компонент переплетается с визуальным, и в результате достигается нужный автору эффект. Для понимания сути этого текста не обязательно находиться в информационной среде Германии.

Ещё один пример текста с полностью переводимым вербальным компонентом можно видеть на рис. 2. Здесь представлена цитата из интервью с Фрау Д., которую представитель журнала “Titanic”, притворившись сотрудником компании “Tesla”, попросил поделиться мнением по поводу нового завода, строящегося в коммуне Грюнхайде. Целью создания данного текста, на наш взгляд, является передача ключевых слов из интервью. Текст можно

¹ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

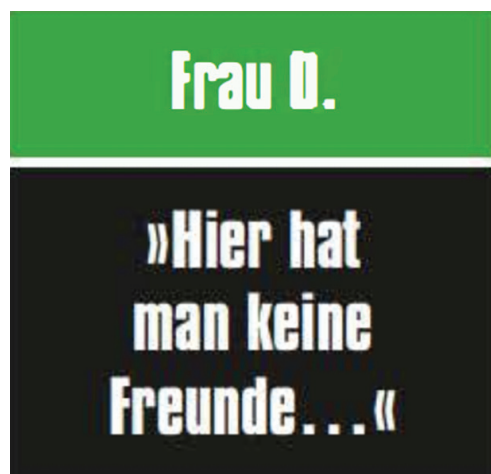

Рис. 2 / Fig. 2. Иллюстрация в журнале “Titanic”, März 2020, S. 15 / Illustration in the magazine “Titanic”. March 2020, p. 15

Источник: Titanic Magazine – März 2020 // PDF Magazine : [сайт]. URL: <https://www.pdfmagaz.in/02130823-titanic-magazin-marz-2020> (дата обращения: 08.05.2020).

Рис. 3 / Fig. 3. Иллюстрация в журнале “Eulenspiegel”, September 2019, S. 52 / Illustration in the magazine “Eulenspiegel”, September 2019, p. 52

Источник: Eulenspiegel – September 2019 // PDF Magazine : [сайт]. URL: <https://www.pdfmagaz.in/01061311-eulenspiegel-september-2019> (дата обращения: 08.05.2020).

перевести так: Фрау Д. «Здесь у нас друзей нет».

Вербальный компонент, представленный на рис. 3, также является полностью переводимым. Подпись к изображению в данном креолизованном тексте гласит: «WIE DIE WIRTSCHAFT EINEN WALD SIEHT», что переводится – «Как экономика видит лес». Визуальный компонент представляет собой группу деревьев, стволы которых напоминают штрих-код на товарах в магазине. Изображение здесь выполняет иллюстративную функцию по отношению к тексту. Источник интертекстуальности, прослеживаемой в изображении, является широко известным и не нуждается в дополнительных комментариях.

Далее в ходе исследования выяснилось, что процент частично переводимых креолизованных текстов оказался довольно высоким. Это можно объяснить сатирической направленностью исследуемых журналов. Рассмотрим некоторые из них.

Креолизованный текст на рис. 4 представляет собой название одного из разделов журнала “Eulenspiegel” – Lebenshilfe. После названия следует колонка с несложными для понимания юмористическими изображениями. Lebenshilfe – это некоммерческая организация в Германии, которая занимается поддержкой людей с отклонениями в умственном развитии. Вербальная интертекстуальность является здесь препятствием для переводчика, потому что эта организация не

Рис. 4 / Fig. 4. Иллюстрация в журнале “Eulenspiegel”, September 2019, S. 4 / Illustration in the magazine “Eulenspiegel”, September 2019, p. 4

Источник: Eulenspiegel – September 2019 // PDF Magazine : [сайт]. URL: <https://www.pdfmagaz.in/01061311-eulenspiegel-september-2019> (дата обращения: 08.05.2020).

обладает большой известностью в нашей стране. Ни транслитерация, ни буквальный перевод «Помощь жизни» не дадут понимания сути этого текста реципиенту. Мы предлагаем осуществить перевод по ситуативной модели: «Юмор для умственно отсталых».

В качестве следующего примера креолизованного текста (см. рис. 5) приведём название к журналу „Funzel“, являющемуся дополнением к журналу „Eulenspiegel“, и его слоган – „Funzel – Funz dir deine Meinung!“. Трудности в переводе начинаются при попытке передачи паронимии „Funzel – Funz“. Учитывая, что глагол *funzen* происходит от *funkzionieren*, мы предлагаем такой вариант перевода – «Вырази своё мнение!». Если рассматривать конкретно слоган, можно заметить, что он оформлен буквами белого цвета на красном фоне. И текст, и оформление являются отсылкой к слогану журнала „Das Bild“: „Bild dir deine Meinung!“ (Сформируй собственное мнение!). В Германии этот слоган достаточно популярен, и породил множество производных названий, например: „Bibel dir deine Meinung!“, „Punk dir deine Meinung!“. В свою очередь,

русский читатель может не заметить подобную интертекстуальную связь.

Auf den Hund gekommen

Bei Einsamkeit im Alter wird gerne zu einem Hund geraten. Unterschlagen wird allerdings die Tatsache, dass insbesondere alte Menschen die tägliche Einnahme eines Hundes als recht beschwerlich empfinden. IE

Рис. 6 / Fig. 6. Иллюстрация в журнале „Eulenspiegel“, Dezember 2019, S. 51 / Illustration in the magazine „Eulenspiegel“, December 2019, p. 51

Источник: Eulenspiegel – Dezember 2019 // PDF Magazine: [сайт]. URL: <https://www.pdfmagazin/03291318-eulenspiegel-dezember-2019> (дата обращения: 08.05.2020).

Рис. 5 / Fig. 5. Иллюстрация в журнале „Funzel“, December 2018, № 19 / Illustration in the magazine „Funzel“, December 2018, № 19

Источник: Funzel – December 2018 // Eulenspiegel, das Satiremagazin : [сайт]. URL: <https://epaper.eulenspiegel-zeitschrift.de/en/profiles/d0171f2aa197/editions/4c278bd177555ea630d3> (дата обращения: 13.07.2022).

В креолизованном тексте на рис. 6 между заголовком, картинкой и расположенным ниже текстом прослеживается связь на уровне семантико-стилистического приёма – игры слов. Здесь обыгрывается немецкая поговорка “Auf den Hund kommen”, что в переводе на русский язык означает «морально опуститься, дойти до ручки». Таким образом, при переводе мы сталкиваемся с несовпадением норм исходного языка и языка перевода. Буквально заголовок переводится как «дошедший до собаки». На картинке изображены пожилой человек и сидящая у него на груди собака. Мы предлагаем следующий перевод текста под картинкой: «При одинокой старости часто рекомендуют собаку. Не говорят, однако, о том, что пожилым людям нелегко принимать внутрь по собаке каждый день». По причине того, что русский эквивалент поговорки не содержит в себе сему «собака», перевод заголовка данного креолизованного текста представляется довольно сложной задачей. Мы предлагаем следующий вариант: «Собака – первая помощь при одиночестве» Этот перевод позволяет сохранить связь между картинкой и текстом, хотя при этом теряется связь с исходной поговоркой.

На рис. 7 мы видим комикс-зарисовку, на котором изображён диалог между врачом-отоларингологом и пациентом. Реплики героев заключены в так называемые «пузыри» – овальные фигуры с отходящими в сторону линиями. Направление линии позволяет определить, кому из героев принадлежит та или иная реплика. Таким образом «пузыри» выполняют в этом креолизованном тексте интегративную функцию – соединяют вербальный и иконический компоненты. В целом диалог можно перевести так:

- Скажите-ка а-а-а...
- А-А-А!!!
- Ага! У вас возгорание плаща!

Комический эффект достигается за счёт того, что немецкое слово *die Entzündung* может быть использовано

Рис. 7 / Fig. 7. Иллюстрация в журнале “Titanic”, Januar 2019, S. 23 / Illustration in the magazine “Titanic”, January 2019, p. 23

Источник: Titanic Magazin – Januar 2019 // PDF Magazine : [сайт]. URL: <https://www.pdfmagaz.in/02262419-titanic-magazin-januar-2019> (дата обращения: 08.05.2020).

как в значении «воспламенение», так и в значении «воспаление». В русском языке отсутствует слово, которое совмещало бы в себе два этих значения, поэтому содержание текста удаётся передать не полностью.

Креолизованный текст на рис. 8 представляет собой карикатуру на Аннегрет Крамп-Карренбауэр, бывшую главу Христианско-демократического союза и нынешнего министра обороны Германии. Традиционно под карикатурой понимается преувеличенное, искажённое изображение человека (предмета), в котором реальное и фактическое не совпадают. Текст в подписи интернет-карикатуры сведён к минимуму, так как подразумевается, что воздействие на пользователя должно быть главным образом визуальным [2].

На изображении она представлена на сильно постаревшая, с изменённым цветом кожи. Подпись к изображению гласит: “Sieht so Deutschlands Zukunft

Рис. 8 / Fig. 8. Обложка журнала “Eulenspiegel”, Dezember 2019 / Cover of the magazine “Eulenspiegel”, December 2019

Источник: Eulenspiegel – Dezember 2019 // PDF Magazine : [сайт]. URL: <https://www.pdfmagaz.in/03291318-eulenspiegel-dezember-2019> (дата обращения: 08.05.2020).

aus?», что переводится – «Так выглядит будущее Германии?». Реципиент может догадаться, что, по мнению автора, будущее Германии не выглядит радужным. Некоторые аспекты при переводе всё же упускаются. Дело в том, что в Германии Крамп-Карренбауэр негласно считали преемницей Меркель и основным кандидатом на пост канцлера. Аннегрет известна своими консервативными взглядами, а также «гомофобными» высказываниями, которые некоторые немецкие политики считают неприемлемыми в ЕС. Таким образом, для полной передачи содержания

этого креолизованного текста нужна дополнительная лингвострановедческая справка. Среди всех проанализированных креолизованных текстов лишь один можно отнести к разряду непереводаемых.

Заключение

Целью данного исследования являлось определение особенностей и трудностей перевода немецкоязычных креолизованных текстов из интернет-источников. В результате работы мы выяснили, из каких компонентов состоит креолизованный текст, проанализировали виды связей между этими компонентами. Кроме этого, были рассмотрены функции компонентов креолизованного текста – вербального и иконического, выявлены свойства, присущие креолизованному тексту: креолизованность, гипертекстуальность и интертекстуальность.

Практическая часть работы представляет собой анализ выбранных креолизованных текстов на предмет типов связи между их компонентами на содержательно-композиционном уровне. В процессе работы над анализом перевода выбранных креолизованных текстов все тексты были разделены по степени переводимости. В итоге абсолютное большинство текстов оказалось полностью переводимыми, на втором месте были частично переводимые тексты. Встретился также один спорный креолизованный текст, который был определён как «непереводимый».

Дата поступления в редакцию 07.07.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. М.: Академия, 2003. 128 с.
2. Байдавлетов А. Ю., Фаткуллина Ф. Г. Креолизованный текст в интернет-дискурсе (на материале башкирского языка) // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 411–413. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-287-411-413.
3. Большакова Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 49. С. 48–51.
4. Дубовицкая Л. В. Проблема перевода политических плакатов как культурно маркированных креолизованных текстов // Вестник Московского государственного областного универси-

- тета (электронный журнал). 2011. № 4. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru> (дата обращения: 20.05.2021). DOI: 10.18384/2224-0209-2011-4-419.
5. Дугалич Н. М. Проблема перевода вербального компонента креолизованного текста политической карикатуры (на материале арабского и французского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 902–911. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-902-911.
 6. Колтышева С. Я. Креолизованный текст как сфера функционирования метафор (на примере шоу-дискурсов России и США) // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2014. Т. 11. № 1. С. 91–96.
 7. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 176 с.
 8. Левченко М. Н., Изгаршева А. В. Креолизованный текст в системе «Интернет» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 4. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru> (дата обращения: 20.05.2021). DOI: 10.18384/2224-0209-2018-4-919.
 9. Мухутдинова Д. Р. Тексты с различной степенью креолизации: соотношение вербальных и невербальных компонентов мультимедийной истории // Язык и репрезентация культурных кодов: VIII Всероссийская с международным участием научная конференция молодых ученых, Самара, 11 мая 2018 г.: материалы и доклады. Ч. II. Самара: Инсома-пресс, 2018. С. 28–30.
 10. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.
 11. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия: монография / отв. ред. Р. Г. Котов. М.: Наука, 1990. С. 180–186.

REFERENCES

1. Anisimova Ye. Ye. *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Text linguistics and intercultural communication]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 128 p.
2. Baidavletov A. Yu., Fatkullina F. G. [Creolized text of internet discourse (with reference to the Bashkir language)]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, Education], 2021, no. 2 (87), pp. 411–413. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-287-411-413.
3. Bolshakova L. S. [On “polycode texts”]. In: *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Novgorod State University], 2008, no. 49, pp. 48–51.
4. Dubovitskaya L. V. [Towards the problem of translating political posters as culturally marked creolized texts]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2011, no. 4. Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru> (accessed: 20.05.2021). DOI: 10.18384/2224-0209-2011-4-419.
5. Dugalich N. M. [The problem of translating the verbal component of the creolized text of the political caricature (based upon the material of the Arabic and French languages)]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2017, vol. 8, no. 4, pp. 902–911. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-902-911.
6. Koltysheva S. Y. [Creolized text as a sphere of metaphor functioning (in entertainment discourses of Russia and the USA)]. In: *Vestnik Yuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics], 2014, vol. 11, no. 1, pp. 91–96.
7. Komissarov V. N. *Lingvistika perevoda* [Linguistics of translation]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 176 p.
8. Levchenko M. N., Izgarsheva A. V. [Creolized text in the internet-system]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2018, no. 4. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru> (accessed: 20.05.2021). DOI: 10.18384/2224-0209-2018-4-919.
9. Mukhutdinova D. R. [Texts with different degrees of creolization: the ratio of verbal and non-verbal components of multimedia history]. In: *Yazyk i reprezentatsiya kul'turnykh kodov: VIII Vserossiyskaya s mezhdunarodnym uchastiyem nauchnaya konferentsiya molodykh uchenykh, Samara, 11 maya 2018 g.: materialy i doklady. Ch. II* [Language and representation of cultural codes: VIII All-Russian scientific conference of young scientists with international participation, Samara, May 11, 2018: materials and reports. P. II]. Samara, Insoma-press Publ., 2018, pp. 28–30.

10. Retsker Ya. I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [Theory of translation and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation]. Moscow, R. Valent Publ., 2007. 244 p.
11. Sorokin Yu. A., Tarasov Ye. F. [Creolized texts and their communicative function]. In: Kotov R. G., ed. *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of speech impact]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 180–186.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Барова Алена Геннадьевна – старший преподаватель кафедры немецкой филологии отделения иностранных языков Казанского (Поволжского) федерального университета, Елабужского института (филиал);

e-mail: agbarova81@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alena G. Barova – Senior Lecturer, Department of German Philology, Foreign Languages faculty, Kazan (Volga region) Federal University, Elabuga Institute (branch);

e-mail: agbarova81@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Барова А. Г. Особенности перевода креолизированных немецкоязычных текстов (на материале немецких молодёжно-сатирических онлайн-журналов “Eulenspiegel” и “Titanic”) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 18–27.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-18-27

FOR CITATION

Barova A. G. Features of translation of creolized German-language texts (on the material of the German youth satirical online magazines “Eulenspiegel” and “Titanic”). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 4, pp. 18–27.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-18-27

УДК 81`112

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-28-36

ЗАКОН, ЗАКОНОМЕРНОСТЬ, ТЕНДЕНЦИЯ (К ВОПРОСУ ОБ ОСВЕЩЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ ЗВУКОВОГО СТРОЯ В ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ)

Беляева И. Ф., Хухуни Г. Т., Пугина Е. Ю.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель исследования – рассмотреть проблематику, связанную с пониманием фонетических изменений в трудах языковедов, принадлежащих к различным школам и направлениям науки о языке, выявить основные предлагавшиеся ими решения и определить место и значение данной проблемы в истории сравнительного и теоретического языкознания.

Процедура и методы. В работе использованы методы филологического изучения материалов историко-лингвистического характера и сравнительно-сопоставительного анализа первоисточников.

Результаты. Хотя признание регулярности звуковых соответствий между родственными языками является основным методологическим принципом сравнительно-исторического языкознания, однако конкретные моменты, связанные с ним, неоднократно становились предметом весьма острых дискуссий, позиции участников которых весьма резко расходились – от утверждения, что фонетические законы подобны законам природы и действуют механически, до отрицания их существования.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представленные в статье фактические данные и результаты их интерпретации могут быть использованы при дальнейшей разработке вопросов, относящихся к истории компаративистики, а также применяться в педагогической практике при чтении курсов истории лингвистических учений, сравнительно-исторического языкознания и основ языкознания.

Ключевые слова: компаративистика, язык, закон, фонетический, изменение, история, лингвистика

LAW, REGULARITY, TENDENCY (THE COVERAGE OF THE PHONETICAL CHANGES IN THE HISTORY OF LINGUISTIC THOUGHT)

I. Belyaeva, G. Khukhuni, E. Pugina

Moscow Region State University

ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To investigate the problem connected with the issue of phonetical changes by the linguists belonging to different scientific schools, to study the main solutions offered in their works and to define the place and meaning of this question in the history of comparative linguistics.

Methodology. The methods of the philological analysis of the material, referred to the history of linguistics, and the comparison of the sources are used.

Results. Recognition of regular phonetic correspondences between kindred languages is the main methodological principle of comparative linguistics. However, its concrete manifestations often became the subject of very heated discussions. The positions argued by their participants varied substantially: from the assertion that phonetic laws are similar to the laws of nature acting mechanically to the point of denying their existence.

Research implications. The factual data represented in the article and the results of their interpretation may be used in future studies of the issues connected with the history of linguistic science, as well as in pedagogical practice during the teaching courses of the Foundations of Linguistics, History of Linguistics and Comparative Linguistics.

Keywords: comparativistics, language, law, phonetical, change, history, linguistics

Введение

В числе течений современной лингвистики сравнительно-историческому языкознанию принадлежит, в известном смысле, особое место. Возникнув как *научное* (т. е. базирующееся на определённых принципах, обладающее собственным методом и выработавшее достаточно строгие процедуры исследования и систему доказательств) направление более двухсот лет назад, претендовавшее даже на протяжении большей части XIX в. на статус *единственно* научного (тезис, что предметом языкознания является «человеческий язык в его истории», был своего рода общим местом для подавляющего большинства созданных в этот период лингвистических курсов), подвергавшееся критике со стороны разного рода «диссидентов индоевропеизма» (порой весьма сильно расходившихся друг с другом), поставленное в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра ниже рациональной грамматики XVII–XVIII столетий («Классическую грамматику упрекали в том, что она не научна, между тем ее научная база менее подвержена критике, а ее предмет лучше определен, чем у той лингвистики, которую создал Бопп» [13, с. 115]), – оно, тем не менее, по-прежнему занимает свою, достаточно весомую, нишу. Традиционно выделяемое в качестве *первой* научной парадигмы в истории нашей науки, сравнительно-историческое языкознание достаточно успешно выдержало «наложение» со стороны последующих научных парадигм (относительно недавний обзор существующих воззрений на данную категорию

можно найти в работе Т. В. Дубровской [6]), в том числе и фактически её отрицавших. Причём, интерес к названной проблематике характеризует в наши дни не только узких специалистов в данной области, но и достаточно широкую аудиторию, о чём говорит и появление ряда популярных работ, посвящённых этой дисциплине (в качестве примера назовём «К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании» Г. С. Старостина [14]). Разумеется, методические приёмы, которыми пользуется сравнительно-историческое языкознание, развивались и совершенствовались на протяжении всего его существования, что отмечают как отечественные [1; 2], так и зарубежные [16; 17] авторы. Однако, как заметил В. М. Алпатов, одним из существеннейших методологических принципов сравнительно-исторического языкознания был и остаётся постулат, согласно которому «компаративист должен исходить из презумпции поиска законов, не знающих исключений. На их основе объясняется максимум фактов, а затем приходится думать, как объяснять то, что никак не попадает под действие законов» [2, с. 138]. Значимость указанного понятия подчёркивает и К. Г. Красухин: «... открытие фонетического закона стало одним из крупнейших достижений науки XIX в. и гуманитарной науки вообще. ... Первой гуманитарной наукой, претендующей на истинно научную строгость, стало именно сравнительно-историческое языкознание. В этом непреходящее значение фонетического закона» [9, с. 41].

Таким образом, исследование формирования и развития данного понятия представляется крайне актуальной задачей как с исторической, так и с теоретической точки зрения. В предлагаемой статье сделана попытка осветить некоторые её аспекты.

Фонетический закон как методологический принцип

В одной из зарубежных работ, посвящённых истории науки о языке, автор сформулировал её основную проблему в следующих словах: “If linguistics is a real science (which is doubtful) when and how did the application of scientific methodology come about and what mistakes have been made in this respect?” [18, p. XI].

Естественно, у читателя может возникнуть вопрос, чем вызваны поставленные в скобки слова, согласно которым причисление языкознания к «настоящим» наукам является сомнительным? На наш взгляд, здесь отразилось присущее англоязычной традиции деление существующих областей знаний на *sciences* и *humanities*, т. е. – говоря несколько упрощённо – на дисциплины, опирающиеся на экспериментально-количественный подход, позволяющий выявлять закономерности тех или иных исследуемых явлений и устанавливать на этой основе имеющие обязательный характер научные законы, с одной стороны¹, и к таковым не относящиеся – с другой².

Хотя, как отмечалось выше, претензии компаративистики на «монополию научности» были отвергнуты уже к началу прошлого века, однако, если подходить к интересующему нас вопросу на основе указанных критериев «научности», то они – во всяком случае, с историко-лингвистической точки зрения – представляются не лишёнными оснований.

Здесь целесообразно сделать одну оговорку. Как известно, соображения о родстве тех или иных языков между собой (особенно принадлежащих к группам, образование которых относилось к сравнительно недавнему по историческим меркам периоду – как, например, обстоит дело с романскими или славянскими языками) было замечено задолго до возникновения сравнительно-исторического языкознания и даже до известного доклада У. Джоунза, рассматриваемого как наиболее выдающегося предшественника индоевропеистики (впрочем, периодически по поводу этого высказываются определённые сомнения, о которых нам уже доводилось писать [3]). Естественно, что в той или иной степени они должны были основываться на факте наличия в этих идиомах достаточно значительного числа лексических единиц, в которых имелись не только полные совпадения (которые как раз, чаще всего проще объяснить прямым заимствованием), а регулярно повторяющиеся частичные расхождения (типа полногласия в восточнославянских языках, соотносящегося с неполногласием в южнославянских), наводящие на мысль о присущей им определённой *закономерности*. Но подметить закономерность, естественно, ещё не значит сформулировать определяющий её *закон*. С другой стороны – что может показаться несколько парадоксальным – в специальной литературе неоднократно отмечалось, что на первом этапе развития сравнительно-

as literature, history or art rather than science or mathematics”. См.: Longman Dictionary of Contemporary English. Edinburgh Gate; Harlow: Pearson Education Limited, 2003. P. 795.

¹ Напомним наиболее распространённую дефиницию данного понятия: «Научный закон – универсальное, необходимое утверждение о связи явлений. Общая формула Н. з.: “Для всякого объекта из данной предметной области верно, что, если он обладает свойством А, то он с необходимостью также имеет и свойство В”. Универсальность закона означает, что он распространяется на все объекты своей области, действует во всякое время и в любой точке пространства». См.: Научный закон. Философская энциклопедия // Академик: [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/790/НАУЧНЫЙ (дата обращения: 27.05.2022).

² Ср. определение, содержащееся в той или иной формулировке в большинстве словарей английского языка: “(the) *humanities* subjects of study such

исторического языкознания (в первую очередь, разумеется, имеются в виду работы Ф. Боппа) говорить о выдвигании понятия фонетического закона как основного понятия этой дисциплины вряд ли возможно. Приведём в этой связи замечание А. В. Десницкой: «Хотя Бопп и говорил о действии в языке “физических законов”, имея в виду наличие в языке определенных правил звуковых переходов (т. е. обращал внимание на определённые тенденции звуковой эволюции – *Авт.*), он допускал в то же время широкие возможности для разного рода случайных, не подчинённых никаким закономерностям звуковых изменений ...» [5, с. 41].

«Методологизацию» понятия фонетического закона традиционно (и в целом, вероятно, с полным основанием) принято связывать с деятельностью младограмматиков. Приведём одно из многочисленных высказываний такого рода: «Постулат непреложности фонетических законов был сформулирован младограмматиками в 70-х годах прошлого (т. е. XIX – *Авт.*) века как фундаментальное положение компаративистики» [7, с. 27]. Но, думается, в его становлении сыграл определённую роль и учёный, бывший для младограмматиков едва ли не главным объектом полемики. Речь идёт об А. Шлейхере.

«Лингвистический натурализм» последнего был подвергнут критике (и не только младограмматиками) весьма скоро после своего появления – хотя следы натуралистического понимания сохранялись, как это показано в исследовании И. В. Стекольниковой [15], на протяжении достаточно длительного времени. Однако *объективно* он вполне мог способствовать утверждению принципа непреложности языковых (в том числе, фонетических) законов: если язык представляет собой живой организм и подлежит изучению естественно-научными методами, то и развиваться он должен по принципам, отвечающим естественно-научному пониманию законов, которые носят всеобщий и обязательный характер. Собственно

говоря, такое понимание можно найти и в сформулированном им положении: «Верным критерием языкового родства является прежде всего происходящее особым образом изменение общей с другими языками звуковой материи, посредством которой он отделяется как особый язык от других языков» [8, с. 112]¹.

Но как бы то ни было, окончательное утверждение данного принципа действительно оказалось в истории нашей науки связано с появлением так называемого «Младограмматического манифеста» – «Предисловия к книге “Морфологические исследования в области индоевропейских языков”» Г. Остгофа и К. Бругмана, формулировка которых гласила: «Только тот, кто строго учитывает действие звуковых законов, на понятии которых зиждется вся наша наука, *находится на твердой почве* в своих исследованиях» [8, с. 194–195]. Приоритета представителей данного течения в интересующем нас вопросе не отрицали и их противники, о чём свидетельствуют слова Г. Шухардта: «Единственный тезис, который может быть признан безусловным и бесспорным достоянием так называемой младограмматической школы – это тезис о непреложности фонетических законов» [8, с. 304]. И он же стал той критической точкой, на которой строили отрицание младограмматической доктрины разного рода «лингвистические диссиденты».

Фонетический закон: критика и корректировка

О том, по каким направлениям шла критика и самого понятия «фонетический закон», и его конкретных применений, писали достаточно много (из относительно недавних работ назовём, в частности, статью И. М. Рахимбирдиевой [12]). Разумеется, отрицавшие младограмматический постулат учёные – от

¹ Источники, включённые в хрестоматию В. А. Звезгинцева «История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях», в дальнейшем цитируются со ссылкой на неё.

И. А. Бодуэна де Куртенэ до итальянских неолингвистов – могли существенно отличаться друг от друга. Однако наиболее часто указывалось на то обстоятельство, что – в отличие от научных законов в сформулированном выше понимании – в данном случае невозможно говорить об их всеобщем характере: «Так как всякое фонетическое изменение, каково бы ни было его распространение, всегда ограничено определенным временем и определенной территорией, оно отнюдь не простирается на все времена и все местности» [13, с. 128].

Имея в виду указанный момент, В. К. Журавлев в процитированной выше работе писал: «Лингвисты, потратив много усилий на доказательство ложности одного из наиболее фундаментальных достижений своей науки, все же не смогли отрицать методологическую ценность положения о непреложности фонетических законов. Но даже те, кто отставляет постулат младограмматиков, как правило, подчеркивают некую ущербность фонетических законов по сравнению с законами естественных наук. Если законы последних действены всегда и всюду, – рассуждают они, то действие фонетических законов ограничено лишь данным языком или даже диалектом на строго определенном этапе его развития. Лингвистическая закономерность исключений из фонетических законов пока не раскрыта» [7, с. 28].

В силу этого, наряду с отрицанием принципа безысключительности фонетических законов, с самого же начала стала проявляться тенденция к его корректурке – как у самих младограмматиков, так и у лингвистов, стоявших на позициях сравнительно-исторического языковедения, но не подходивших к интерпретации его положений с ортодоксально младограмматических позиций.

То, что первые «в поисках доказательств принуждены были отказаться от первоначальной догматичности изложения», что отразилось «в много-

численных поправках и дополнениях к основному тезису младограмматиков» [8, с. 309], говорил в названной выше статье уже Г. Шухардт. Наиболее наглядно, пожалуй, проявилось это стремление в монографии, которую – вероятно, не без некоторой иронии – порой именовали «Библией младограмматиков». Речь идёт о знаменитых «Принципах истории языка» Г. Пауля, писавшего по этому поводу: «Слово “закон” употребляется в весьма различных значениях, что может привести к путанице. Понятие звукового закона не следует употреблять в том смысле, в каком мы говорим о законах в физике или химии ... Звуковой закон не содержит в себе указаний на то, что непременно должно наступить всякий раз при данных общих условиях, он констатирует лишь регулярность определённой группы исторических явлений» [11, с. 87]. Солидарен с ним оказался и другой крупный представитель младограмматизма – Б. Дельбрюк. В этой связи им упоминается и «в высшей степени полезная работа Ш. Шухардта “О фонетических законах”» (причём автора не смутило, что в подзаголовке последней значится: «Против младограмматиков») и подчёркивается, что звуковые законы нельзя, как это делали некоторые авторы, отождествлять с законами природы, поскольку они «не имеют ничего общего с химическими или физическими законами» [8, с. 225]. Понимая, что такое утверждение приведёт к естественному вопросу, насколько допустимо в таком случае вообще использовать термин «закон», автор ссылается на то, что «понятие “звуковой закон” настолько утвердилось, что уже не может быть искоренено, и, кроме того, я не могу предложить для него лучшего термина» [8, с. 232]. Таким образом, единственным оправданием для применения последнего оказываются традиция и удобство использования. Приведённый аргумент, вероятно, не лишён основания; однако признать его строго научным суждением несколько сложно.

Позиция вторых, вероятно, может быть проиллюстрирована высказываниями А. Мейе. Оставаясь в целом правоверным компаративистом, он вместе с тем проявлял достаточную открытость и к таким лингвистическим концепциям, которые под традиционную сравнительно-историческую мерку не очень подходили – будь то «Курс общей лингвистики» его бывшего учителя Ф. де Соссюра или труды весьма чуждого по духу основателю Французской социологической школы «индивидуалиста» К. Фосслера.

Соответственно, подходя к рассмотрению «безысключительности» фонетических законов, учёный обращает внимание на два в какой-то степени противоположных момента. С одной стороны, он, отмечая ряд «возмущающих» факторов, не ограничивается обычно упоминаемой младограмматиками в этой связи аналогией, поскольку таковыми могут быть диалектные заимствования, формулы вежливости, субстратные явления и т. п.; вместе с тем им подчёркивается: «Ничто из этого не противоречит принципу постоянства фонетических законов» [8, с. 429]. С другой стороны, следует важное уточнение: «... самое существенное – формулы общей эволюционной фонетики означают возможность, а не необходимость. Можно определить, каким образом должен измениться согласный, оказавшись между гласными, но из этого не следует, что он изменится» [10, с. 78]. А это опять-таки представляет собой признание того факта, что понимание «научного закона» в данном случае весьма отличается от приведённого выше принципа, согласно которому последний «распространяется на все объекты своей области, действует во всякое время и в любой точке пространства»¹.

Таким образом, сложившаяся к началу XX в. трактовка принципа «непреложно-

сти» фонетических законов характеризовалась некоторой двойственностью (концепции, в принципе отвергавшие данное понятие, мы сейчас в расчёт не берём). Хотя сравнительно-историческое языкознание продолжало и продолжает развиваться, однако выдвижение на передний план сначала структурной, а затем антропоцентрической парадигм и некоторое «оттеснение» его с позиций ведущего научного направления не могли не сказаться и на отношении к данной проблеме. В целом, вероятно, можно констатировать, что в большинстве современных работ, где она затрагивается, находим – с некоторыми видоизменениями – такую же компромиссную формулировку, которая представлена в трудах Г. Пауля, Б. Дельбрюка, А. Мейе и других представителей классической компаративистики. Приведём в этой связи решение, предлагаемое авторами одного из наиболее фундаментальных трудов в этой области, созданных в последние десятилетия: «несмотря на ... случаи нарушения регулярных соответствий, общий принцип регулярности все же соблюдаются. Нерегулярности встречаются гораздо реже, чем регулярные соответствия, по причине общего системного характера языка и необходимости обеспечения стабильной коммуникации внутри социума» [4, с. 78].

Заключение

Подводя итоги нашему рассмотрению, можно сделать следующие выводы:

- вопрос о фонетических законах относится к числу важнейших проблем сравнительно-исторического языкознания; вместе с тем, некоторые связанные с ними аспекты (в первую очередь, утверждение, что они не знают исключений) получили неодинаковую трактовку в трудах разных лингвистов;

- основным дискуссионным моментом, связанным с применением термина «закон» к фонетическим изменениям, стал вопрос, насколько оно соответствует положению, согласно которому научный за-

¹ См.: Научный закон. Философская энциклопедия // Академик : [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/790/НАУЧНЫЙ (дата обращения: 27.05.2022).

кон должен охватывать все относящиеся к нему объекты и не быть ограниченным пространственно-временными рамками;

– на наличие определённых закономерностей в соотношениях между единицами тех или иных языков обратили внимание задолго до появления сравнительно-исторического языкознания; но ещё на первом этапе его формирования в работах Ф. Боппа это понятие фактически не было выдвинуто в качестве основного методологического понятия, хотя им и признавалось наличие определённых правил звуковых переходов;

– окончательное признание безысключительности звуковых законов в качестве фундаментального принципа компаративистики связывается с представителями младограмматического направления; вместе с тем, предпосылки данного тезиса можно найти и в трудах А. Шлейхера;

– названное утверждение подверглось критике многими лингвистами, стоявшими на разных позициях; в пер-

вую очередь из-за невозможности придания фонетическим законам общего характера;

– наряду с отрицанием данного понятия у учёных, разделявших позиции сравнительно-исторического языкознания – как собственно младограмматиков, так и представителей других течений, – стало проявляться и стремление к его корректровке;

– к концу XIX – началу XX вв. складывается понимание звукового закона как имеющего локальные и хронологические ограничения и выражающего не столько обязательность того или иного изменения, сколько его возможность; признание случаев нарушения фонетических законов имеется и в современных работах по компаративистике, однако при этом подчёркивается, что они имеют место гораздо реже, чем регулярные соответствия, что находит объяснение в наличии у языка системного характера.

Дата поступления в редакцию 06.06.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М., Крылов С. А. История лингвистических учений. М.: Юрайт, 2021. 452 с.
2. Алпатов В. М. Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики. М: Альпина нон-фикшн, 2018. 253 с.
3. Беляева И. Ф., Хухуни Г. Т. Предыстория компаративистики: известное и спорное // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 1. С. 8–17.
4. Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Академия, 2005. 432 с.
5. Десницкая А. В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 332 с.
6. Дубровская Т. В. Научные парадигмы в современной отечественной и зарубежной лингвистике: сущность, динамика, философские основания // Научный диалог. 2019. № 9. С. 73–87. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-73-87.
7. Журавлев В. К. Постулат непреложности фонетических законов и современная компаративистика // Вопросы языкознания. 1986. № 4. С. 27–36.
8. Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. 468 с.
9. Красухин К. Г. Введение в индоевропейское языкознание: курс лекций. М.: Академия, 2004. 329 с.
10. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М.: Издательство иностранной литературы, 1954. 100 с.
11. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 500 с.
12. Рахимбирдиева И. М. Проблемность понятия звукового закона с точки зрения критиков младограмматизма // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 31. С. 193–201.

13. Соссюр Ф. де. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 596 с.
14. Старостин Г. С. К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 584 с.
15. Стекольников И. В. К вопросу о натуралистической концепции языка в истории мировой лингвистической мысли. М.: ИИУ МГОУ, 2018. 98 с.
16. Baybee J. *Language Change*. Cambridge: University Press, 2015. 309 p.
17. Crowley T., Bowern C. *An introduction to historical linguistics*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2010. XXXII + 376 p.
18. Seuren P. A. M. *Western Linguistics. An Historical Introduction*. Oxford: Blackwell Publishers, 1988. XV + 570 p.

REFERENCES

1. Alpatov V. M., Krylov S. A. *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy* [History of linguistic teachings]. Moscow, Yurayt Publ., 2021. 452 p.
2. Alpatov V. M. *Yazykoznanie: ot Aristotelya do komp'yuternoy lingvistiki* [Linguistics: from Aristotle to Computational Linguistics]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2018. 253 p.
3. Belyayeva I. F., Khukhuni G. T. [The prehistory of comparative linguistics: the known and controversial]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2014, no. 1, pp. 8–17.
4. Burlak S. A., Starostin S. A. *Sravnitel'no-istoricheskoye yazykoznanie* [Comparative historical linguistics]. Moscow, Akademiya Publ., 2005. 432 p.
5. Desnitskaya A. V. *Voprosy izucheniya rodstva indoevropeyskikh yazykov* [Questions of studying the relationship of Indo-European languages]. Moscow, Akademia nauk SSSR Publ., 1955. 332 p.
6. Dubrovskaya T. V. [Paradigms in modern Russian and foreign linguistics: nature, dynamics, and philosophical grounds]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2019, no. 9, pp. 73–87. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-73-87.
7. Zhuravlev V. K. [The postulate of the immutability of phonetic laws and modern comparative studies]. In: *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 1986, no. 4, pp. 27–36.
8. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniiya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [The history of linguistics in the 19th–20th centuries in essays and extracts]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1964. 468 p.
9. Krasukhin K. G. *Vvedeniye v indoevropeyskoye yazykoznanie* [Introduction to Indo-European linguistics]. Moscow, Akademiya Publ., 2004. 329 p.
10. Meillet A. *Sravnitel'nyy metod v istoricheskom yazykoznanii* [Comparative method in historical linguistics]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1954. 100 p.
11. Paul H. *Printsipy istorii yazyka* [Principles of the history of language]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1960. 500 p.
12. Rakhimbirdiyeva I. M. [The problematic nature of the concept of sound law from the point of view of critics of neogrammatism]. In: *Aktual'nyye voprosy sovremennoy nauki* [Actual problems of modern science], 2014, no. 31, pp. 193–201.
13. Saussure F. de. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977. 596 p.
14. Starostin G. S. *K istokam yazykovogo raznoobraziya. Desyat' besed o sravnitel'no-istoricheskom yazykoznanii* [To the origins of linguistic diversity. Ten Talks on Comparative Historical Linguistics]. Moscow, «Delo» RANEPa Publ., 2016. 584 p.
15. Stekol'shchikova I. V. *K voprosu o naturalisticheskoy kontseptsii yazyka v istorii mirovoy lingvisticheskoy mysli* [To the question of the naturalistic concept of language in the history of world linguistic thought]. Moscow, MRSU Ed. Off. Publ., 2018. 98 p.
16. Baybee J. *Language Change*. Cambridge, University Press, 2015. 309 p.
17. Crowley T., Bowern C. *An introduction to historical linguistics*. Oxford, Oxford University Press, 2010. XXXII + 376 p.
18. Seuren P. A. M. *Western Linguistics. An Historical Introduction*. Oxford, Blackwell Publishers, 1988. XV + 570 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляева Ирина Фёдоровна – кандидат филологических наук, доцент, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: belyaevairin@mail.ru;

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: khukhuni@mail.ru;

Пугина Елена Юниоровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: mirka2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina F. Belyaeva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;
e-mail: belyaevairin@mail.ru;

Georgy T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Language Theory, English and Applied Linguistics, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;
e-mail: khukhuni@mail.ru;

Elena Yu. Pugina – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Language Theory, English and Applied Linguistics, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;
e-mail: mirka2011@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Беляева И. Ф., Хухуни Г. Т., Пугина Е. Ю. Закон, закономерность, тенденция (к вопросу об освещении изменений звукового строя в истории лингвистической мысли) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 28–36.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-28-36

FOR CITATION

Belyaeva I. F., Khukhuni G. T., Pugina E. Yu. Law, regularity, tendency (the coverage of the phonetical changes in the history of linguistic thought). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 4, pp. 28–36.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-28-36

УДК 81`23

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-37-50

ЭКВИВАЛЕНТНЫЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ «ТИПОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ» СОЧЕТАНИЙ С КЛЮЧЕВОЙ ЛЕКСЕМОЙ ДРУГ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Епифанова В. В.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. В статье представлены результаты сопоставительного исследования сочетаемости возможностей лексики ДРУГ в русском и немецком языках, проведённого с использованием аппарата лексических функций-параметров (И. А. Мельчук, А. К. Жолковский и др.). Основная цель проводимого исследования – выявление универсальных и специфических (лакунарных для одного из языков) «типовых значений» анализируемых сочетаний с уточнением их стилистической маркированности, особенностей употребления, наличия / отсутствия семантических ограничителей в обоих языках.

Процедура и методы. Исследование включает четыре основных этапа работы, среди которых – сопоставление семантики ключевой лексики анализируемых сочетаний с целью выявления совпадающих / несовпадающих сем, качественный отбор основного массива сочетаний с ключевой лексемой в обоих языках, выявление эквивалентных лексических функций-параметров с указанием особенностей их языкового воплощения в обоих языках, выявление специфических лексических функций-параметров, вербализованных лишь в одном из анализируемых языков. В ходе работы использовались компонентный, дефиниционный, семный, дистрибутивный, контекстологический виды анализа.

Результаты. Полученные результаты позволяют выявить наиболее полную картину того, какие лексические функции-параметры 1) представлены в обоих языках посредством сочетаний с ключевой лексемой ДРУГ, 2) представлены лишь в одном из языков посредством соответствующих сочетаний при альтернативных способах их выражения в другом языке (отличными от словосочетаний способами), 3) представлены в одном из языков сочетаниями с ключевой лексемой ДРУГ и полностью не вербализованы в другом языке, 4) представлены наиболее / наименее многочисленно в каждом из языков; 5) являются наиболее / наименее употребительными в каждом из языков.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость полученных результатов заключается в возможности расширения и уточнения теории двуязычной сочетаемости лексикографии, в которой используемый в статье подход может быть рассмотрен в качестве альтернативного способа презентации и интерпретации лексикографического материала. Полученные результаты имеют практическое значение для сферы перевода русской и немецкой художественной и нехудожественной литературы, в процессе составления русско-немецкого и немецко-русского словарей сочетаемости, а также в практике преподавания русского и немецкого языков как неродных.

Ключевые слова: лексическая функция-параметр, типовое значение, лексическая сочетаемость

EQUIVALENT AND SPECIFIC “TYPICAL MEANINGS” OF THE WORD COMBINATIONS WITH THE KEY LEXEME *ДРУГ* IN RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

V. Epifanova

Lomonosov Moscow State University

Leninskie gory 1, 119991 Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. The article presents the results of a comparative study of the combinability of the lexeme FRIEND in Russian and German, conducted using the apparatus of lexical functions-parameters (I. A. Melchuk, A. K. Zholkovsky, etc.). The main purpose of the research is to identify universal and specific (lacunary for one of the languages) “typical meanings” of the analyzed combinations with the clarification of their stylistic mark, usage peculiarities, presence/absence of semantic limitations in both languages.

Methodology. The study includes four main stages of work, among which there is a comparison of the semantics of the key lexeme of the analyzed combinations in order to identify equivalent/non-equivalent semes, a qualitative selection of the main combinations with the key lexeme in both languages, an identification of equivalent lexical functions-parameters indicating the features of their verbalization in both languages, an identification of specific lexical functions-parameters verbalized only in one of the analyzed languages. In the course of the work the following methods were used: component, definitional, seme, distributive, contextual types of analysis.

Results. The results of the research let reveal most completely which lexical functions-parameters 1) are represented in both languages with the combinations with the key lexeme FRIEND, 2) are represented only in one of the languages with appropriate combinations and with alternative ways of their expression in another language (in ways different from word combinations), 3) are represented in one of the languages with the combinations with the key lexeme FRIEND and are not verbalized in another language, 4) are most/least numerous in each of the languages; 4) are the most/least used in each of the languages.

Research implications. The theoretical significance of the results of the research is in the possibility of expanding and clarifying the theory of teaching foreign languages and the theory of bilingual combinatorial lexicography, in which the approach used in the article can be considered as an alternative way of presenting and interpreting lexicographic and/or educational material. The practical importance of the results is applied to the translation practice of Russian and German fiction and non-fiction literature, in the process of compiling Russian-German and German-Russian combinatorial dictionaries, as well as in the practice of teaching Russian and German as non-native languages.

Keywords: lexical function-parameter, typical meaning, lexical compatibility

Введение

Вопросы лексической сочетаемости русского и немецкого языков подробно изучались в следующих исследовательских направлениях: 1) определение, типология, избирательность и степень устойчивости (*der Grad der Fixiertheit*) лексической сочетаемости современного немецкого языка [14; 15]; 2) интерферирующее влияние русско-немецкого двуязы-

чия на употребление лексических сочетаний [14]; 3) включение устойчивых сочетаний в двуязычные словари академического типа как инструмент исчерпывающей семантизации словарной единицы [7]; 4) национальная вариативность немецкого языка в сфере лексической сочетаемости (на материале австрийских и швейцарских коллокаций) [9]; 5) лексическая сочетаемость и проблемы русско-

немецкой переводной лексикографии [4] и др.

Одним из успешных способов описания сочетаемостных возможностей слов русского и немецкого языков может выступать аппарат лексических функций-параметров (далее ЛФ-П) (И. А. Мельчук, А. К. Жолковский и др.¹), раскрывающих синтагматические свойства слова на основе так называемых «типовых» (абстрактных, общих для большого количества сочетаний) значений: ср. ЛФ-П **Magn** (типовое значение «очень», «в высшей степени»): русск. **Magn** (*рассматривать*) = *внимательно, пристально*; **Magn** (*сомнение*) = *глубокое, сильное, большое, серьёзное* и др.; нем. **Magn** (*Regen* «дождь») = *starker* «сильный», *Platz-* «лопающийся»; нем. **Magn** (*Argument* «довод») = *gewichtiges* «веский», *schlagendes* «разящий», *unschlagbares* «непобедимый», *unwiderlegbares* «неопровержимый»; ЛФ-П **Oper_i** (типовое значение «глагол, связывающий название i-го актанта в роли подлежащего с названием ситуации в роли первого дополнения»): русск. **Oper₁** (*влияние*) = *иметь [влияние]*, **Oper₂** (*влияние*) = *находиться [под влиянием]* и др.; нем. **Oper₁** (*Widerstand* «сопротивление») = [N_{Y-DAT} ART ~ Acc] *leisten* «оказывать»; **Oper₁** (*Entschuldigung* «прощение») = [N_{Y-ACC} *um* ~ Acc] *bitten* «просить» и др.².

Аппарат ЛФ-П имеет высокий потенциал практического применения как на базе одного, так и на базе нескольких

языков, включая создание учебных материалов для освоения лексики и разработку компьютерных методов обучения владению языком (в частности, создание компьютерного учебника лексики) [11], создание одноязычных толково-комбинаторных словарей³, создание двуязычных учебных словарей комбинаторного типа⁴ [3], ускорение процессов обработки естественного языка (Natural Language Proceeding) [16], совершенствование поисковых систем [13], лексикографирование идиоматики русского языка на основе определённой лексической функции⁵, маркирование интенсивности эмоций в языке с помощью определённой лексической функции [6] и др. Кроме того, универсальность системы ЛФ-П, по справедливому замечанию И. А. Мельчука, позволяет компактно и легко выражать «межъязыковые соответствия между значениями соответствующих функций для семантически эквивалентных ключевых слов» одного языка [10, с. 77], а также строить «универсальную систему перифразирования» в нескольких языках [там же, с. 78].

Аппарат ЛФ-П на примере русского и английского языков в учебных целях успешно применяется в проспекте англо-русского учебного комбинаторного словаря (автор – М. В. Влавацкая), где выступает «одним из основных способов описания комбинаторно-синтагматических свойств слов, позволяющим максимально полно представить элементарные смыслы заглавного слова» [3, с. 389]. В качестве об-

¹ См.: Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики / ред.-сост. И. А. Мельчук, А. К. Жолтовский; 2-е изд., испр. М.: Глобал Ком: Языки славянской культуры, 2016. С. 85–114.

² Источники примеров: Мельчук И. А. От смысла к тексту [10]; Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики / ред.-сост. И. А. Мельчук, А. К. Жолтовский; 2-е изд., испр. М.: Глобал Ком: Языки славянской культуры, 2016. 544 с. (далее – Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики).

³ См.: Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики; Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexicos-sémantiques IV. Vol. I–IV / Melčuk I. A. et al. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal, 1984, 1988, 1992, 1999.

⁴ Убин И. И. Англо-русский и русско-английский словарь лексической сочетаемости. М.: Р. Валента, 2020. 424 с.

⁵ Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики: сочетания слов со значением высокой степени [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 15.01.2022).

разца приведём словарную статью заголовочной единицы *delight* из указанного проспекта словаря (названия лексических функций-параметров выделены жирным шрифтом с подчёркиванием):

Delight *n* a feeling of great happiness and pleasure **восторг, восхищение, удовольствие**

Adj+N

Magn1: great: absolute, deep, great, intense, much, pure, sheer, utter *The expression on her face was one of sheer delight* **полный, сильный** ~

Magn2: boundless, endless, hog-wild, inexpressible, irresistible, keenest, rapturous, wild, spiteful, unutterable *We have read this manuscript with boundless delight* **безграничный, бурный** ~

Ver: evident, genuine, frank, obvious, real, sincere, true *Rutherford himself used this model in explanations and lectures with obvious delight* **явный, очевидный** ~

АнтиMagn: silent: dumb *I love your cunning dumb delight* **немой, молчаливый** ~

АнтиVer: 1. unreal: imaginary *Open your mind to the imaginary delight of puppeteering in Prague* **мнимый** ~

2. like a child's: childish / childlike *Children remind me that God wants us to walk through life with childlike delight* **детский** ~

3. bad: mischievous, perverse *But it is Schadenfreude, a mischievous delight in the misfortunes of others, which remains the worst trait in human nature* **извращённый, превратный** ~

V+N

Oper1: experience delight: experience, feel, find, take *She seemed to take delight in watching me suffer* **чувствовать** ~

PermManif: show your delight: convey, express, reveal, show *Prince William, Prince Harry express delight over success of London Games* **выражать** ~ / **не скрывать** ~а

неPermlManif: hide your delight: conceal, contain, hide *One policymaker can scarcely hide his delight, describing Bangladesh's recent economic success as "nothing short of a miracle"* **скрывать** ~, **не проявлять** ~а

CausFunc1=Oper2: give delight: bring, give *Nothing gives me more pleasure and satisfaction than bringing delight to someone else. There is something delightful about giving delight* **доставлять** ~ / **приносить (удовольствие)**

Real1: cause delight: cause, evoke, provoke *Furthermore, I say that it is not expensive to evoke delight in your customers. New funding models for journalism provoke either delight or dismay* **вызывать** ~

Oper1+S: share smb's delight: *share Frank does not share his sister's delight* **разделять** ~

Phrases: **V + with + N**

Excess(голос): 1. beam, laugh, scream, shout, shriek, squeal, whoop *Why do children laugh and squeal with delight when chased?* **кричать / визжать от** ~а

N + of + N

2. cheer, cry, scream, shout, shriek, squeal, whoop *Sharapova lets out a scream of delight after winning through to the last eight. She gave a whoop of delight and dived into the water* **крик, возглас** ~а и др. [3, с. 446–447].

Важно подчеркнуть, что в практике учебной и переводной русско-немецкой и немецко-русской комбинаторной лексикографии подобных словарей или соответствующих проспектов на данный момент не существует.

В своём исследовании мы предпринимаем попытку использования аппарата ЛФ-П в ходе сопоставительного анализа сочетаемостных возможностей лексемы *друг* в русском и немецком языках. Цель проводимого исследования – выявить универсальные и специфические (лакунарные для одного из языков) «типичные значения» соответствующих сочетаний с указанием способов их реализации в каждом из языков, уточнением их стилистической принадлежности и особенностей употребления. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) анализ общего объёма сочетаний с ключевой лексемой ДРУГ в сопоставляемых языках на наличие полностью эквивалентных ЛФ-П, ре-

ализуемых в обоих языках аналогичным образом; 2) выявление совпадающих ЛФ-П, реализуемых в обоих языках различными способами; 3) выявление ЛФ-П, не выраженных в одном из языков; 4) выявление преобладающего типа отношений между анализируемыми сочетаниями в русском и немецком языках: совпадение / несовпадение «типовых значений», а также полное / частичное совпадение / несовпадение способов выражения выявленных значений. Среди используемых в исследовании методов можно назвать следующие: компонентный, дефиниционный, семный, дистрибутивный, контекстологический виды анализа.

Актуальность проводимого исследования определяется общей тенденцией лингвистических работ последних десятилетий, включая основной фонд современных лингвокультурных, сопоставительных и когнитивных исследований, к выявлению универсальных черт языков, описанию их национально-культурной специфики, выделению национально-специфических черт семантики с уточнением переводных соответствий и т. д. Кроме того, проблематика публикуемого исследования затрагивает назревшую за последние десятилетия необходимость нахождения новых моделей сопоставления сочетаемостных возможностей слов наряду с имеющимися структурно-тематической [1; 2; 5; 7] и сопоставительно-параметрической [8; 12] моделями. Новизна и оригинальность публикуемого исследования заключается в демонстрации альтернативной, в настоящее время мало используемой, модели сопоставления устойчивых сочетаний слов на основе лексических функций-параметров, позволяющих наиболее точно представить универсальные и специфические « типовые смыслы » сочетаний любого структурного типа, любой семантики и тематической направленности.

Источником выявления русских и немецких сочетаний с ключевой лексемой ДРУГ послужили следующие словари:

Активный словарь современного русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна¹, Словарь сочетаемости русского языка под ред. П. Н. Баранова и В. В. Морковкина², Толково-комбинаторный словарь русского языка³, Duden. Deutsches Universalwörterbuch⁴, словари сочетаемости немецкого языка⁵. Полученный материал дополнен примерами из Национального корпуса русского языка (основной и параллельный)⁶, а также Лейпцигского корпуса немецкого языка⁷ и корпуса Берлинской Бранденбургской академии наук (DWDS-Corpus)⁸.

Теоретическая значимость полученных результатов заключается в возможности расширения и уточнения теории преподавания иностранных языков и теории двуязычной сочетаемостной лексикографии, в которых используемый в

¹ Активный словарь русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская и др.; под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. Т. 3. М.: СПб.: Нестор-История, 2017. 768 с.

² Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 3-е изд., испр. М.: Астрель, 2002. 688 с.

³ Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики.

⁴ Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Das umfassende Bedeutungswörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Band 8, überarbeitete und erweiterte Auflage. Berlin: Dudenverlag, 2015. 2128 S. Далее – Duden. Deutsches Universalwörterbuch.

⁵ Quasthoff Uwe. Wörterbuch der Kollokationen im Deutschen. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2011. 551 S.; Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch / hrsg. von Erhard Agricola unter Mitw. von Herbert Grner und Ruth Küfner, überarb. Neufassung der 14. Aufl., 1. Aufl. der Neufassung. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1992. 818 S. Далее – Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch.

⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 11.01.2022). Далее – НКРЯ.

⁷ Leipzig Corpora Collection [Электронный ресурс]. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de?corpusId=deu_news_2020 (дата обращения: 11.01.2022). Далее – Leipzig Corpora Collection.

⁸ DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: www.dwds.de (дата обращения: 11.01.2022). Далее – DWDS-Corpus.

статье подход может быть рассмотрен в качестве альтернативного способа презентации и интерпретации лексикографического и/или учебного материала. Полученные результаты могут представлять собой ценный материал для практики перевода, в процессе составления одно- и двуязычных сочетаемостных словарей, а также в практике преподавания русского и немецкого языков как неродных.

I. Сопоставление семантики лексемы ДРУГ в русском и немецком языках

Начнём с семантического анализа ключевой лексемы ДРУГ в русском и немецком языках с целью выявления её совпадающих и специфичных сем. В Толково-комбинаторном словаре русского языка представлены следующие лексемы заглавной единицы ДРУГ:

«ДРУГ I.1. [X.] друг Y-а: человек X такой, что люди и Y, хорошо зная 2 друга, эмоционально расположены друг к другу, понимают 2 друг друга, духовно близки, преданы друг другу и готовы помогать друг другу, и это каузирует 1 то, что X и Y хотят иметь контакты в сфере личных интересов – не в силу каких-либо иных отношений [например, родственных] между X-ом и Y-ом» S₁ (дружить I.1.);

ДРУГ I.2. газетн. [X.] друг Y-а: [X.] такой, что X дружит I.2. с Y-ом: S₁ (дружить I.2.): социальные единицы одного ранга X и Y, официально заявившие о доброжелательном расположении друг к другу, имеют постоянные контакты [через своих представителей] с целью сотрудничества в разных общественно-социальных сферах, и это сотрудничество часто оформляется в виде официальных договоров о совместных действиях [ср. Договор о совместном использовании ..., Договор о дружбе и взаимопомощи ...] X и Y как бы дружат I.1.;

ДРУГ II книжн. [X.] друг Y-а: человек X, эмоционально расположенный к Y-у и стремящийся контактировать с Y-ом и приносить пользу Y-у, или существо X,

приносящее пользу Y-у, – как бы друг I.1. Y-а;

ДРУГ III. мн. нет. [X.] друг Y-а: мужчина X, с которым женщина Y состоит в интимной связи – как бы друг I.1. Y-а;

ДРУГ IV.1. Обозначение Y-а, к которому обращено данное высказывание, причём Говорящий желает выразить посредством этого обозначения своё дружеское или дружественное расположение к Y-у;

ДРУГ IV.2. прост. Обозначение мужчины Y, к которому обращено данное высказывание, причём Говорящий не знаком с Y-ом, но с которым как бы на «ты»;

ДРУГ IV.2. прост. Мужчина, с которым Говорящий не знаком, но с которым как бы на «ты». Употребляется обязательно с неопределенно-личным или указательным местоимением».

ДРУГ V. нов. Человек X, которого пользователь профиля социальной сети / социальных сетей определяет как своего как бы ДРУГА I.1., добавляя в соответствующий раздел профиля (лексема добавлена автором статьи, В. Е., на основании анализа примеров из НКРЯ).

В современном немецком языке выявлено также пять лексем FREUND:

FREUND, der; I, -[e]s, -e: männliche Person, die einer anderen in FREUND-SCHAFT I.1. (1a) verbunden ist, ihr nahesteht (FREUND-SCHAFT I.1. – auf gegenseitiger Zuneigung beruhendes Verhältnis von Menschen zueinander, das sich durch Sympathie und Vertrauen auszeichnet) (человек мужского пола, который связан с другим человеком ДРУЖБОЙ I.1. и является для него близким человеком (ДРУЖБА I.1. – отношение людей друг к другу, которое основано на взаимной привязанности и выражается симпатией и доверием));

FREUND II. männliche Person, mit der eine Frau od. ein Mann befreundet ist [u. mit der sie od. er zusammenlebt] (человек мужского пола, с которым дружит (и совместно проживает) какая-л. женщина или мужчина) (в значении «друг, поклонник, возлюбленный, партнёр»);

FREUND III.1. männliche Person, die etw. Bestimmtes bes. schätzt (человек мужского пола, который особенно ценит что-л.) (в значении «любитель чего-л.»);

FREUND III.2. männliche Person, die etw. bes. unterstützt od. fördert (человек мужского пола, который горячо поддерживает что-л.) (в значении «сторонник, приверженец чего-л.»);

FREUND III.3. Gesinnungsgenosse, Parteifreund (единомышленник, член партии);

FREUND IV. vertrauliche Anrede an eine männliche Person (доверительное обращение к лицу мужского пола)¹;

FREUND V. neu. Person, die sich als **FREUND I** in einem Sozialnetz betrachtet / die der Benutzer des Profils in einem Sozialnetz als **FREUND I** betrachtet (лексема добавлена автором статьи, В. Е., на основании анализа примеров из соответствующих корпусов немецкого языка).

В рамках опубликованной части исследования в виду ограниченного объёма статьи нами будет рассмотрена лексема **ДРУГ I.1.**, имеющая семантически эквивалентную лексему в немецком языке **FREUND I**. Совпадающими семами лексем **ДРУГ I.1.** и **FREUND I** можно признать следующие: «наличие не менее двух участников», «эмоциональное расположение / симпатия», «хорошее знание друг друга», «доверие», «желание иметь контакты», «готовность помочь». Анализ примеров использования лексемы **FREUND I** позволяет выделить специфические семы «наставничество», «образец для подражания», «определённая позиция (намерения) по отношению ко второму участнику отношений», что обуславливает наличие в немецком языке таких сочетаний, как *ein wohlmeinender* ~ (в значении «друг с благими намерениями, желающий добра»), *ein Freundfeind* (человек, к которому говорящий испытывает как дружеские, так и враждебные чувства (часто из-за конкуренции, сопер-

ничества)), *ein väterlicher* ~ (друг, возраст которого приблизительно равен возрасту отца говорящего, служит наставником и образцом для подражания для говорящего при сохранении иерархии в отношениях) и др. Лексема **ДРУГ I.1.** русского языка позволяет выделить характерные для неё семы «общий период времени», «общие обстоятельства»: ср. русск. *фронтовые друзья*, *армейские друзья* – нем. *ein Kampfgefährte* (букв. *попутчик / спутник в битве* в значении «боевой друг»), *ein Kampfkamerad / Kampfgenosse* (букв. *товарищ в бою*); русск. *друг детства* – нем. *ein Spielgefährte* (букв. *попутчик / спутник в игре* в значении «друг детства» при наличии менее употребительного *ein Kinderfreund* (*ein Freund aus Kindergarten*)); русск. *друзья по несчастью* – нем. *Leidensgenossen / Leidenskameraden* (букв. *товарищи по страданиям*), *Schicksalgenossen* (букв. *товарищи по судьбе*); русск. *друзья поневоле* – немецкий аналог отсутствует.

В публикуемый фрагмент исследования намеренно не были включены сочетания с лексемами **ДРУГ I.2.**, **II**, **III**, **IV** и **FREUND II**, **III.1.**, **III.2.**, **III.3.**, **IV**, **V**, **VI**: например, русск. *активный* ~; *перен. пернатые* ~я (птицы), *перен. четвероногие* ~я (четвероногие домашние животные) (**ДРУГ II**); *милый, сердечный* ~; ~ *сердца* (**ДРУГ III**); *книжн. дорогой* ~ (**ДРУГ IV.1.**); *добавить в друзья, удалить из друзей* (**ДРУГ V**); нем. *umgangssp. ein eingefleischter* ~ (заядлый любитель чего-л.) (**FREUND III.1.**); *ein ausgesprochener* ~ (ярый сторонник чего-л.) (**FREUND III.2.**); *ein fester* ~ (постоянный партнёр), *ein aktueller / momentaner* ~ (нынешний партнёр), *ein entfernter* ~ (партнёр, живущий на расстоянии) (**FREUND II**); *politische* ~е (букв. *политические друзья* в значении «члены одной политической партии») (**FREUND III.3.**); ~е *bestätigen* (подтвердить друзей), *ausgewählte* ~е (друзья, добавленные в группу «Избранные») (**FREUND VI**) и др.

¹ Duden. Deutsches Universalwörterbuch. S. 645.

II. Эквивалентные лексические сочетания с ключевой лексемой ДРУГ в русском и немецком языках

В результате анализа всех выявленных сочетаний русского и немецкого языков с лексемой ДРУГ I.1./ FREUND I к совпадающим ЛФ-П в обоих языках относятся следующие (ЛФ-П условно разделены на некоторые аспекты): 1) характеристика друга/друзей: **Magn**: русск. *большой, хороший* ~ < *лучший* ~ // *названный брат* [X – мужчина] – нем. *ein gutter* ~ < *der beste* ~ < *der allerbeste* ~, *ein großer* ~; **umgangssp. salopp** *ein dicker* ~ < *der dickste* ~; **Magn**_[понимать]: русск. *близкий, душевный* ~; **устар.** *сердечный* ~ – нем. *ein enger, intimer, naher* ~; **Magn**_[предан]: русск. *верный, преданный* ~ – нем. *ein ergebener, treuer* ~; **Magn**_[доверие]: русск. *надёжный, испытанный, проверенный* ~ – нем. *ein bewährter, erprobter, loyaler, verlässlicher, vertrauter, vertrauenswürdig, zuverlässiger* ~; **Magn**_[близкий и частый контакт]: *неразлучные друзья* | Д. – мн. – **разг.** *закадычный* [X и Y – мужчины]; **разг.** *друзья не разлей вода* | Д. – мн. – нем. **umgangssp.** *ein Duzfreund, umgangssp. ein Busenfreund, unzertrennliche* ~e | F. – Pl.; **Ver**: русск. *истинный, настоящий; бескорыстный* ~ – нем. *ein aufrichtiger* (искренний, правдивый), *echter, ehrlicher, reiner, wahrer, wirklicher*; *ein uneigennütziger, selbstloser* ~; **Bon**: *хороший* < *замечательный*, **книжн.** или **устар.** *добрый* ~ – нем. *ein gutter* ~ < *ein großartiger* ~; **AntiBon**: русск. *плохой* ~; *корыстный* ~ – нем. *ein schlechter* ~; **umgangssp. iron.** *ein feiner* ~, **umgangssp. iron.** *ein schooner* ~, **umgangssp. iron.** *sauberer* ~; *ein berechnender* ~ (расчётливый); **Magn**_[эмоционально]: русск. *дорогой, сердечный* ~ – нем. *ein geschätzter, herzlicher, teurer* ~; **Magn**^{temp} (много времени к фиксированному моменту от прошлого): русск. *давний, давнишний, с давних пор, старинный, старый* ~ – нем. *ein alter, ältester, langjähriger* ~; *einstige* ~e; **Magn**^{temp} (мало времени к фиксированному моменту от прошлого): русск. *новый* ~, **разг. ирон.**

новоиспечённый ~ – нем. *ein neu gewonnener* ~; **Magn**^{temp} (от фиксированного момента до конца жизни X-а или Y-а): русск. ~ 'до гроба', 'до гробовой доски', *на всю жизнь, навек, навеки* – нем. *ein lebenslanger* ~, ~ *fürs Leben*; *ewige* ~ | F. – Pl., ~ *bis zum Tod* | F. – Pl; 2) метафорические обозначения друга/друзей: **Figur**_[помощь]: русск. **книжн.** *рука* [~а] – нем. **geh.** *Freundeshand*; **RealFigur**_[помощь]: русск. *протянуть* [S_{DAT} руку (~а)] – нем. [S_{DAT}] *eine Freundeshand reichen* (протянуть кому-л. руку ~а в значении «предложить кому-л. дружбу»); **Mult**: русск. *круг* [~ей]; **устар.-поэт.** *сонм* [~ей] (мн) – нем. *ein Freundeskreis*; **Loc_{in} Mult**: *в кругу* <среди> [~ей] (мн) – нем. *im Freundeskreis, unter* ~n и др.; 3) действия одного из участников отношений: **Oper**: русск. *быть, являться* [~ом S_{РОД} < S_{DAT}>] – нем. [mit S_{DAT}] *(gut) ~ sein, ein/ S_{GEN} ~ [von S_{DAT}] sein*; **Oper**₁ [поведение]: русск. *вести себя (по отношению к S_{DAT}) как ~, поступать как ~* – нем. S_{DAT} *gegenüber als (uneigennütziger) ~ handeln, verfahren*; **PerfIncepOper**: русск. *стать* [~ом S_{РОД} < S_{DAT}>] – нем. *einen/ S_{GEN} ~ [von S_{DAT}] werden, [mit S_{DAT}] (gut) ~/e werden*; **ContOper**: русск. *оставаться* [~ом S_{РОД} < S_{DAT}>] – нем. *einen/ S_{GEN} ~ [von S_{DAT}] bleiben*; **ContOper**₁ *вопреки неблагоприятным для этого факторам*: русск. *расстаться ~ями* | сов., Д. – мн. – нем. *als ~e scheiden* | F. – Pl; **PerfCaus₂ Oper**: русск. *сделать [(своим) ~ом S_{ВИН}]* – нем. *sich [Dativ] [S_{АКК}] zum ~ machen, wählen* и др.; 4) действия второго участника отношений: **Oper**₂: русск. *иметь [~а (в лице S_{РОД})]* – нем. *einen (zuverlässigen) ~ [an S_{DAT}] besitzen, haben*; **полагать, чтоOper**₂: *считать* [S_{ВИН} (своим) ~ом] – нем. [S_{АКК} *als einen (guten) ~ betrachten*; [S_{АКК} *für einen (guten) ~ halten*; [S_{АКК} *zu (seinen) ~en rechnen, zählen*; **PerfIncepOper**₂: русск. *приобрести, найти [~а (в S_{ПР}) <в лице S_{РОД}>]* – нем. *einen (zuverlässigen) ~ [in S_{DAT}] finden, gewinnen*; [S_{АКК} *als einen ~/ zum ~ gewinnen, sich [Dativ] ~/ e erwerben*; **AntiReal**₂ [предан]: русск. *предавать [~а]* – нем. *einen ~ betrügen, verraten*; **FinFunc₂ = NonFact₂**: русск. *от-*

вернуться [от S_{под}] – нем. *sich gegen ein-en ~ wenden* и др.

Из 104 русских и 110 немецких сочетаний объём совпадающих единиц составляет 74% (158 сочетаний, реализующих 36 ЛФ-П). Приведём примеры использования некоторых сочетаний из данной группы, взятые из соответствующих корпусов русского и немецкого языков, анализ которых демонстрирует их эквивалентную семантическую наполненность и употребительность в обоих языках:

In schwierigen Zeiten kristallisiert sich heraus, wer ein wirklicher Freund ist und was wirklich wichtig ist (В трудные времена выясняется, кто **настоящий друг** и что действительно важно) (www.leonberger-kreiszeitung.de, gesammelt am 31.12.2020)¹;

Ein naher Freund rief mich an und sagte mir, dass mich Sharon und Ozzy Osbourne in ihrem Musikvideo wollen (**Близкий друг** позвонил мне и сказал, что Шэрон и Оззи Осборн хотят видеть меня в своём клипе) (bnn.de, gesammelt am 28.02.2020)²;

Echte Freunde besaß ich zwei (У меня было двое **истинных друзей**) (Krausser, Helmut: Eros, Köln: DuMont 2006, S. 26)³;

«Sie waren, wie gesagt, allerbeste Freunde», sagte Joas («Как я уже сказал, они были **лучшими друзьями**», сказал Джоас) (Boie, Kirsten: Skogland, Ort: Hamburg 2005, S. 222)⁴;

In diesen Tagen ist ihm ein neu gewonnener Freund eine große Hilfe (В эти дни ему очень помогает его **новоиспечённый друг**) (Safranski, Rüdiger: Friedrich Schiller, München Wien: Carl Hanser 2004, S. 138)⁵;

Inzwischen hatte ich längst bemerkt, daß keins meiner Kinder Freunde gewann oder auch nur zu einem Kindergeburtstag eingeladen wurde (Между тем, я давно заметил, что ни один из моих детей **не обзавёлся друзьями** или даже не был приглашён на день рождения кого-либо из детей)

(Franck, Julia: Lagerfeuer, Köln: DuMont Literatur und Kunst Verlag 2003, S. 155)⁶;

Der sicherste Weg, sich Freunde zu erwerben, besteht darin, sehr viele Ratschläge zu erbitten und möglichst keine zu geben (Самый верный способ **завести друзей** – просить очень много советов и, по возможности, не давать своих) (Tange, Ernst Günter: Zitatuschatz für Lebenskünstler, Frankfurt a. M.: Eichborn 2000, S. 67)⁷;

Er wäre ihr ein guter Freund geworden (Он **стал** бы ей хорошим **другом**) (Glavinik, Thomas: Die Arbeit der Nacht, München Wien: Carl Hanser Verlag 2006, S. 361)⁸;

Huber, der Sohn einer Französin und eines ... bayerischen Literaten, der Diderot unter seine Freunde rechnete, war schon als Knabe in die Welt der Literatur eingetaucht, hatte die bedeutenden französischen, englischen und italienischen Autoren gelesen (Хубер, сын француженки и ... баварского литератора, **относивший** Дидро к **числу своих друзей**, ещё будучи мальчишкой, погрузился в мир литературы, читал выдающихся французских, английских и итальянских авторов) (Safranski, Rüdiger: Friedrich Schiller, München Wien: Carl Hanser 2004, S. 210)⁹ и др.

III. Специфические лексические сочетания с ключевой лексемой ДРУГ в немецком языке

Специфическими лексическими сочетаниями немецкого языка с реализацией соответствующих лакунарных для русского языка ЛФ-П (14% от общего объёма анализируемых сочетаний, 12 ЛФ-П) являются следующие: **AntiVer(несоответствие понятию ДРУГ I.1. + несоответствие действительности): ein vermeintlicher ~; ein angeblicher ~** (мнимый, ненастоящий друг; выдающий себя за друга); **AntiVer(несоответствие понятию ДРУГ I.1. + отрицательное влияние**

¹ Leipzig Corpora Collection.

² Там же.

³ DWDS-Corpus.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ DWDS-Corpus.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

на второго участника отношений): *ein falscher* ~ (ложный, неправильный друг); **AntiVer**(частичное соответствие понятию ДРУГ I.1. + враждебность): *ein Freundfeind* (человек, к которому говорящий испытывает как дружеские, так и враждебные чувства (часто из-за конкуренции, чувства соперничества); **Von**(пожелание добра): *ein wohlmeinender* ~ (в значении «друг с благими намерениями, желающий добра»); **AntiBon**(утрата доверия): *ein treuloser* ~ (друг, потерявший доверие), *ein verräterischer* ~ (друг, который предал); **AntiBon**(надоедливость, навязчивость): *ein anhänglicher* ~ (надоедливый, навязчивый друг); **AntiBon**(полная антипатия): *iron. ein spezieller* ~ (букв. особый друг в значении «человек, которого говорящий ненавидит»); **Magn**(один участник намного старше второго + является наставником): *ein väterlicher* ~ (друг, по возрасту совпадающий с возрастом отца, служащий наставником и образцом для подражания для говорящего при сохранении иерархии в отношениях); **хотетьOper₂**: *S_{AKK} sich [Dativ] zum ~ wünschen/ wollen* (хотеть кого-л. себе в друзья); **Magn + хотетьOper₂**: *S_{AKK} sich [Dativ] zum ~ begehren* (сильно хотеть / жаждать кого-л. себе в друзья) и др.:

Der Täter war ein vermeintlicher Freund der Familie (Преступник выдавал себя за друга семьи) (www.klatsch-tratsch.de, gesammelt am 12.06.2020)¹;

Und schließlich überholte er seinen Freundfeind Yves (В конце концов он опередил своего друга-врага Ива) (www.faz.net, gesammelt am 19.02.2020)²;

Das ist ihr spezieller Freund (букв. Это её особый друг в значении «Она его терпеть не может»)³;

Falsche Freunde können in solchen Menschen den Gewaltausbruch begünstigen – umgekehrt kann die richtige Gemeinschaft als Prophy-

laxe wirken (Неправильные друзья могут способствовать вспыхиванию насилия в таких людях – и наоборот, правильное окружение может действовать как профилактика от таких вспышек) (Die Zeit, 30.12.2016, № 01)⁴;

*Auch die wohlmeinendsten Freunde zogen sich von ihm zurück (От него отвернулись даже те друзья, кто искренне желал ему добра)*⁵;

*Er war ihm ein väterlicher Freund (Он был ему другом и отцом одновременно)*⁶;

Sobald Sie ihn kennengelernt haben, werden Sie ihn sich zum Freunde wünschen (Как только Вы с ним познакомитесь, то сразу захотите, чтобы он стал вашим другом) (Schulze, Ingo: Neue Leben, Berlin: Berlin Verlag 2005, S. 119)⁷ и др.

IV. Специфические лексические сочетания с ключевой лексемой ДРУГ в русском языке

К специфическим русским сочетаниям, реализующим соответствующие ЛФ-П (12% от общего объема анализируемых сочетаний, 7 ЛФ-П), относятся: **Real₃Caus,Func₂**(против воли Y-а стремиться **Caus,Func**): русск. навязываться [в ~я к S_{ДАТ}]; **прост. лезть, прост. набиваться** [в ~я к S_{ДАТ}]; [в силу случайных обстоятельств + **AntiMagn + Oper₁**: *быть* [~ьями поневоле] | Д. – преим. мн и др.: **Figur₁**_[помощь]; русск. **книжн. плечо** [~а]; **Adv₁Real₁**: *на правах ~а*; **NonReal₂**_[предан']; русск. **изменять** [~у]; **в период Т** (Т – армейский/военный период в жизни Y-а): русск. **армейские, боевые, фронтовые ~я**; **~я по оружию** | Д. – преим. мн и др.

Первому космонавту на Земле было очень тяжело. К нему **набивались в друзья**, где бы он ни появлялся, сразу же **накрывался праздничный стол** (Владимир Губарев. Гагарин. Просто суперзвезда // «Аргументы и факты», 2001.03.07)⁸;

⁴ DWDS-Corpus.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Здесь и далее иллюстративный материал подобран в НКРЯ.

¹ Leipzig Corpora Collection.

² Там же.

³ Duden. Deutsches Universalwörterbuch. S. 645.

Давно уже по вечерам тишину и покой Инкиной квартирki никто не тревожил, никто **не набивался в друзья**, не просил помочь, даже мегаполис обходил стороной и шумел где-то вдали (Улья Нова. Инка, 2004);

Кроме того, живя до того всяк более или менее сам по себе, теперь каждый **почувствовал** себя членом сообщества себе подобных, выпренно выражаясь – **плечо друга**, а это в подземном мире дорогого стоит (Николай Климонтович. Далее – везде, 2001);

Но как ни мучительна эта новая неволя, я, как ни странно, оказался терпеливее и даже выдержанней многих моих **друзей по несчастью** (З. Е. Гердт. Рыцарь совести, 2010);

Как раз в это время у меня появляется **друг по несчастью**. Мы с Кариной не виделись несколько лет. Она позвонила первой (Наталия Васильева. Спасти и сохранить // «Домовой», 2002.10.04);

Сколько жизней и образов проходит перед твоим мысленным взором, какое наслаждение изучать всё это, не касаясь ничьей тайны...! **Друзья поневоле** заслушались... (Алексей Слаповский. День денег, 1998);

– Так знай же... Всякий спешащий сквозь бурю на помощь нам **друг поневоле**... В шаге от смерти кто станет гадать... чьей крепкой рукою... тащат его из пучины?... (Сергей Шикера. Египетское метро // «Волга», 2016);

Невообразимо... Какая отчаянная Александра, какие отчаянные у неё **фронтальные друзья**! (Вацлав Михальский. Река времен. Ave Maria // «Октябрь», 2010);

Много лет подряд 9 мая **боевые друзья** возлагали на могилу деда цветы (Наталия Рожкова-Поплавская. Маленькие эпизоды большой войны // «Наука и религия», 2008);

И вот теперь **на правах друга** я хочу ему сказать: «Дорогой Серёжа! С прекрасным юбилеем!» (Ирина Токмакова. Поздравляем с юбилеем! Сергею Владимировичу Михалкову – 90 лет // «Мурзилка», 2003);

Видя, как она **поморицилась**, **Стечин на правах друга** постеснялся спасти положение (Дмитрий Быков. Орфография, 2002) и др.

Заключение

В ходе проведённого исследования были сделаны следующие выводы: 1) совпадающая часть сочетаемостных возможностей лексемы ДРУГ I.1. в обоих языках составляет 74%, что свидетельствует о высокой степени близости языкового сознания носителей обоих языков (а также, очевидно, иных европейских языков) относительно понятия друг, особенностей его поведения, типов его отношения ко второму участнику отношений, способов поддержания / завершения дружбы и т. д. (ср. русск. *близкий друг*, англ. *an intimate friend, a close friend* etc., нем. *ein enger / intimer / naher Freund*, исп. *un amigo intimo, un amigo cercano* и др.; русск. *давний, старый, старинный друг*, англ. *an old friend, a longtime friend*, исп. *un antiguo amigo, un viejo amigo, un amigo desde hace mucho*, франц. *un vieil ami*, итал. *un vecchio amico, un amico di vecchia data* и др.). Среди ЛФ-П, полностью эквивалентных по способу языкового воплощения и особенностям семантики компонентов сочетаний, можно назвать следующие: русск. **Magn**_[предан]: русск. *верный, преданный* ~ – нем. *ein ergebener, treuer* ~; **Magn**^{temp}(много времени к фиксированному моменту от прошлого): русск. *давний, давнишний, с давних пор, старинный, старый* ~ – нем. *ein alter, ältester, langjähriger* ~; *einstige* ~; **Figur**_[помощь]: русск. *книжн. рука [~а]* – нем. *geh. Freundeshand*; **Real**₁**Figur**_[помощь]: русск. *протянуть* [S_{ДАТ} руку (~а)] – нем. [S_{ДАТ}] *eine Freundeshand reichen* (*протянуть кому-л. руку ~а* в значении «предложить кому-л. дружбу»); **ContOper**₁ **вопреки неблагоприятным для этого факторам**: русск. *расстаться ~ями* | сов., Д. – мн. – нем. *als ~e scheiden* | F. – Pl и др.; 2) наиболее многочисленно представленными ЛФ-П в немецком языке (по сравнению с аналогичными ЛФ-П

в русском языке) являются следующие: **Magn**_[доверие]: русск. надёжный, испытанный, проверенный ~ – нем. *ein bewährter, erprobter, loyaler, verlässlicher, vertrauter, vertrauenswürdig, zuverlässiger* ~; **Ver**: русск. истинный, настоящий; бескорыстный ~ – нем. *ein aufrichtiger* (искренний, правдивый), *echter, ehrlicher, reiner, wahrer, wirklicher; ein uneigennütziger, selbstoser* ~; **umgangssp. iron. ein feiner** ~, **umgangssp. iron. ein sauberer** ~; **полагать, что Oper₂**: *считать* [S_{ВИН} (своим) ~ом] – нем. [S_{АКК} *als einen (guten) ~*] *betrachten*; [S_{АКК} *für einen (guten) ~*] *halten*; [S_{АКК} *zu (seinen) ~en*] *rechnen, zählen* и др.; 3) наиболее высокая частотность употребления по сравнению с эквивалентными сочетаниями в сопоставляемом языке отмечается у следующих сочетаний (сочетание со значительно преобладающей частотностью подчёркнуто): **Magn^{temp}(мало времени к фиксированному моменту от прошло-**

го): русск. *новый, недавний* ~, **разг. ирон. новоиспечённый** ~ – нем. *ein neu gewonnener* ~; **Magn**_[доверие]: русск. *надёжный, испытанный, проверенный* ~ – нем. *ein bewährter, erprobter, loyaler, verlässlicher, vertrauter, vertrauenswürdig, zuverlässiger* ~; **ContOper₁ вопреки неблагоприятным для этого факторам**: русск. *расстаться ~ями* | сов., Д. –мн – нем. *als ~e scheiden* | F. – Pl и др.; 4) объём специфических сочетаний немецкого языка с лексемой ДРУГ I.1. составляет 14%, незначительно превышая количество специфических сочетаний русского языка (12%), что объяснимо, в первую очередь, небольшим количественным преобладанием сочетаний с ключевой лексемой в немецком языке, а также различием в содержании сем, входящих в значение лексемы в обоих языках.

Дата поступления в редакцию 18.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Брискина Е. В. Сходства и различия между русскими и немецкими коллокациями адъективного типа как результат взаимодействия внутриязыковых и внеязыковых факторов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 10. С. 265–272. DOI: 10.30853/filnauki.2020.10.52.
2. Влавацкая М. В. Комбинаторно-семантический анализ коллокаций как метод лингвистического исследования (на примере колоративных коллокаций, образованных по адъективному типу) // Научный диалог. 2020. № 4. С. 40–57. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-40-57.
3. Влавацкая М. В. Теоретические основы комбинаторной лингвистики: лексикологический и лексикографический аспекты (на материале русского и английского языков): дис. ... докт. филол. наук. Новосибирск, 2013. 470 с.
4. Евдокимов А. П. Лексическая сочетаемость и проблемы переводной лексикографии (на материале немецких соответствий сочетаниям лексем типа «прилагательное + абстрактное существительное» русского языка): дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1981. 243 с.
5. Иванова Е. Н., Орлова А. Е., Данилова В. А. Лексико-семантические особенности некоторых прилагательных цвета, входящих во фразеологические сочетания (на материале разнотурных языков) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 5 (105). С. 49–55. DOI: 10.26293/chgpu.2019.105.5.008.
6. Иоанесян Е. Р. К типологии слов и конструкций со значением высокой степени // Научный диалог. 2021. № 6. С. 43–58. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-43-58.
7. Кондакова Е. А., Морозова Е. В. На пути к академическому немецко-русскому словарю: в поисках инструментов преодоления словарной инертности // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. Т. 14. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 221–237.
8. Конопелько И. П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка (из опыта Воронежской школы сопоставительных исследований). Воронеж: Ритм, 2019. 226 с.
9. Копчук Л. Б. Национальная вариативность немецкого языка в сфере лексической сочетаемости (на материале австрийских и швейцарских коллокаций) // Научный диалог. 2018. № 10. С. 60–77. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-10-60-77.
10. Мельчук И. А. От смысла к тексту. М.: Языки славянских культур, 2012. 176 с.

11. О компьютерном учебнике лексики русского языка / Ю. Д. Апресян, П. В. Дяченко, А. В. Лазурский, Л. Л. Цинман // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 2 (14). С. 48–111.
12. Стернина М. А., Стернин И. А. Сопоставление как лингвистическая методология: монография. Воронеж: Ритм, 2021. 215 с.
13. Цинман Л. Л., Тимошенко С. П. Лексические функции и возможности оптимизации поиска информации в интернете (на материале параметрических слов) // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (Диалог'2009): труды международной конференции, Бекасово, 27–31 мая 2009 г. Вып. 8 (15)*. М.: РГГУ, 2009. С. 476–482.
14. Bascevic V. Regularitäten der lexikalischen Kombinierbarkeit // *Korpuslinguistische Untersuchungen zur quantitativen und systemtheoretischen Linguistik* / Hg. R. Köhler. Trier: Universität Trier, 2002, S. 351–364.
15. Levickij V. Lexikalische Kombinierbarkeit (Lexical combinability) // *Quantitative Linguistik (Quantitative Linguistics): Ein internationales Handbuch* / Hrsgs. R. Köhler, G. Altmann, R. G. Piotrowski. Berlin; New York: Walter De Gruyter, 2001. S. 464–470.
16. Lexical Functions in NLP: Possible Uses / Ju. D. Apresjan, I. M. Boguslavsky, L. L. Iomdin, L. L. Tsинman // *Computational Linguistics for the New Millenium: Divergence or Synergy? Proceedings of the International Symposium Held at the Ruprecht-Karls-Universität, Heidelberg, 21–22 July. 2000. – Festschrift in Honour of Peter Hellwig on the Occasion of His 60th Birthday*. Frankfurt/M., Bruxelles: Peter Lang, 2002. P. 55–72.

REFERENCES

1. Briskina Ye. V. [Comparative analysis of the Russian and German “adjective + noun” collocations]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2020, vol. 13, no. 10, pp. 265–272. DOI: 10.30853/filnauki.2020.10.52.
2. Vlavatskaya M. V. [Combinatorial-semantic analysis of collocations as a method of linguistic research (on the example of colour collocations formed by an adjective type)]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2020, no. 4, pp. 40–57. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-40-57.
3. Vlavatskaya M. V. *Teoreticheskiye osnovy kombinatornoy lingvistiki: leksikologicheskiy i leksikograficheskiy aspekty (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov): dis. ... dokt. filol. nauk* [Theoretical Foundations of Combinatorial Linguistics: Lexicological and Lexicographic Aspects (Based on Russian and English Languages): D. thesis in Philological Sciences]. Novosibirsk, 2013. 470 p.
4. Yevdokimov A. P. *Leksicheskaya sochetayemost' i problemy perevodnoy leksikografii (na materiale nemetskiikh sootvet-stviy sochetaniyam leksem tipa «prilagatel'noye + abstraktnoye sushchestvitel'noye» russkogo yazyka): dis. ... kand. filol. nauk* [Lexical compatibility and problems of translation lexicography (on the material of German correspondences to combinations of lexemes of the type “adjective + abstract noun” of the Russian language): PhD thesis in Philological Sciences]. Alma-Ata, 1981. 243 p.
5. Ivanova Ye. N., Orlova A. Ye., Danilova V. A. [Lexical and semantic features of some adjectives of color in phraseological combinations (based on the material of multi-structural languages)]. In: *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 2019, no. 5 (105), pp. 49–55. DOI: 10.26293/chg-pu.2019.105.5.008.
6. Ioanesyan Ye. R. [Typology of words and constructions with a high degree of meaning]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2021, no. 6, pp. 43–58. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-43-58.
7. Kondakova Ye. A., Morozova Ye. V. [On the way to an academic German-Russian dictionary: in search of tools to overcome vocabulary inertia]. In: *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov. T. 14* [Russian German Studies: Yearbook of the Russian Union of Germanists. Vol. 14]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury publ., 2017, pp. 221–237.
8. Konopel'ko I. P. *Sopostavitel'nyy analiz v issledovanii i prepodavanii yazyka (iz opyta Voronezhskoy shkoly sopostavitel'nykh issledovaniy)* [Comparative analysis in language research and teaching (from the experience of the Voronezh school of comparative studies)]. Voronezh, Ritm Publ., 2019. 226 p.
9. Kopchuk L. B. [National variability of German language in field of lexical compatibility (by material of Austrian and Swiss collocations)]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2018, no. 10, pp. 60–77. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-10-60-77.

10. Mel'chuk I. A. *Ot smysla k tekstu* [From meaning to text]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012. 176 p.
11. Apresyan Yu. D., Dyachenko P. V., Lazurskiy A. V., Tsinman L. L. [About the computer textbook on the vocabulary of the Russian language]. In: *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2007, no. 2 (14), pp. 48–111.
12. Sternina M. A., Sternin I. A. *Sopostavleniye kak lingvisticheskaya metodologiya* [Comparison as a linguistic methodology]. Voronezh, Ritm Publ., 2021. 215 p.
13. Tsinman L. L., Timoshenko S. P. [Lexical functions and opportunities for optimizing information search on the Internet (on the basis of parametric words)]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii (Dialog'2009): trudy mezhdunarodnoy konferentsii (Bekasovo, 27–31 maya 2009 g.)*. Vyp. 8 (15) [Computer Linguistics and Intelligent Technologies (Dialogue'2009): Proceedings of the International Conference (Bekasovo, 27–31). May 2009]. Iss. 8 (15)]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2009, pp. 476–482.
14. Bascevic V. Regularitäten der lexikalischen Kombinierbarkeit. In: Köhler R., Hg. *Korpuslinguistische Untersuchungen zur quantitativen und systemtheoretischen Linguistik*. Trier, Universität Trier, 2002, S. 351–364.
15. Levickij V. Lexikalische Kombinierbarkeit (Lexical combinability). In: Köhler R., Altmann G., Piotrowski R. G., Hrsgs. *Quantitative Linguistik (Quantitative Linguistics): Ein internationales Handbuch*. Berlin, New York, Walter De Gruyter, 2001, pp. 464–470.
16. Apresjan Ju. D., Boguslavsky I. M., Iomdin L. L., Tsinman L. L. Lexical Functions in NLP: Possible Uses. In: *Computational Linguistics for the New Millenium: Divergence or Synergy? Proceedings of the International Symposium Held at the Ruprecht-Karls-Universität (Heidelberg, 21–22 July. 2000) – Festschrift in Honour of Peter Hellwig on the Occasion of His 60th Birthday*. Frankfurt/M., Bruxelles, Peter Lang, 2002, pp. 55–72.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Епифанова Валентина Валерьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: valentyana4@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina V. Epifanova – Cand. Sci., Senior Lecturer, Department of Comparative Analysis of Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: valentyana4@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Епифанова В. В. Эквивалентные и специфические «типичные значения» сочетаний с ключевой лексемой друг в русском и немецком языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 37–50.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-37-50

FOR CITATION

Epifanova V. V. Equivalent and specific “typical meanings” of the word combinations with the key lexeme ДРУГ in Russian and German languages. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 4, pp. 37–50.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-37-50

УДК 811.11

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-51-60

КСЕНОФОБИЯ КАК «СЛОВО ГОДА» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ XXI ВЕКА

Корецкая О. В.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Целью исследования является изучение семантического поля существительного *xenophobia* («ксенофобия»), выбранного в 2016 г. онлайн-словарём Dictionary.com «словом года». Основным интересом представляет словоупотребление данной лексики и её синонимов в англоязычном медиадискурсе XXI в.

Процедура и методы исследования включают корпусный анализ семантического поля *xenophobia* на основе данных с 2015 по 2021 г. из трёх корпусов английского языка: Now Corpus, Brexit Corpus и Coronavirus Corpus.

Результаты показали, что в определённые периоды времени существительное *xenophobia* характеризуется высокой частотностью словоупотребления, обусловленной экстралингвистическими факторами, которыми выступают такие глобальные события, как, например, Брексит и пандемия коронавируса. Устанавливается также, что в семантическое поле понятия *xenophobia* входит целый ряд схожих по значению слов, формирующих «язык вражды». В связи с продолжающейся информационной войной в медиапространстве *xenophobia* является ключевым словом последних лет, а языковые маркеры данного понятия используются для создания отрицательного образа «других».

Теоретическая значимость работы заключается в выявлении экстралингвистических факторов, влияющих на выбор «слов года» в современном английском языке. **Практическая значимость** состоит в возможности использования полученных результатов в специальных курсах по корпусному анализу и лексикологии английского языка.

Ключевые слова: медиадискурс, корпус текстов, семантическое поле, слово года, язык вражды, язык СМИ

XENOPHOBIA AS THE WORD OF THE YEAR IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE OF THE 21ST CENTURY

O. Koretskaya

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. The paper is concerned with the study of the semantic field of the noun “xenophobia”, which was chosen by Dictionary.com in 2016 as the Word of the Year. The main focus of interest is the usage of the given lexeme and its synonyms in English media discourse of the 21st century.

Methodology. The research is based on corpus analysis of data from 2015 to 2021 provided by three contemporary English language corpora: *Now Corpus*, *Brexit Corpus*, and *Coronavirus Corpus*.

Results. Corpus data show that in certain periods of time “xenophobia” becomes a high-frequency word due to some extralinguistic factors, including such global events as, for example, Brexit and the coronavirus pandemic. It is also established that the semantic field of the concept of “xenophobia” contains a number of words with the similar shades of meaning, which form “hate speech”. As a result of the ongoing information war in media space, xenophobia remains the key word of the last few years and its linguistic markers are used to create the negative image of the “others”.

Research implications. The theoretical significance of the research lies in identifying extralinguistic factors that determine the choice of the Word of the Year. The practical significance is explained by the fact that the obtained results can be used in special courses on corpus analysis and lexicology of the English language.

Keywords: media discourse, text corpus, semantic field, word of the year, hate speech, media language

Введение

Современный медиадискурс – динамическое явление, в котором находят отражение и фиксируются многочисленные изменения языковой действительности. Главную роль в медиадискурсе в общем и в англоязычном в частности играют СМИ, поскольку они являются основным каналом, выходящим на массовую аудиторию. При этом отмечается, что информационная деятельность СМИ носит дискурсивный характер, т. е. между авторами медиатекстов, с одной стороны, и читателями, слушателями или зрителями, с другой стороны, происходит опосредованная коммуникация [8]. В силу того, что СМИ первыми реагируют на те или иные события, формируется определённая языковая, а вместе с ней и концептуальная картина мира, где в центре находятся ключевые слова (key words) [1; 4].

Изучение ключевых слов проводится в рамках одного из сравнительно новых направлений – корпусной лингвистики, позволяющей проводить оценку речевых образцов в контексте реального применения языка [2; 5]. С точки зрения корпусной лингвистики, ключевым является то слово, которое встречается в текстах гораздо чаще, нежели это демонстрируют рассчитанные на основе статистических данных средние показатели [11]. Кроме того, оно может стать ключевым только в условиях реального употребления в медийном пространстве, где оно будет

использоваться как обозначение реалий конкретной сферы жизни.

На появление ключевых слов в любом языке, как правило, существенное влияние оказывают те или иные экстралингвистические факторы. Именно такие слова представляют особый интерес для лексико-семантического анализа, поскольку, отражая исторически значимые этапы развития человека и общества, они выполняют при этом дискурсообразующую функцию и характеризуют определённую группу людей или период времени [9].

Роль корпусных данных в выборе «слов года»

Что касается корпусных исследований в области англоязычного медиадискурса XXI в., ключевые слова, не только характеризующиеся высокой частотностью употребления, но и выражающие принципиально важные реалии конкретного исторического промежутка, становятся так называемыми словами года (Words of the Year), которые с начала 1990-х гг. выбираются ведущими словарями английского языка [10]. Согласно одному из определений, «“слово года” – это своеобразный социально-политический портрет года, реконструированный через номинативные лингвистические маркеры» [6, с. 49]. Рассматривая слова года в качестве индикаторов социальных изменений, на основе корпусных данных представляется возможным определить

созданную в медиадискурсе языковую картину и обозначить «фокусы общественного внимания “за отчетный период”» [6, с. 49]. Например, в 2019 г. таким фокусом общественного сознания оказались вопросы экологии и борьбы с климатическими изменениями в связи с массовыми акциями протеста против глобального потепления в разных городах, вдохновителем которых стала экологическая активистка из Швеции Грета Тунберг. Как следствие, среди «слов 2019 года» выделяются следующие ассоциирующиеся с климатом ключевые понятия: *climate strike* («климатическая забастовка») по версии Collins English Dictionary; *upcycling* («вторичное использование») по версии Cambridge Dictionary; *climate emergency* («чрезвычайная климатическая ситуация») по версии Oxford Corpus¹.

Отдельного внимания среди «слов года» заслуживает существительное *xenophobia* («ксенофобия»), выбранное таковым в 2016 г. онлайн-словарём Dictionary.com. Оно интересно не только потому, что именно в тот год возглавило рейтинг популярности среди других слов-кандидатов, но и в силу того, что продолжает активно использоваться в медиадискурсе и по сей день. Это объясняется чередой глобальных событий, вызвавших интерес общественности к такому социально-опасному феномену, как ксенофобия, которая на лексическом уровне находит выражение в «языке вражды» (*hate speech*), характерном для современных СМИ.

Основная цель настоящего исследования – попытаться определить и в общих чертах проанализировать экстралингвистические факторы, повлиявшие на распространение существительного *xenophobia* в современном англоязычном медиадискурсе и, как следствие, сделав-

шие его своего рода ключевым словом в течение последних нескольких лет. Более того, опираясь на корпуса английского языка, представляется важным также рассмотреть семантическое поле данного понятия. Такой подход позволит проследить лексическую сочетаемость слова *xenophobia* в динамике, а также понять характерную для него языковую картину.

Материал исследования

В качестве материала используются три новейших корпуса английского языка. Первый, NOW Corpus (News on the Web), содержит 14 млрд слов с 2010 г. по настоящий момент и постоянно пополняется данными из онлайн-изданий, охватывающих примерно 300000 статей в месяц. Второй, Brexit Corpus, был специально создан в преддверии референдума о выходе Великобритании из Евросоюза и включает около 5 млн слов с 19 по 21 июня 2016 г., взятых из твитов, блогов, комментариев и британских новостных интернет-ресурсов (The Guardian, The BBC, The Daily Mail, The Telegraph и т. п.). Третий, Coronavirus Corpus, возник в январе 2020 г. как корпус, фиксирующий динамику употребления связанных с пандемией коронавируса слов, таких как *coronavirus*, *COVID* или *COVID-19*. Корпус продолжает расширяться и сейчас насчитывает свыше 1300 млн слов. Последние два корпуса созданы для специальных целей и представляют определённый тип дискурса, отражающего различные лингвокультурологические феномены в процессе коммуникации. В данном случае «критерием репрезентативности является максимально возможное объективное представление какого-либо явления» [5]. Более того, подобные корпуса дают информацию об актуальном функционировании той или иной языковой единицы в речи, что играет первостепенную роль в оценке лексико-семантического статуса ключевых слов.

¹ См.: Merriam-Webster выбрал слово года. Кто еще подвел лингвистические итоги? // BBC News Русская служба: [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-50747643> (дата обращения: 20.02.2022).

Семантическое поле *xenophobia* и протесты в ЮАР

Обратимся в первую очередь к статистике корпуса Now Corpus с 2010 по 2021 гг., согласно которой частотность словоупотребления *xenophobia* существенно возросла после 2014 г., а её пик пришёлся на 2015 г. Второе место по частотности словоупотребления занял следующий 2016 г., после чего слово *xenophobia* также оставалось достаточно популярным по сравнению с периодом с 2010 по 2014 гг.

Определим, какие именно экстралингвистические факторы повлияли на значительное распространение понятия *xenophobia* в медиадискурсе в 2015 г. Массовый интерес к этому термину объяснялся вспышками насилия в Южной Африке и протестами в апреле 2015 г. ("2015 South African xenophobic riots"), направленными против проживающих в ЮАР граждан других стран Африки, якобы «захватывающих» рабочие места и оставляющих всё большее число молодых южноафриканцев безработными.

Так, по данным Now Corpus, в апреле 2015 г. в описании ЮАР наиболее частотными стали такие коллокации с прилагательным *xenophobic* («ксенофобский»), как *xenophobic attacks* и *xenophobic violence*. Одним из наглядных примеров может послужить статья в The Guardian "South Africa must confront the roots of its xenophobic violence", посвящённая описанию событий в Южной Африке, где помимо коллокаций *xenophobic attacks*, *xenophobic violence* и *xenophobic statements* выделяются следующие близкие по смыслу словосочетания: *a culture of prejudice*; *a country still scarred by apartheid*; *the violence of colonialism and apartheid*; *white-against-black racism*¹. Исходя из примеров, формируется следующее семантическое поле,

где синонимами ксенофобии выступают такие ассоциирующиеся с Африкой понятия, как «культура предрассудков», «апартеид», «колонизализм», «расизм». Интересно отметить, что в Now Corpus среди 100 родственных *xenophobia* существительных 1-е место занимает *racism*, 8-е место – *violence*, 28-е место – *Africans*. Если же рассматривать прилагательное *xenophobic*, то наблюдается следующее распределение: 1-е место – *racist*, 8-е место – *African*, 14-е место – *racial*, 17-е место – *violent*. Таким образом, можно сделать вывод, что ближе всего к центру семантического поля *xenophobia* расположены такие слова, как *racism*, *violence* и *Africa*. Согласно Dictionary.com, термины *xenophobia* и *racism* нередко встречаются вместе. Хотя это разные явления, расизм часто лежит в основе ксенофобии и сводится к следующему: «Ты мне не нравишься, потому что ты не похож на меня» ("I don't like you because you don't look like me"). Неудивительно поэтому, что слова *racism* и *racist* оказываются ближайшими синонимами *xenophobia*.

На фоне событий 2015 г. по аналогии с *xenophobia* возникает новый термин *Afrophobia* («боязнь лиц африканского происхождения»). Пока он ещё не получил широкого распространения в языке, но уже начинает использоваться в медиaprостранстве, встречаясь в пределах одного предложения вместе с *xenophobia* и *racism*. В статье 2021 г. комиссара Совета Европы по правам человека Дуни Миятович "Europe must wake up to racism, Afro-phobia" афрофобия выступает как общее синонимичное расизму явление, которое Европа не имеет права игнорировать ("European countries should no longer ignore Afro-phobia")². *Afro-phobia*

¹ См.: Gumede W. South Africa must confront the roots of its xenophobic violence // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/apr/20/south-africa-xenophobic-violence-migrant-workers-apartheid> (дата обращения: 20.02.2022).

² См.: Opinion: Europe must wake up to racism, Afro-phobia // The Council of Europe: [сайт]. URL: https://www.coe.int/ru/web/commissioner/newsletter/-/asset_publisher/VbvR4XgFOzKl/content/opinion-europe-must-wake-up-to-racism-afrophobia?_101_IN-STANCE_VbvR4XgFOzKl_viewMode=view (дата обращения: 20.02.2022).

также сочетается с такими понятиями «языка вражды», как *racial discrimination* («расовая дискриминация»), *systematic hate* («систематическая ненависть»), *inequality* («неравенство»), и становится своего рода «языковым маркером этнической ксенофобии» [7].

Семантическое поле *xenophobia* и Брексит

Несмотря на то, что в 2015 г. в Now Corpus по частотности словоупотребления *xenophobia* занимало первое место по сравнению с предыдущими и последующими годами, «словом года» оно выбирается онлайн-словарём Dictionary.com лишь год спустя, чему есть вполне закономерное объяснение. Так, наибольшее количество поисковых запросов в этом словаре по термину *xenophobia* произошло 24 июня 2016 г., на следующий день после того, как Великобритания проголосовала за выход из Европейского Союза, что стало историческим событием мирового значения, получившим название Брексит. Поскольку Брексит активно обсуждался в СМИ, был создан специальный корпус Brexit Corpus, который, как уже отмечалось выше, состоит из онлайн-материалов, посвящённых этому политическому процессу. В данном случае представляется важным проанализировать, каким образом термин *xenophobia* ассоциируется с Брекситом и какие родственные слова образуют его семантическое поле.

Определяющей линией, связывающей Брексит с ксенофобией, становится следующая фраза, зафиксированная в Brexit Corpus как описание ксенофобии: “Brexit is *xenophobia*” («Брексит – это ксенофобия»). То, что Брексит воплощает ксенофобию, подтверждается многочисленными высказываниями в медиaprостранстве. Прекрасным примером может послужить статья З. Бошампа, размещённая на новостном аналитическом сайте Vox.com, “Brexit was fueled by irrational *xenophobia*, not real economic

grievances”¹. Желание Великобритании выйти из Евросоюза объясняется именно ксенофобскими настроениями – страхом перед иммигрантами и ненавистью к ним (“What Britain was suffering from too much of, however, was *xenophobia* – fear and hatred of immigrants”). В статье постоянно используются такие слова, как *fear* («страх»), *hatred* («ненависть»), *bigotry* («нетерпимость / ненавистничество»), которые в контексте выступают синонимами понятия *xenophobia*.

Что касается семантического поля *xenophobia*, сформированного в Brexit Corpus из 10 родственных существительных, по частотности употребления ближе всего к его центру находятся существительные *racism* («расизм»), *hate* («ненависть»), *lie* («ложь»). На периферии и приблизительно с одинаковой частотностью употребления расположены слова *fear* («страх»), *nationalism* («национализм»), *hysteria* («истерия»), *bigotry* («нетерпимость / ненавистничество»), *intolerance* («нетерпимость»), *lingoism* («джингоизм»). Приведём ещё несколько примеров из Brexit Corpus, демонстрирующих семантическое сходство между всеми этими понятиями:

Are we prepared to *tell lies*, to *spread hate* and *xenophobia* just to win this campaign? (The Telegraph);

Baroness Sayeeda Warsi, a member of the House of Lords who was a former British foreign minister and chair of the ruling Conservative Party, announced Monday she was ending her support for the “Leave” campaign, accusing it of *peddling “lies, xenophobia and the politics of hate”* (CNN.com);

I feel like Brexit will mean we’re alone, on a small island with some horrible selfish bullies in charge. It’ll be like... Sick of Brexit “we want our country back” rhetoric. At the heart is a *creeping ugly nationalism laced with xenophobia and lingoism* (Twitter.com).

¹ См.: Brexit was fueled by irrational *xenophobia*, not real economic grievances // Vox : [сайт]. URL: <https://www.vox.com/2016/6/25/12029786/brexit-uk-eu-immigration-xenophobia> (дата обращения: 20.02.2022).

Термин *jingoism*, который трактуется как «шовинистический национализм», заслуживает отдельного комментария, поскольку, будучи связанным с «иррациональной ксенофобией» в период Брексита, уходит корнями в историю Великобритании. Он появился в английском языке в конце XIX в. (приблизительно одновременно с существительным *xenophobia*) как описание агрессивной внешней политики британского правительства во время русско-турецкой войны 1878–1878 гг. При этом отмечается, что лексема *jingo* вместе с её производными служила «негативным маркером», поскольку придавала «отрицательную окраску любой сообщавшейся информации в отношении отдельного персонажа или общественного явления» [3, с. 226]. В описании Брексита *jingoism* продолжает выполнять функции негативного маркера. Неудивительно поэтому, что затянувшиеся безрезультатные переговоры между Великобританией и Евросоюзом получили название *Brexit jingoism*¹.

Одно из явных проявлений ксенофобии во время Брексита – страх к иммигрантам, породивший в стране целый ряд преступлений на почве ненависти (*hate crime*). Согласно Dictionary.com, интерес пользователей к понятию *hate crime* резко вырос в июле 2016 г., когда газеты освещали рост преступлений в Великобритании после референдума. В итоге коллокация *hate crime* также стала ассоциироваться со словом *xenophobia* на фоне увеличения числа расистских выступлений, спровоцированных Брекситом в последующие годы (“Brexit ‘major influence’ in racism and hate crime rise”)².

Подытоживая связь Брексита с ксенофобией, важно подчеркнуть, что в данном случае речь идёт о любом проявлении нетерпимости к «другим» (*others*). На первый план здесь выходит понятие *otherness* («непохожесть / чужеродность»). В словаре Dictionary.com даётся следующее определение существительного *otherness*, которое по смыслу схоже с *xenophobia*: “the quality or state of being perceived or treated as different, foreign, strange, etc.”³ («качество или состояние, когда человек воспринимается или рассматривается как другой, чужой, странный и т. д.»). Само понятие *otherness* существует в английском языке с начала XVI в., гораздо раньше, чем появилось слово *xenophobia*, и к XIX в. начало регулярно употребляться в своём современном значении культурной чуждости. Ксенофобия и непохожесть часто обсуждаются в контексте друг друга, но они различаются как по своему происхождению, так и по своему историческому использованию. В то время как этимология ксенофобии явно связывает её с психологической реакцией страха, непохожесть можно рассматривать с точки зрения социологической идентичности. Последняя как раз затрагивается в посвящённом Брекситу медиадискурсе, где речь идёт о так называемой «социологии непохожести» (*the sociology of otherness*) внутри британского общества, которая пробудила «чувство непохожести» (*a sense of otherness*) в людях и в результате которой «другими» или «чужими» оказываются те, кто ранее таковыми себя не считали (“... the earliest ‘experience’ of ‘Brexit’ was of a public discourse which reinforced a sense of otherness in people who may not have thought of themselves as ‘Others’ before ...”)⁴.

¹ См.: The Guardian view on Brexit jingoism: crudely ineffective // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/dec/14/the-guardian-view-on-brexit-jingoism-crudely-ineffective> (дата обращения: 20.02.2022).

² См.: Brexit ‘major influence’ in racism and hate crime rise // BBC News: [сайт]. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-wales-48692863.amp> (дата обращения: 20.02.2022).

³ См.: Xenophobia Definition & Meaning // Dictionary.com: [сайт]. URL: <https://www.dictionary.com/browse/xenophobia#:~:text=A%20related%20term%20that%20often,spiritual%20transcendence%20beyond%20the%20human> (дата обращения: 20.02.2022).

⁴ См.: Moreh C. The Ongoing Legacies of Brexit // The Sociological Review: [сайт]. URL: <https://theso->

Таким образом, Брексит – нечто большее, чем просто ксенофобия. В некотором смысле это основанная на лжи политика ненависти, построенная на джингоизме и разжигании национальной ненависти против «других», что на лексико-семантическом уровне вновь проявляется в «языке вражды», который стал доминирующим в медиадискурсе всего периода выхода Великобритании из Евросоюза.

Семантическое поле *xenophobia* и пандемия коронавируса

Слово *xenophobia* не теряет популярности в англоязычном медиадискурсе и в последние два года на фоне пандемии коронавируса. По данным постоянно расширяющегося корпуса Coronavirus Corpus, наибольшая частотность употребления *xenophobia* была зафиксирована в феврале 2020 г., когда Китай официально признал коронавирус, а лица, преимущественно азиатского происхождения, главным образом мигранты и беженцы, якобы распространяющие вирус, оказались объектом ксенофобских нападок. Так, в мае 2020 г. генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш сделал заявление, что пандемия коронавируса сопровождается шквалом ненависти и ксенофобии, поиском «крайних» и нагнетанием страхов (“a tsunami of hate and xenophobia, scapegoating and scaremongering”). В связи с этим генсек ООН призвал выработать коллективный иммунитет против «вируса ненависти» (“We must act now to strengthen the immunity of our societies against the virus of hate”)¹.

biologicalreview.org/collections/sociology-of-brexit/the-ongoing-legacies-of-brexit-uncertainty-otherness-and-belonging (дата обращения: 20.02.2022).

¹ См.: Gutteres A. We must act now to strengthen the immunity of our societies against the virus of hate // United Nations : [сайт]. URL: <https://www.un.org/en/coronavirus/we-must-act-now-strengthen-immunity-our-societies-against-virus-hate> (дата обращения: 20.02.2022).

Метафора *virus of hate*, показывающая, что ксенофобские настроения распространяются так же стремительно, как и коронавирус, оказывается схожей по значению понятиям *xenophobia* и *racism*, что подтверждается корпусными данными. Рассматривая наиболее частотные слова, которые используются вместе с существительным *xenophobia* в Coronavirus Corpus, *virus* входит в десятку родственных *xenophobia* слов, образуя с ними следующие распространившиеся в медиадискурсе коллокации: *a virus of fear / racism / intolerance / xenophobia*.

«Вирус ненависти» как проявление ксенофобии в медиадискурсе преимущественно направлен против выходцев из Китая. На сайте Eater.com в статье “Pinning Coronavirus on How Chinese People Eat Plays Into Racist Assumptions” китайцы сравниваются с далёкими от цивилизации варварами, которые поглощают мясо кошек, собак и других животных, продающееся на специализированных рынках, подобных рынку в Ухане (Wuhan wet market), где с большой долей вероятности возник коронавирус. При этом в лингвистическом плане заслуживает внимания следующее предложение: “The outbreak has had a decidedly dehumanizing effect, reigniting old strains of racism and xenophobia that frame Chinese people as uncivilized, barbaric “others”². Во-первых, здесь наблюдается игра слов в метафоре *strains of racism and xenophobia*, что буквально переводится, как «штаммы расизма и ксенофобии». Эта метафора синонимична вышеупомянутой коллокации *virus of hate*. В обоих случаях такие биологические понятия, как вирус и штамм, используются в переносном смысле. Во-вторых, возникает образ «других» (others) и вместе с ним концепт непохожести (otherness),

² См.: Zhang J. G. Pinning Coronavirus on How Chinese People Eat Plays Into Racist Assumptions // Eater : [сайт]. URL: <https://www.eater.com/2020/1/31/21117076/coronavirus-incites-racism-against-chinese-people-and-their-diets-wuhan-market> (дата обращения: 20.02.2022).

что вновь позволяет говорить о семантическом сходстве между *xenophobia* и *otherness*.

В статье “There is another viral pandemic spreading across America. It’s called hatred” снова обыгрывается слово *virus*: “There should be no question that a virus is alive and well in the soul of America. The sores and blemishes of white nationalism, xenophobia, white supremacy and hatred for “the other” are exposed for all to see”¹. Речь идёт о вирусе в душе Америки (a virus in the soul of America). Кроме того, отмечается уже известная в контексте ксенофобии ненависть к «другим» (hatred for “the other”) вместе с такими концептами, как белый национализм (white nationalism) и превосходство белой расы (white supremacy). В свете вышесказанного можно заключить, что ксенофобия как одно из ключевых понятий во время пандемии коронавируса тесно связана с националистическими настроениями против «других», одним из наиболее ярких проявлений которых в языке СМИ оказывается метафора *virus of hate*.

Заключение

Таким образом, слово *xenophobia* занимает центральное место в англоязычном медиадискурсе последних лет. Оно действительно обладает статусом не только одного из ключевых слов, но и «словом года», отражающим исторически значимые события, а именно всплеск ксенофобии в Южной Африке, выход Великобритании из Евросоюза, а также пандемию коронавируса. Использование *xenophobia* в языке СМИ родственно понятию *otherness* в качестве отрицательного маркера непохожести и чужеродности отдельно взятых социальных, политических, культурных или национальных групп. Согласно корпусным данным, слово *xenophobia* характеризуется высокой частотностью употребления, а в его семантическое поле входят такие относящиеся к «языку вражды» понятия, как *racism*, *hate*, *intolerance*, *bigotry*, *fear*, *Afrophobia*, *jingoism*, *nationalism*, *virus of hate*. Как следствие, все они, наряду с центральным словом *xenophobia*, становятся ключевыми в описании проблемы неприятия «других», которая не теряет актуальности и по сей день для создания концептуальной картины современного англоязычного медиадискурса в условиях информационной войны.

Дата поступления в редакцию 09.03.2022

¹ См.: There is another viral pandemic spreading across America. It’s called hatred // PA Media: [сайт]. URL: <https://www.media.pa.gov/pages/PA-Human-Relations-Commission-details.aspx?newsid=87> (дата обращения: 20.02.2022).

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранцева О. А., Снигирева И. В. Слова года как источник социокультурной информации // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2020. № 16. С. 12–18.
2. Горина О. Г. Применение методов корпусной лингвистики для определения контекстноспецифических слов и коллокаций // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 7. № 3. С. 27–36.
3. Дронова Н. В. К вопросу о политических технологиях викторианской Англии: концепт «джинго» в издательской практике журнала “Punch” (1878–1879) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26. № 190. С. 223–234. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-190-223-234.
4. Зуева В. В., Колоскова О. А. Языковая картина мира сквозь призму слов-символов 2020 года (на материале английского и русского языков) // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 6. С. 414–423. DOI: 10.15643/libartrus-2021.6.4.
5. Иргизова К. В. Корпусная лингвистика в отечественном и зарубежном языкознании на современном этапе // Огарёв-Online. 2019. № 6 (127). URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/korpusnaya>

lingvistika-v-otechestvennom-i-zarubezhnom-yazykovedenii-na-sovremennom-etape (дата обращения: 20.02.2022).

6. Иссерс О. С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 48–53.
7. Иссерс О. С., Рахимбергенова М. Х. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 90–96.
8. Кубрякова Е. С., Цурикова Л. В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проект: Альма Матер, 2008. С. 183–210.
9. Моисеева И. Ю., Ноздрин Т. Г. Ключевые слова в зарубежной лингвистике: становление понятия и практика применения // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 4-2 (23). С. 107–108.
10. Николаева Е. В. «Слова года» как лингвокультурные концепты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-1 (76). С. 154–157.
11. Scott M., Tribble C. Textual Patterns: Keyword and Corpus analysis in Language Education (Studies in Corpus Linguistics). Philadelphia: John Benjamins, 2006. 203 p.

REFERENCES

1. Barantseva O. A., Snigireva I. V. [Words of the year as source of socio-cultural information]. In: *Problemy romano-germanskoy filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages], 2020, no. 16, pp. 12–18.
2. Gorina O. G. [Implementation of corpus linguistic techniques to identify a text or genre-specific key words and collocations]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 2011, vol. 7, no. 3, pp. 27–36.
3. Dronova N. V. [On the political technology of Victorian England: the concept of “jingo” in the publishing practice of “Punch” magazine (1878–1879)]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2021, vol. 26, no. 190, pp. 223–234. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-190-223-234.
4. Zuyeva V. V., Koloskova O. A. [The linguistic picture of the world through the prism of the words-symbols of 2020 (based on the material of the English and Russian languages)]. In: *Rossiyskiy humanitarnyy zhurnal* [Liberal Arts in Russia], 2021, vol. 10, no. 6, pp. 414–423. DOI: 10.15643/libartrus-2021.6.4.
5. Irgizova K. V. [Current state of Russian and international corpus linguistics]. In: *Ogaryov-Online* [Ogaryov-Online], 2019, no. 6 (127). Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/korpusnaya-lingvistika-v-otechestvennom-i-zarubezhnom-yazykovedenii-na-sovremennom-etape> (accessed: 20.02.2022).
6. Issers O. S. [In search of common vocabulary: contemporary discursive practices through the prism of projects “Word of the year”]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2014, no. 4 (50), pp. 48–53.
7. Issers O. S., Rakhimbergenova M. Kh. [Image of ethnic “alien” in modern Russian press]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2007, no. 3 (23), pp. 90–96.
8. Kubryakova Ye. S., Tsurikova L. V. [Verbal activity of the media as a special type of discursive activity]. In: Volodina M. N., ed. *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [Language of mass media]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ.; Al'ma Mater Publ., 2008, pp. 183–210.
9. Moiseyeva I. Yu., Nozdrina T. G. [Key words in foreign linguistics: formation of the notion and practice]. In: *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2014, no. 4-2 (23), pp. 107–108.
10. Nikolayeva Ye. V. [“Words of the year” as linguocultural concepts]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2017, no. 10-1 (76), pp. 154–157.
11. Scott M., Tribble C. Textual Patterns: Keyword and Corpus analysis in Language Education (Studies in Corpus Linguistics). Philadelphia, John Benjamins, 2006. 203 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корецкая Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка механико-математического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: ok0807@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Koretskaya – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of the English Language, Faculty of Mechanics and Mathematics, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: ok0807@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Корецкая О. В. Ксенофобия как «слово года» в англоязычном медиадискурсе XXI века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 51–60. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-51-60

FOR CITATION

Koretskaya O. V. Xenophobia as the word of the year in English media discourse of the 21st century. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 4, pp. 51–60. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-51-60

УДК 811.9

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-61-82

ЗАБЫТЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ЯЗЫК ХХІ В. : К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ АТЛАНТИЙСКОГО ЯЗЫКА (ЯЗЫКА АТЛАНТОВ) И АТЛАНТИЙСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Кулакова В. А.*Московский государственный областной университет**1414014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация**Средняя общеобразовательная школа № 1 г. о. Реутов**143966, Московская обл., г. Реутов, ул. Лесная, д. 12, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Воссоздать историю создания такого искусственного языка, как атлантический, выяснить, каковы были источники, которыми пользовались авторы при его создании, где он применялся, какая письменность ему присуща, и почему он, по нашему мнению, стал забытым языком.

Процедура и методы. Материалом для исследования послужили тексты англоязычных интервью, статей и труднодоступных книг и видеоматериалов об атлантическом языке на английском языке, а также труды русских учёных об искусственных языках и Атлантиде. Использовались такие методы, как классификация, синтез и анализ, наблюдение и сравнение. Последний метод был необходим, чтобы проанализировать, какие имеются сходства у атлантического, английского и русского языков.

Результаты. Проведённое исследование показало, что этот искусственный язык был составлен Марком Окрандом, создателем языка для сериала «Звёздный путь» (“Star Trek”); он представлял собой попытку создания единого праязыка, поэтому и включал особенности многих языков мира. Этот язык имеет сходные черты и с русским языком в том числе. Но ввиду сложности атлантического языка и непринятия кинофильма после его выхода в 2001 г. этот язык стал в большей степени забытым, т. к. сейчас он не используется даже любителями этой киноленты.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в возможности использования теоретического материала об атлантическом языке для русскоязычного исследователя. Статья будет полезна тем, кто интересуется лингвокультурологией и искусственными языками, т. к., помимо самой структуры языка, в статье описана вымышленная картина мира, присущая этому языку, и проведён сопоставительный анализ между атлантическим, английским и русским языками, а также выяснено, каким образом был сконструирован вымышленный праязык.

Ключевые слова: атлантический язык, искусственные языки, картина мира, Марк Окранд

FORGOTTEN ARTIFICIAL LANGUAGE 21ST CENTURY: TO THE QUESTION OF THE HISTORY OF THE CREATION OF THE ATLANTIC LANGUAGE (LANGUAGE OF THE ATLANTIS) AND THE ATLANTIC PICTURE OF THE WORLD

V. Kulakova

Moscow Region State University

ulitsa Very Voloshinoy 24, Moscow region, Mytishchi 141014, Russian Federation

Secondary school no. 1 of Reutov

ulitsa Lesnaya 12, Moscow region, Reutov 143966, Russian Federation

Abstract

Aim. To recreate the history of the creation of such an artificial language as Atlantic, as Atlantic, what were the sources, attracted the attention of the authors upon its discovery, where he demanded what kind of writing is inherent in him, and why, in his opinion, he became a forgotten language.

Methodology. The material for the study was the texts of Russian-language interviews, articles and hard-to-reach books and videos about the Atlantean language in Russian, as well as the works of Russian scientists about artificial sources and Atlantis. Methods such as classification, synthesis and analysis, observation and comparison were used. The latter method was necessary to analyze what similarities there are in the Atlantic, English and Russian languages.

Results. Research has shown that this artificial language was created by Mark Okrand, the language designer for the Star Trek TV series (Star Trek); it is available to all peoples of the world. This language has similar features with the Russian language as well. But due to the complexity of the Atlantean language and the non-acceptance of its film after the release in 2001, this language has become largely forgotten, since at present it is not used even by fans of this film.

Research implications of detection is found in the possibility of using theoretical material in the Atlantean language for a Russian-speaking researcher. The article will be useful for those who are interested in linguoculturology and artificial languages, because, in addition to the structure of the language itself, the article describes a fictional picture of the world inherent in this language, and a comparative analysis is carried out between the Atlantic, English and Russian languages, and it is also found out how the fictional proto-language was built.

Keywords: Atlantic language, artificial languages, worldview, Mark Okrand

Введение

В связи с антропологическим подходом в лингвистике набирают популярность исследования в области такой молодой её отрасли, как лингвокультурология. Остро встают вопросы, как язык связан с культурой человека, как отражается эта культура в языке. Как отмечает В. М. Шаклеин: «Основной же и не всегда осознанной исследователями проблемой лингвокультурологии был и остаётся поиск механизмов взаимодействия языка и культуры. Важную роль в разрешении этой проблемы играет исследование языка как средства трансляции этнической культуры» [12].

Поэтому в работе будут не только рассмотрены особенности создания атлантисских вымышленных культуры и языка, их фундаментальные основы, но и выяснено, как были сконструированы географическая и языковая картины мира искусственно смоделированной Атлантиды. Область употребления этого языка в связи с этим будет особой: она будет не масштабной, предназначенной для всех, а ограниченной рамками мультипликационной картины мира художественного фильма «Атлантида. Затерянный мир», выпущенного в 2001 г. компанией «Дисней». Это был один из последних фильмов этой компании, нарисованных

вручную, и первый, для которого понадобилось создание искусственного языка. Но мультипликационный фильм не обрёл популярности, и продолжения его в виде запланированного сериала не последовало. Как отмечают режиссёры фильма Г. Трусдейл и Д. Хан, причинами неудачи были «большое количество оружия, а также отсутствие поющих героев и говорящих животных-помощников, характерных для диснеевской анимации»¹. Именно поэтому упоминаний о фильме нет ни в самом «Диснейленде», ни в СМИ: так, в 2021 г. 20-летие фильма прошло почти незамеченным.

В нашем исследовании рассматриваются культура и язык тех стран, которые были использованы при создании «праязыка» и «пракультуры» вымышленных атлантйцев.

Об **искусственных языках** писал И. А. Бодуэн-де-Куртенэ в своей статье «О задачах языкознания» ещё в 1889 г., где он отмечал: «... очевидна необходимость подчеркнуть разницу между языками в естественном (природном) состоянии и искусственно выращенными языками, языками литературными» [2, с. 216], т. е. учёный уже говорил о необходимости разграничения таких языков.

Обращаясь к труду А. Пиперски «Конструирование языков», находим, что «у всех них есть одно общее свойство: они рукотворны. Ни один не возник сам по себе, у каждого есть создатель, который сконструировал этот язык с той или иной целью» [10]. Как замечает А. Д. Дуличенко, «интерлингвистические притязания» имеют свою динамику, давно пережили болезнь «всеобщности», повернувшись лицом к «международности» и «вспомогательности», что в то же время означает поворот от эпохи лингвистического априоризма к эпохе лингвистического апостериоризма, на базе которого теперь

строится преимущественное большинство [искусственных языков]» [3, с. 42]. Изначально, как отмечает учёный, целью искусственных языков было сделать общение между народами проще. С. Н. Кузнецов в своей статье, посвящённой интерлингвистике, напротив, утверждает: «... если синтезирующее языкознание предусматривает воздействие на эволюцию существующего языка либо создание нового, то коммуникативно реализованные и функционирующие плановые [искусственные международные] языки оказываются в основном за пределами синтезирующего языкознания: такие языки уже нет необходимости создавать, а сознательное воздействие на их эволюцию возможно не в большей степени, чем сознательное воздействие на национальные языки» [5, с. 100].

Получается, что искусственные языки не функциональнее языков, развивающихся естественным путём. Но, проанализировав работы учёных, мы приходим к вопросу: «Какие цели преследуют создатели искусственного языка для мультипликационного фильма?».

А. Пиперски отмечает, что существуют разные виды и цели таких языков. Так, он выделяет **энджланги** – языки философские, сделанные чётко по логическим канонам; **ауксланги** – языки вспомогательные, предназначенные для того, чтобы облегчить международное общение, и последние – «... на которых говорят обитатели вымышленных миров, было изобретено довольно много. Они называются художественными языками, или **артлангами** (от английского artistic language – «художественный язык»). Некоторые из них разработаны хорошо и имеют подробную грамматику, например, клингонский язык в сериале “Звёздный путь”» [8]. Артланг и, что важно, сам автор клингонского языка будут *предметами* рассмотрения в практической части нашего исследования.

¹ T. Drew. How “Atlantis the Lost empire” almost changes Disney forever // Collider : [сайт]. URL: <https://collider.com/disney-atlantis-the-lost-empire-history-explained> (дата обращения: 04.01.2022).

Художественные языки также разграничиваются. «Если в план выражения МИЯ [международного искусственного языка] входят означающие, заимствованные из естественных языков, то такие МИЯ называются языками *апостериори* (например, в языке эсперанто большинство слов являются интернационализмами: *ornamento, satiro, linio* и др.); если же МИЯ не обнаруживают определённого материального соответствия естественным языкам, они носят название языков *априори*» [6, с. 61]. Далее предстоит выяснить, какой язык перед нами.

Поиски Атлантиды в мифах и на карте

Следующим этапом в исследовании является анализ текстов, содержащих упоминания об Атлантиде, для того чтобы сопоставить предполагающееся местонахождение этого места в реальности и в сценарии. Интересным это сопоставление является потому, что будет возможно определить, рядом с какими странами находилась Атлантида и, соответственно, с кем эта не найденная в реальном мире цивилизация могла контактировать.

Особенности отражения Атлантиды в мифах. Самым известным упоминанием об Атлантиде считается изречение Платона в его диалоге «Критий»: «... мы уже упоминали, это некогда был остров, превышавший величиной Ливию и Азию, ныне же он провалился вследствие землетрясений и превратился в непроходимый ил, заграждающий путь мореходам, которые попытались бы плыть от нас в открытое море, и делающий плавание немислимым»; «Посейдон, получив в удел остров Атлантиду ... примерно вот в каком месте: от моря и до середины острова простиралась равнина, если верить преданию, красивее всех прочих равнин и весьма плодородная, а опять-таки в середине этой равнины, примерно в пятидесяти стадиях от моря, стояла гора, со всех сторон невысокая»; «холм ... [Посейдон]

укрепляет, по окружности отделяя его от острова и огораживая попеременно водными и земляными кольцами (земляных было два, а водных – три) ...» [11].

Ю. В. Крайко, автор диссертации «Античный миф об Атланте и Атлантиде: опыт фольклористического рассмотрения», отмечает, что «географическое местоположение Атлантиды связано с географией потустороннего мира, с загробной жизнью – царством Аида, преисподней Как и сады Гесперид, Елисейские поля, Тартар, по свидетельствам, находились на *Севере* (выделение наше. – В. К.) [4, с. 7].

Опираясь на мнение немецкого исследователя Бранденштайна, Ю. В. Крайко замечает, что Атлант и океанида Климен-та – древнейшие мифологические персонажи, а имя Атлант происходит от названия *критской* Атлантиды. «Перенос же имени “Атлант” на дальний запад в рассказах Платона является, по всей видимости, отголоском событий микенской эпохи, воспоминанием о ранних плаваниях критян, а античный мифо-эпический образ атланта, гиганта, поддерживающего небесный свод, доносит представление микенцев о могуществе *эгейской Атлантиды*» (выделение наше. – В. К.) [4, с. 7].

Интересный подход к анализу мифа наблюдаем у С. Г. Пилецкого: «Задумываясь о поисках Атлантиды и памятуя о том, что, в соответствии с текстом Платона, ... во-первых, она и в самом деле *могла располагаться только в Атлантическом океане*, и, во-вторых, вне зависимости от масштабов катастрофы, не могла никуда бесследно исчезнуть. Удивительно, но как это никому не приходило в голову, что “исчезнувшая” в пучине морской Атлантида – это, вероятно, преспокойно и ныне здравствующая *Гренландия*, ... по рельефу местности [этот остров] очень схож с платоновскими описаниями: Гренландия – это плоскогорье высотой 400–600 м с чередующимися горными массивами ... причиной этого мог быть грандиозный литосферный сдвиг, вызванный действи-

тельной глобальной катастрофой» (выделение наше. – В. К.) [9, с. 91].

Географические исследования, посвящённые поискам Атлантиды, продолжаются командой National Geographic¹. Они также предполагают, что цивилизация соседствовала с *Грецией*. При этом другой исследователь, Марк Адамс, также работающий в National Geographic, в 2015 г. предположил, что Атлантида могла бы располагаться у *берегов Марокко*. Вот как он доказывает свою теорию: «Одна из лучших подсказок к разгадке Атлантиды, которую даёт Платон, заключается в том, что вокруг города была серия концентрических кругов из чёрного и красного камня, и, конечно же, он был окружён морем»².

Согласно другому положению, вы сказанному Е. Милановским, «с позиций геологии с достаточным основанием можно считать, что описанный Платоном остров или архипелаг с концентрическим устройством рельефа и термальными источниками ... его внезапное обрушение в морскую пучину, сопровождавшееся землетрясением, цунами и появлением на месте провала больших масс плавающей “окаменевшей грязи” (пемзы), вполне соответствуют» составу земли на о. Тира [1]. Учёный полагает, что, исходя из геологического сходства, Атлантида *располагалась на о. Тира*.

Как следует из вышеперечисленного, Атлантида, судя по исследованиям учёных, выступает спорным явлением, но при этом факты, собранные исследователями, свидетельствуют либо о том, что Атлантиды не было вовсе, либо о том, что это северная страна (или равна Гренландии) или находилась рядом с

(или на) о. Тира, или у берегов Марокко. Все эти догадки в любом случае являются спорными потому, что не было зафиксировано ни одного факта атлантической письменности, архитектуры, других материальных подтверждений. Поэтому говорить о языке атлантов как о реальном объекте, относящемся к какой-либо конкретной языковой семье (либо это северная Исландия, либо Греция, либо – самостоятельное явление) не приходится. Единственное, что объединяет учёных – труд Платона, описывающий рельефные круги и широкую равнину.

Источники вдохновения для создания фильма

Труд Платона служил источником вдохновения и для создателей фильма: «Первой нашей мыслью было создать что-то наподобие “Путешествия к центру Земли” Жюль Верна, где центром сюжета будет путешествие до Атлантиды. Чем больше мы думали об этом, тем больше Атлантида для нас представлялась таким концептом, гибель которого была описана Платоном: “Но позднее, когда пришёл срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землёй; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину”. Это невероятно простое предположение и стало ключевым для создания фильма, затянувшегося на несколько лет» (курсив наш – В. К.)³. Рассмотрим, опираясь на интервью режиссёров, что именно помогало им, а также аниматорам и лингвистам при создании фильма.

Позже Дон Хан, продюсер фильма, добавляет: «Первым, что заставило нас задуматься о создании фильма про Атлантиду, действительно было произведение “Путешествие к центру Земли”. Также нас вдохновила наша экскурсия в

¹ National Geographic. Legend of Atlantis (full episode) | Drain the Oceans // National Geographic YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ErPsyBUCijM> (04.01.2022).

² Worrall S. Does New Theory Pinpoint Lost City of Atlantis? // National Geographic: [сайт]. URL: <https://www.nationalgeographic.com/adventure/article/150318-atlantis-morocco-santorini-plato-adams-ngbooktalk> (дата обращения: 04.01.2022).

³ Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script (Abridged Version with Notes from the Filmmakers). New York: Disney Editions, 2001. P. 8. Далее – Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script.

подземный мир, а именно – *посещение пещер на расстоянии 800 футов ниже поверхности земли в Национальном парке “Карловы Вары”*. Размер некоторых подземных комнат, напоминающих огромные футбольные поля, и вдохновил на создание многих визуальных образов в фильме¹. Это было только началом. Авторам нужно было продумать особенности создания картины мира, а именно – создать вымышленный миф, который бы был похож на сохранившиеся античные мифы. Как отмечает продюсер фильма Дон Хан, «нашей целью было составить мифологическую концепцию таким образом, чтобы можно было в неё поверить». Продюсер Кирк Вайс отмечал: «Мы познакомились с работами *Леонардо да Винчи* и разными другими ресурсами, узнали о совсем разных теориях, но поняли одно: люди действительно верят в это. Верят в концепт, не имеющих фактических оснований. Много, конечно, зависит от перевода. Известна *теория об о. Крите*, на котором произошло землетрясение, и предположение о нём в Атлантическом океане, между Америкой и Индией. Ключевой идеей для фильма стала *идея учёного Эдгара Кейси*, который полагал, что в сердце Атлантиды заключена живая сила, кристалл, в котором заключена энергия» (выделение наше. – В. К.)².

У Э. Кейси находим интересные упоминания о культуре атлантйцев: «Аргументы Донелли основываются в значительной степени на очевидности сходства между *культурой древнего Египта и культурами индейцев Центральной и Южной Америк*. По обеим сторонам Атлантики использовался 365-дневный календарь, практиковалось бальзамирование умерших, возводились пирамиды, сохранялись легенды о потопе и т. д. Донелли доказывает, что обе древние культуры – египетская

и американских индейцев – порождение Атлантиды» (выделение наше. – В. К.)³. Здесь и находим центральную идею о кристаллизации человека: «Облачение в материю происходило в нескольких местах Земли, ибо *кристаллизация, или воплощение в форму существа*, получившего название “человек” (хотя эта форма мало чем напоминала нынешнюю), началось в пяти центрах»⁴.

Особенностью кинокартины было то, что пришлось придумать не только мир атлантов, но и технику, с помощью которой герои смогли бы добраться до Атлантиды: «Для нас было важно, чтобы машины выглядели как что-то, что могло бы существовать в 1914 г. Аниматор Джим Мартин кропотливо создавал подобные чертежи, чтобы проработать детали»⁵.

Таким образом, режиссёры, как и учёные, опирались лишь на несколько строк, оставленных Платоном, а также на книги Л. да Винчи, Ж. Верна, Э. Кейси и воспоминания об экскурсии, чтобы создать картину мира атлантов.

Создание мифа об искусственном забытом языке

Особенностью исследуемого искусственного языка было то, что изначально по сюжету зрителя заставляют верить, что атлантйский язык существует только в письменном виде, расшифровать который было не под силу никому, кроме главного героя. Письменность на данном языке была представлена в рукописном «дневнике Пастуха» или же «дневнике

¹ Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script. P. 39.

² Hahn D., Wise K., Trousdale G. Creating Mythology [Электронный ресурс] // Atlantis: The Lost Empire: 2-Disc Collector's Edition. Walt Disney Video, 2002.

³ Кейси Э. Атлантида // Электронная библиотека ModernLib.net. URL: https://modernlib.net/books/keys_i_edgar/atlantida/read (дата обращения: 05.01.2022)*.

* Мы не добавляли эту книгу в список научных источников, т. к. не считаем работы медиума и ясновидящего научными, но процитировали её, потому что она представляла интерес для создателей фильма.

⁴ Кейси Э. Атлантида // Электронная библиотека ModernLib.net. URL: https://modernlib.net/books/keys_i_edgar/atlantida/read (дата обращения: 05.01.2022).

⁵ Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script. P. 28.

Шепарда». Сам этот реликт был полностью выдуман Марком Окрандом, что отмечали создатели фильма. Лингвист «сделал этот памятник атлантической письменности ключом к поиску Атлантиды. Это придуманный реликт, мы долго думали о том, как он вообще должен выглядеть. Чтобы сделать наш миф более правдоподобным, мы думали, каким же людям он мог принадлежать: думали о китайцах ... Остановились на викингах. Цель наша такова: мы, опираясь на работы Платона и Э. Кейси, решили воссоздать своё собственное видение этого мифа, показать поколениям наш воссозданный, придуманный мир»¹.

Гэри Троусдэйл так описывает придуманную историю создания этой книги: «Дневник пастуха был написан кочевым пастухом по имени Азиз, исчезнувшем под землёй на несколько лет и вернувшимся назад. Он рассказывал дикие истории о сказочном затерянном королевстве. Названный сумасшедшим Азиз был заключён в тюрьму и посвятил остаток своей жизни описанию своих приключений. Мы считаем эти приключения путешествием в Атлантиду»².

Этот дневник включает в себя **интертекст**. Мы понимаем под этим понятием (или интертекстуальностью) использование как общеизвестных, так и особенно важных для автора текстов для аллюзии, подтверждения или опровержения мысли, символизации, сопоставления или философского рассуждения. Как отмечает Н. А. Кузьмина, это «маркированная определёнными языковыми сигналами “перекличка” текстами, их диалог» [7, с. 20]. В фильме он связан с:

– **библейскими сюжетами**: так, одним из персонажей становится Левиафан, огромный зверь, который «описан в книге Бытия. Из его рта течёт лава, искры огня разлетаются кругом»³. Но в

то же время герой полагает, что «скорее всего, это просто резьба по камню или скульптура, созданная, чтобы напугать суеверных»⁴. В мультфильме же библейские мотивы были трансформированы: «Сами авторы предполагали, что Левиафан – это не существо, а военная машина, служащая атлантам. Именно она охраняла вход в Атлантиду от злоумышленников, кружась вокруг него. В Атлантиду, предположительно, имелось несколько входов, однако дневник Шепарда привёл героев именно к этому, который во времена жизни автора дневника был над землёй. Концепция этого входа была полностью создана аниматором Майком Меррелом»⁵;

– **буддистскими верованиями**: изначально авторы хотели вставить в мир атлантов значимую архитектуру других стран, но затем отказались от этой идеи (рис. 1). Так, авторы обращаются к элементам земли, воздуха, воды и огня: «В первоначальной задумке рассказа застрявшим исследователям пришлось пройти четыре испытания, основанных на элементах – земле, воздухе, огне и воде. Земное испытание представляло собой пещеру с лавовыми китами; испытание ветром – опасное прохождение через аэродинамическую трубу с гигантскими резными головами, которые раскрывали рты и пускали сильные потоки ветра. Испытания огнём и водой – преследование светлячков и Левиафана. К сожалению, первые два испытания пришлось убрать⁶, чтобы сэкономить время»⁷;

– **культурой Египта**: создатели фильма представляли себе атлантов, вдохновляясь культурой страны пирамид: «Например, мы читали, что во время

⁴ Там же.

⁵ Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script. P. 30.

⁶ Интересно, что испытания ветром, огнём и льдом были реализованы в видеоигре “Atlantis the Lost Empire”, выпущенной для игровой консоли Sony PlayStation 1 в 2001 г. Однако из-за провала фильма в прокате сама игра также не нашла масштабного признания.

⁷ Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script. P. 37.

¹ Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script.

² Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script. P. 16.

³ Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script. P. 28.

Рис. 1. / Fig. 1. Иллюстрация из книги “Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script” («Атлантида: затерянная империя: иллюстрированный сценарий»): статуя Будды в Атлантиде (видеофрагмент был изъят из киноленты) / Illustration from the book “Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script”: a statue of Buddha in Atlantis (removed from the film)

Источник: Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script (Abridged Version with Notes from the Filmmakers). New York: Disney Editions, 2001. P. 78–79.

путешествия Наполеона в Египет, правитель отмечал, что люди потеряли некогда великую цивилизацию. Они были окружены артефактами былого величия, но почему-то не придавали им особого значения»¹.

Таким образом, повествование и рисунки в дневнике были вдохновлены библейскими сюжетами, диалогами Платона (в особенности – его описаниями концентрических кругов), культурой Египта и культурой Индии. Интересная отсылка содержится в названии подводной лодки, на которой передвигается экипаж экспедиции, – “Ulysses” («Одиссей»), т. е. проводится аналогия с античным мифом и героем-путешественником. Обратимся к созданию языка.

Создание атлантического языка

Как отмечено выше, над языком работал лингвист Марк Окранд. Продюсер Г. Троусдэйл так говорил о нём: «... наш лингвист, знаток мёртвых языков, – современный Майло Тэтч, который также разработал клингонский и вулканский

языки для “Звёздного пути”»². Интересным фактом становится и то, что образ героя-лингвиста Майло Тэтча художники срисовывают именно с М. Окранда: «По ходу работы над этим фильмом манеры и движения Марка Окранда были срисованы Джоном Помроем, и их использовали в качестве основы для создания образа главного героя Майло, тоже учёного-лингвиста» [8] (рис. 2, 3).

Создание алфавита. Саму знаковую систему Марку Окранду помог создать художник Джон Эмерсон. Он разработал письменный язык, выполнив «тысячи каракуль на блокнотах, опираясь на написание многих древних букв. Мы поискали и нашли среди них самые интересные и загадочные примеры, которые нам понравились, и так мы и создали атлантический язык»³.

Интересным представляется тот факт, что авторы не называют, из каких именно языков они позаимствовали идеи для букв. Ниже представлен алфавит, состоящий из 29 букв, «при этом буквы c, f, j, q, v, x, z, ch или th были признаны соз-

¹ Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script. P. 50.

² Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script. P. 40.

³ Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script. P. 40.

Рис. 2 / Fig. 2. Фото Марка Окранда / Photo of Mark Okrand

Источник: Mark Okrand // Fandom : [сайт].
URL: https://memory-alpha.fandom.com/wiki/Marc_Okrand (дата обращения: 05.01.2022).

Рис. 3 / Fig. 3. Майло Тэтч. Кадр из фильма «Атлантида. Затерянный мир» / Milo Thatch. Screen-shot from the movie “Atlantis. The Lost Empire”

Источник: Milo Thatch // ArtStation : [сайт]. URL: <https://www.artstation.com/artwork/2xO1wY> (дата обращения: 05.01.2022).

дателями фильма как неиспользуемые. Алфавит был создан таким образом, чтобы язык мог использоваться в качестве простого шифровального кода. Все буквы также основаны на разнообразных древних символах, как и остальная часть алфавита», а стандартизация (расположение букв) «основана на древнейшем примере северно-семитского аббатства в угаритском языке»¹.

В фильме можно увидеть фрагменты дневника, где представлен текст на атлантиском языке (рис. 4, 5).

«История» создания языка: нужно было создать подобие праязыка, т. к., согласно задумке создателей фильма, «атлантиский язык является “Вавилонской башней”, “корневым диалектом”, из кото-

рого произошли все языки. Он существовал без изменений где-то с 100 000 до н. э., с первого или второго периода создания Атлантиды до наших дней. Эти периоды были ознaменованы появлением “Камня-прародительницы” (Mother Crystal (Matag Yob)), который спустился и даровал свет жителям Атлантиды. Этот народ до сих пор существует благодаря магической силе Кристалла (о чём сообщается в дневнике Шепарда)»².

Смешивание разных языков как основа создания языка. Чтобы создать этот язык, М. Окранд использовал распространённые характеристики из всех языков мира, и попытался воссоздать протоиндоевропейский язык. «Его базовым источником были индоевропейские языки, но он также использовал древнекитайский, древнееврейский, латинский и греческий языки, а также материалы

¹ См.: Atlantean Language // DisneyWiki: [сайт]. URL: https://disney.fandom.com/wiki/Atlantean_language (дата обращения 05.01.2022). Далее: Atlantean Language // DisneyWiki.

² Atlantean Language // DisneyWiki.

Рис. 4 / Fig. 4. Атлантский алфавит / Atlantean alphabet

Источник: Atlantean language // DisneyWiki : [сайт].

URL: https://disney.fandom.com/wiki/Atlantean_language (дата обращения: 05.01.2022).

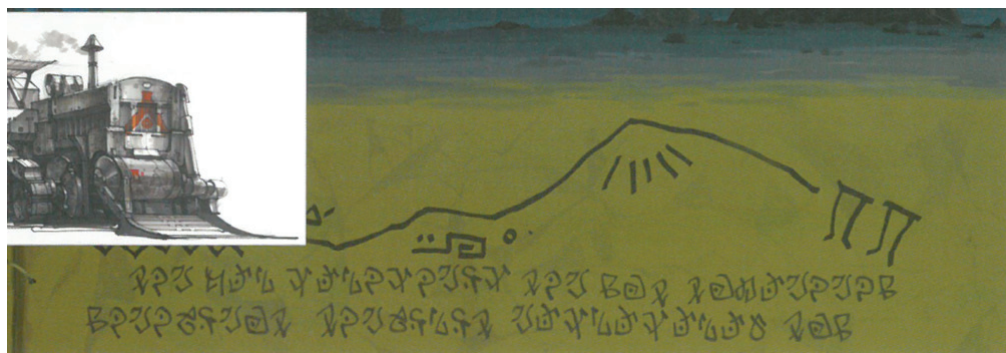

Рис. 5 / Fig. 5. Кадр из фильма «Атлантида. Затерянный мир» / Shot from the film "Atlantis. The Lost Empire"

Источник: Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script (Abridged Version with Notes from the Filmmakers). New York: Disney Editions, 2001. P. 78–79.

воссоздания античных мёртвых языков»¹.

Особенности комбинации элементов разных языков «озвучивает» главный герой в своей реплике: «Их язык, должно быть, основан на праязыке, на котором говорили те, кто строил Вавилонскую башню»² и «... действительно удивительно то, что если бы мы изменили латинский, немного смешав его с шумерским языком, самую малость – с фессалоникским, то мы бы приблизились к их основной грамматической структуре. Или, по крайней мере, с почти такой же. Здесь точно есть отголоски чоктавского, и очевидно, используя критское произношение, можно вполне заговорить по-атлантиски. Что доказывает, что торговые пути этого народа выходили почти к каждому уголку света вплоть до бронзового века»³.

Использование атлантисского языка: идея. Необычным ходом в повествовании является то, что атланты, владея праязыком, могут легко *устно* общаться на разных языках. Как отмечено в иллюстрированном сценарии картины “Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script (Abridged Version with Notes from the Filmmakers)”, герои-атланты говорят на латинском (*Ita, sum amlee viator. / Sloes llinguam Romae.* (You speak the language of the Romans), французском (*Parlez-vous franoals? / Oui, monsieur*), немецком (*Guten Tags Wle geht's?*) и даже русском (*Privet!*), итальянском (*Ciao*), иврите (*Shalom*), греческом (*Yasu*), китайском (*Ni hao ma*), тайваньском (*LI ho ho*)⁴. При этом сами атлантисцы не могут *читать* по-атлантиски: «Эти знания были потеряны со времён МЕН-behl-moak (Великого потопа)»⁵.

И здесь авторы поясняют свою вымышленную историю о том, как библейский Великий потоп повлиял на жизнь

этой цивилизации, из-за чего все знания о письменности были утрачены. Об этом говорит принцесса Атлантиды: «Говорят, что боги позавидовали Атлантиде. В наказание они наслали на нашу страну страшное наводнение и заточили нас здесь. Всё, что я помню, это – темнеющее небо, крики бегающих людей и яркий свет, как свет звёзд, поглощающий небо»⁶.

Использование атлантисского языка в реальности. Как отмечалось создателями фильма, актёрам было очень тяжело говорить на этом искусственном языке. Поэтому были разработаны: «сценарий режиссёра, атлантисский алфавит, расшифровка атлантисского языка для актёров ... Для тех небольших частей, где герои говорят на этом языке, Окранд использовал заметки в стиле Berlitz, чтобы помочь актёрам понять тексты» (см. табл. 1)⁷.

Структура атлантисского языка

Целью этого раздела статьи будет сопоставление особенностей атлантисского языка с английским и русским; в особенности акцент будет уделяться сходствам систем исследуемого языка с последним.

Особенности фонетики

В атлантисском языке 5 *гласных* (i, e, a, o, u) и три дифтонга (eu, au, ou). Как отмечает М. Окранд, эти фонемы характерны многим языкам, например таким, как испанский. Согласно сведениям о гласных, у них есть сильная (под ударением) и слабая (без ударения) позиции. «Так, например, / i / понимается как [i] или [ɪ] в ударных и безударных слогах соответственно»⁸. Сопоставив эти флексии (за исключением дифтонгов), можем отметить, что система гласных похожа на русскую: (ср.: i – и, e – э, a – а, o – о, u – у).

¹ Atlantean Language // DisneyWiki.

² Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script. P. 54.

³ Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script. P. 55.

⁴ Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script. P. 55.

⁵ Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script. P. 64.

⁶ Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script. P. 64.

⁷ Atlantean Language // DisneyWiki.

⁸ Atlantean Language // DisneyWiki.

Таблица 1 / Table 1.

Запись предложения на английском и атлантийском языках с комментарием
М. Окранда / Recording of a sentence in Russian and Atlantic languages is carried out
with a commentary by M. Okrand

Английский язык	Атлантийский язык	Berlitz	Бустрофедон	Комментарий М. Окранда
Spirits of Atlantis, forgive me for defiling your chamber and bringing intruders into the land	Nish.en.top Adlantis. ag, Kelob.tem Gabr. in karok.li.mik bet gim demot.tem net getunos.en.tem ber-not.li.mik bet kag.ib lewid.yoh.	NEE-shen-toap AHD-luhn-tih-suhg, KEH-loab-tem GAHB-rihn KAH-roak-lih-mihk bet gihm DEH-moat-tem net GEH-tuh-noh-sen-tem behr-NOAT-lih-mihk bet KAH-gihb LEH-wihd-yoakh.	NISHENTOP ADLAN-TISAG KELOBTEM MIG TEB KIMILKOR-AK NIRBAG DEMOTTEM NET GETANOSENTEM BIGAK TEB KIMIL-TONREB LEWIDYOH	Spirit (множественное число, звательный падеж); Atlantis (родительный падеж), Chamber (повелительное наклонение) you – множественное число, родительный падеж), defile (время “Past Perfect”, первое лицо, единственное число), and land (единственное число, слово является зависимым к intruder в ед. ч., согласуемым со словом bring во времени “Past-Perfect”, первом лице и местоимением I в дательном падеже, зависящим от глагола в повелительном наклонении мн. ч. Forgive.)

*В первоначальном варианте Окранд не использовал пробелы, но, чтобы упростить запись, позже они были добавлены.

Источник: Atlantean Language // DisneyWiki : [сайт].

URL: https://disney.fandom.com/wiki/Atlantean_language (дата обращения: 05.01.2022).

Согласных в исследуемом языке 16:

– **взрывные (глухие и звонкие):** губно-губные p, b; альвеолярные t, d; заднеязычные k, g;

– **носовые:** губно-губной m; альвеолярный n;

– **щелевые:** альвеолярный s; альвеолярно-палатальный ʃ; заднеязычный x;

– **сонорные (аппроксиманты):** палатальный j; лабиовелярный w;

– **дрожащий** альвеолярный r;

– **боковой** альвеолярный l.

Система согласных представляет собой фонемы, встречающиеся во многих языках; при этом очевидно некоторое

сходство этой фонетической системы с русскими согласными фонемами.

Особенности морфологии

Имена существительные. В атлантийском языке существительные склоняются, однако, вместо флексии в косвенных падежах они приобретают суффиксы, не имеющие вариативности. Выделяются такие **падежи**:

1) *nominative* (именительный) – без суффикса. Например, атл. *yob* и англ. *crystal*; ср.: рус. *кристалл*;

2) *oblique* (≈дательный / предложный) – суффикс *-tem-*. Например, атл.

yobtem и англ. *the crystal give, in the crystal, to the crystal, etc*; ср.: рус. *кристалл*;

3) *genitive* (родительный) – суффикс -ag-. Например, атл. *yobag* и англ. *of the crystal*; ср.: рус. *кристалла*;

4) *vocative* (звательный) – суффикс -top-. Например, атл. *Yobtop!* и англ. *O Crystal*; ср.: рус. *кристалл*;

5) *instrumental* (≈творительный падеж) – суффикс -esh-. Например, атл. *yobesh* и англ. *using crystal*. Возможно, эта форма слова будет омонимична форме В. п. сущ., используемого в качестве прямого дополнения, обозначающая вещь, которую используют, например, используя (что?) кристалл;

6) *unknown 1* (≈дательный / предложный / творительный) – суффикс -kup-. Например, атл. *yobkup* и англ. *(something) crystal*;

7) *unknown 2* (≈дательный / предложный / творительный) – суффикс -nuh-. Например, атл. *yobnuh* и англ. *(something) crystal*.

В атлантическом языке существуют **специфические суффиксы**. Это “Maternal Filial Suffix” (дословно – «материнский») суффикс -tim-, образующий форму Им. п. *mat-tim* вместо *mat* и “Augmentative Suffix” -mok- (дословно – «выделительный»), предположительно, по функциональности он будет обозначать переход существительного из категории нарицательного существительного в категорию собственного (ср. атл. *Yobmok*; англ. *The Great Crystal*; рус. *Кристалл*).

Форма **множественного числа** образуется с помощью суффикса -en- (ср.: атл. *yoben*; англ. *crystals*; рус.: *кристаллы*).

Местоимения. М. Окрандом было создано пять падежей для местоимений. Соответственно, из-за отдельно выработанной классификации совпадений с падежами имени существительного здесь нет. Единственным сходством здесь является то, что при склонении местоимения приобретают конкретную флексию, не имеющую вариантов. Парадигма склоне-

ния совпадает с сущ. в Им. п., т. к. здесь также появляется нулевая форма суффикса:

1) *nominative* (именительный) – без суффикса. Например, атл. *kag* и англ. *I*; ср.: рус. *я*;

2) *accusative* (винительный) – суффикс -it-. Например, атл. *kagit* и англ. *me, whom was (sent), etc*; ср.: рус. *меня*;

3) *dative* (дательный) – суффикс -ib-. Например, атл. *kagib* и англ. *(to) me*; ср.: рус. *мне*;

4) *genitive* (родительный) – суффикс -in-. Например, атл. *kagin* и англ. *[of]¹ my heart*; ср.: рус. *меня*;

5) *unknown* (нет аналога в русском языке) – суффикс -is-. Например, атл. *kagis*. Формы на английском языке нет.

Глаголы. Глаголы в атлантическом языке спрягаются и имеют **категории времени и вида**. Как и у существительных и местоимений, формы глагола образуются с помощью характерных суффиксов. Как отмечается, один суффикс добавляет грамматическое значение времени и вида, и другой – лица и числа.

Далее следует сопоставление способа образования форм времени и вида с английским и русским языками:

1) *Present Simple Tense* (настоящее время несов. в.) – суффикс -e-. Например, атл. *bernot.e.kik* и англ. *I bring*; ср.: рус. *я несу*;

2) *Present Perfect Tense* (прошедшее время сов. в. и несов. в.) – суффикс -le-. Например, атл. *bernot.le.kik* и англ. *you have brought*; ср.: рус. *ты нёс / ты принёс*;

3) *Present Obligatory Tense* (настоящее время с модальным глаголом долженствования сов. в. и несов. в.) – суффикс -se-. Например, атл. *bernot.se.kik* и англ. *I am obliged to bring*; ср.: рус. *я должен принести*;

¹ Предположительно, в парадигме падежей местоимений неверно указана форма на английском языке “*my (my) heart*”. Она была заменена на “*to my heart*”.

- 4) *Past Simple Tense* (прошедшее время сов. в. и несов. в.) – суффикс -i-. Например, атл. *bernot.i.mik* и англ. *I brought*; ср.: рус. я *нёс* / я *принёс*;
- 5) *Immediate Past Tense* (только что произошедшее прошлое время – только сов. в.) – суффикс -ib-. Например, атл. *bernot.ib.mik* и англ. *I just brought*; ср.: рус. я [только что] *принёс*;
- 6) *Past Perfect Tense* (прошлое время с приобретённым результатом – только сов. в. ≈ перфект в старославянском языке) – суффикс -ib-. Например, атл. *bernot.ib.mik* и англ. *I just brought*; ср.: рус. я [только что] *принёс*;
- 7) *Simple Future Tense* (будущее время несов. в. / сов. в.) – суффикс -o-. Например, атл. *bernot.o.mik* и англ. *I will bring*; ср.: рус. я *принесу*;
- 8) *Future Possible Tense* (будущее время сов. в. и несов. в. с модальным глаголом возможности / невозможности) – суффикс -go-. Например, атл. *bernot.go.mik* и англ. *I may bring*; ср.: рус. я *могу нести* / *принести*;
- 9) *Future Perfect Tense* (будущее время с приобретённым результатом – только сов. в. ≈ перфект в старославянском языке) – суффикс -lo-. Например, атл. *bernot.lo.mik* и англ. *I will have brought*; ср.: рус. я *принесу*;
- 10) *Future Obligatory Tense* (будущее время сов. в. и несов. в. с модальным глаголом долженствования) – суффикс -so-. Например, атл. *bernot.so.mik* и англ. *I will be obliged to bring*; ср.: рус. я *буду обязан нести* / *принести*;

Из приведённой классификации очевидно, что для составления формы времени (всего три времени: настоящее, прошедшее, будущее) необходимо учитывать не только отсутствие / наличие перфекта (приобретённого результата), но и наличие модальности долженствования (характерной только для настоящего и

будущего времени) и возможности / невозможности (характерной для будущего времени), т. е. категория модальности для прошедшего времени отсутствует.

Для глаголов также была выработана классификация “Mood Suffixes” (суффиксы «настроения»), образующие **формы наклонений, пассивный залог и неопределённую форму**:

- 1) *Imperative Mood Singular* (повелительное наклонение глагола единственного числа) – без суффикса. Например, атл. (Tok.it) *Bernot!* и англ. *Bring (it, you)!*; ср.: рус. *принеси!*;
- 2) *Imperative Mood Plural* (повелительное наклонение глагола множественного числа) – без суффикса. Например, атл. (Tok.it) *Bernot!* и англ. *Bring (it, you)!*; ср.: рус. *принесите!*;
- 3) *Passive Mood* (пассивный залог) – суффикс -esh-. Например, атл. (Im.tem shib.an) *bernot.esh.ib.mik* и англ. *Bring (it, y'all)!*; ср.: рус. *принесён* / *принесена* / *принесено*;
- 4) *Infinitive* (инфинитив) – суффикс -e-. Например, атл. *bernot.e* и англ. *to bring*; ср.: рус. *принести*;

Данная классификация позволяет провести параллель с русским языком: для русского языка также характерен суффиксальный способ образования форм глагола в повелительном залоге, при этом суффиксы в ед. ч. и мн. ч. также будут различаться. Однако форма пассивного залога, образующаяся с помощью аффикса, не характерна ни для русского, ни для английского языков.

Лица и числа у глаголов также образуются с помощью суффиксов, которым были даны характерные произношения, отличающиеся от написания:

- 1) *1st singular* (первое лицо единственного числа) – суффикс -ik- (приносится как -kag-). Например, атл. *bernot.e.kik*. англ. *I bring*; ср.: рус. я *несу*;
- 2) *2nd singular* (второе лицо единственного числа) – суффикс -en- (произ-

носятся как -moh-). Например, атл. *bernot.e.ken*. англ. *you bring*; ср.: рус. *ты несёшь / ты принесёшь*;

- 3) 3rd singular (третье лицо единственного числа) – суффикс -ot- (произносится как -tug- / -tuh- / -tok- в зависимости от местоимений *he / she / it* соответственно). Например, атл. *bernot.e.kot*. англ. *he brings*; ср.: рус. *он несёт / принесёт*;
- 4) 1st plural (первое лицо множественного числа) – суффикс -kem- (произносится как -gwis-). Например, атл. *bernot.e.kkem*. англ. *we bring*; ср.: рус. *мы несём / принесём*;
- 5) 2nd plural (второе лицо множественного числа) делится на два подвида. Пишется он так: -eh- (произносится суффикс по-разному *gebr / gabr*, в зависимости от того, знакомы ли люди / предметы говорящему). Например, атл. *bernot.e.keh*. англ. *you bring*; ср.: рус. *вы несёте / принесёте*;
- 6) 3rd plural (третье лицо множественного числа) – суффикс -toh- (произносится как -sob-). Например, атл. *bernot.e.kkem*. англ. *they bring*; ср.: рус. *несут / принесут*.

Особенностью изменения формы здесь является именно различное произношение аффиксов, необходимое, вероятно, для более ясного понимания устной речи: сочетания *en / eh / em* с предыдущими суффиксами, характеризующими лица и числа, могут быть редуцированы при произношении, соответственно, было принято решение ввести фонетические изменения для различения морфем.

Особенности словообразования числительных. Как отмечается на официальном сайте мультфильма, «Дж. Эмерсон, М. Окранд и создатели фильма также создали цифры от 0 до 9. Однако они расположены горизонтально и содержат значения мест 1, 20 и 400. Их компоненты основаны на числах майя и составлены изнутри для шрифта, как римские цифры [и могут] использоваться альтернативно, как арабские цифры» (рис. 6).

Корни слов, обозначающих атлантские цифры, не имеют ничего общего ни с английским, ни с русским языками, отдалённо они похожи на латинские семы в фонетическом аспекте:

- 1) атл. *din* – лат. *unus* – англ. *one*;
- 2) атл. *dut* – лат. *duo* – англ. *two*;
- 3) атл. *sey* – лат. *tres* – англ. *three*;
- 4) атл. *kut* – лат. *quattuor* – англ. *four*;
- 5) атл. *sha* – лат. *quinque* – англ. *five*;
- 6) атл. *luk* – лат. *sex* – англ. *six*;
- 7) атл. *tos* – лат. *septem* – англ. *seven*;
- 8) атл. *ya* – лат. *octo* – англ. *eight*;
- 9) атл. *nit* – лат. *novem* – англ. *nine*;
- 10) атл. *ehep* – лат. *decem* – англ. *ten*¹.

Порядковые числительные образуются с помощью суффикса -(d)lag-. Например, атл. *sey*, англ. *three*, рус. *три* при образовании формы порядкового числительного будут выглядеть соответствующим образом: атл. *sey.dlag*, англ. *third*, рус. *третий*. Символ *d* опускается, если корень оканчивается на глухой согласный или носовой согласный: атл. *dut* – *dut.lag*. (англ. *two* – *second*, рус. *два* – *второй*).

¹ Римские цифры // LatinPro.info : [сайт]. URL: https://www.latinpro.info/latin_cifrae.php (дата обращения: 07.01.2022).

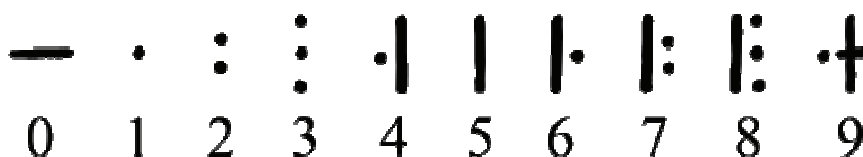

Рис. 6 / Fig. 6. Атлантские цифры / Atlantean numbers

Источник: Atlantean language // DisneyWiki : [сайт]. URL: https://disney.fandom.com/wiki/Atlantean_language (дата обращения: 07.01.2022).

Дробы образуются с помощью суффикса -dlor-: атл. *kut.lop*, англ. *quarter*, рус. *четверть*.

Чтобы образовать порядковые или дробные числительные, необходимо знать соответствующие суффиксы: т. к. числительные не склоняются, дополнительных суффиксов у них не будет.

Синтаксис

Исходя из комментариев самого М. Окранда, можно выяснить, что предложение на атлантском языке необходимо начинать с существительных (при этом он использует форму сущ. Vocative, т. е. форму звательного падежа, не характерного для английского), после которых следует глагол, согласуемый в лице и числе со стоящим перед ним существительным, а затем – зависимые слова, что говорит о том, что атлантскому языку присущи флексии и строгий порядок слов, из-за которого, вероятно, была максимально упрощена пунктуация: «В системе письменности Атлантиды нет знаков препинания или заглавных букв. Эти характеристики основаны Окрандом на древних системах письма. Атлантический алфавит написан в обычном порядке написания бустрофедона. Это написание слева направо для первой строки, справа налево для второй и слева направо снова для третьей ... Это положение было также взято Окрандом из основ древних систем письма и одобрено лингвистом, потому что он объяснил это тем, “что такое написание напоминает течение воды и является интересным сопоставлением”»¹. **Синтаксис является фундаментом для построения фразы на атлантском языке, т. к. он стабилен:** «У атлантского очень строгий порядок слов Subject-Object-Verb. Там никогда не бывает никаких отклонений от шаблона. Прилагательные и существительные в Р. п. идут после существительных в Им. п., второстепенные члены

предложения идут после существительных или грамматических основ, от которых они зависят, а модальные глаголы идут после глаголов, от которых они зависят. Однако наречия идут перед глаголами, от которых зависят. Последними являются вопросительные частицы»².

Интересной особенностью синтаксиса является появление нехарактерных английскому языку “sentence’s connectors”, дословно – «частей речи, соединяющих предложения». Если структуру атлантского языка сопоставить с русской, можно предположить, что это части речи, напоминающие союзы. В статье, посвящённой атлантскому языку³, есть такой пример:

1. Атлантский: “Wil.tem neb gamos.e.tot...” + **deg** + duwer.en tirid.

2. Английский: “He sees this city...” + (roughly) **for** + all foreigners.

При переводе этой конструкции на русский язык получится следующее предложение: *Он видел этот город, что означает, что все чужеземцы [его видели]*.

Ещё один пример:

1. Атлантский: Tab.top, lud.en neb.et kwam gesu bog.e.kem + **deg** + yasek.en gesu.go.ntoh.

2. Английский: Father, we cannot help these people + (roughly) “**and yet**” + they will help the Royalty.

Русский: *Отец, мы не можем ничем помочь этим людям, но они могут помочь королевской семье.*

Для синтаксической структуры атлантского языка, таким образом, характерна замкнутая строгая структура, предполагающая наличие сложносочинённых и сложноподчинённых предложений, связанных «соединителями предложений» (аналогами союзов).

Письменные источники, где используется язык атлантов

Имеются два официальных источника, где представлены записи на атлантском языке. Первым таким источ-

¹ Atlantean Language // DisneyWiki.

² Atlantean Language // DisneyWiki.

³ Atlantean Language // DisneyWiki.

ником является «Иллюстрированный сценарий»¹, вышедший в 2001 г. и больше не переиздаваемый. Так, например, там записаны реплики жителей этой страны: «QUEEN (CONT'D): KEE-duhtoap S TOH-kiht sehr KOO-pehgj NAHL-tem WAH-nuh-tehkem! (Kida! Just leave it! There's no time! / Кида, оставь это! У нас нет времени!); «KIDA: MAH-tihm! (Mother! / Мама!). OH-kweh-pen-tem MOHkhihn DEH-rem, KEE duhtoap! (Close your eyes, Kida! / Закрой свои глаза, Кида!)»².

Запись прописными буквами, вероятно, обусловлена необходимостью выделения среди суффиксов корневых сем слов, которые необходимо выделять голосом. При сравнении словообразовательных конструкций наглядно видно, что атлантские более громоздкие, но более простые в плане образования: рядом с прописной записью стоят неизменяемые суффиксы, ставящие слова в нужную форму.

Записи в печатном виде существуют и в видеоигре «Atlantis the Lost Empire», выпущенной для игровой консоли Sony PlayStation. Здесь не обыгрываются сложные синтаксические конструкции, а зашифровано одно слово, которое можно легко восстановить, опираясь на вышеу-

казанный алфавит с латинскими соответствиями букв (см. рис. 7).

Оценка возможности дальнейшего использования

Вопрос о развитии атлантского языка был отчасти затронут М. Окрандом в сценарии: атлантцы не понимают переносных значений слов, а именно прозвищ и метафор (табл. 2). Так, при разговоре принцессы с главным героем, она полагает, что прозвища характерны для тех, кто связан, например, с профессией врача.

Этот аспект также затронут в **словообразовании антропонимов**. У героев различное происхождение, благодаря чему модели образования говорящих имён у них были различны:

– **метафорическое значение слова**. Так, например, фамилия главного героя *Thatch* переводится «солома», обозначающая, вероятно, простодушие и наивность героя; прозвище повара *Cookie* и фамилия врача *Sweet* говорят о роде профессии и характере деятельности соответственно;

– **словосложение**. Фамилия лейтенанта *Sinclair* образована путём сложения двух слов «чистый» и «грех», говорящая о порочности замыслов привлекательного персонажа; также образована фамилия организатора экспедиции *Whitmore* – «ничуть не больше», владеющего огромным состоянием и предоставивше-

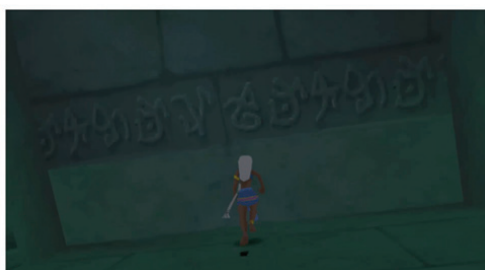
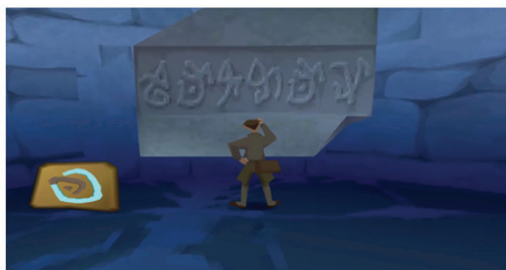

Рис. 7 / Fig. 7. Фрагменты видеоигры; на элементах декора стен изображена атлантская письменность / Fragments of a video game, elements of wall decor depicting Atlantean writing¹

Источник: Disney's «Atlantis the Lost Empire». Sony Computer Entertainment. 1 эл. опт. диск CD.

¹ Надпись 𐀀𐀁𐀂𐀃𐀄 в «переводе» звучит как SECRET, т. е. секрет, потайное место.

Таблица 2 / Table 2.

Сопоставление диалога на английском и русском языках / Comparison of dialogue in English and Russian

Диалог Киды (атлантической принцессы) и лингвиста Майло на английском	Диалог Киды (атлантической принцессы) и лингвиста Майло на русском
«MILO: No, that's Sweet.	Майло: Нет, его фамилия – Свит [дословно – «сладкий» в м/ф переведено как «Миляга»].
KIDA: What is?	Киды: Что ты имеешь в виду?
MILO: The doctor. He's Sweet.	Майло: Он доктор. [Его фамилия] – Миляга.
KIDA: Oh, he is kindly.	Киды: О, он добрый.
MILO: No, no, that's his name.	Майло: Нет, нет, это его фамилия.
KIDA: His name is "Kindly"?	Киды: А его имя – «Добряк?».
MILO: No, Sweet. Well, he's kindly, too.	Майло: Нет, его фамилия – Миляга. Но он действительно добрый.
KIDA: So all of your doctors are sweet and kindly? ...	Киды: Получается, все ваши доктора милые и добрые? ...
MILO: Oh Audrey. She's sweet.	Майло (комментируя поступок своей коллеги): О, Одри, она такая милая.
KIDA: Oh, she is your doctor?	Киды: О, она твой доктор?
MILO: No...no...no let me start again. ...	Майло: Нет... нет... нет. Давай начнём сначала. ...
KIDA: Cookies are sweet, but yours is not. Sweet is kindly, but that is ot his name. Audrey is sweet, but she is not your doctor.	Киды: Повара [здесь – игра слов Cookie как имя повара (в м/ф переведено как «Поварёшка») и слова печенье] милые, но ваш – не милый. Миляга добрый, но «добрый» – не его имя. Одри милая, но она не твой доктор.

Источник: Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script (Abridged Version with Notes from the Filmmakers). New York: Disney Editions, 2001. P. 68–69.

го всё для того, чтобы экспедиция состоялась¹;

– **интертекст**. У французского геолога фамилия *Moliere* служит отсылкой к имени французского писателя, вероятно, из-за вздорного, несколько распушенно-комедийного характера героя; у итальянского подрывника фамилия *Santorini* отсылает к родному городу героя; у испанского механика *Ramirez* – пример распространённой испанской фамилии; у связиста *Packard* – пример распространённой английской фамилии.

Антитезой этому поставлено имя атлантической принцессы *Kidagakash*. Учи-

тывая имя короля – *Kashehim*, убрав уважительный суффикс *-im-*, мы получим вторую часть имени принцессы *Kash*; т. к. *-ga-* – это связующее слово (“connective word”), ставящее следующее в Р. п., то получится *Kida of King Kash*, где *Kida* – форма латинского слова *kida* – ‘ребёнок’, а имя короля *Kash* переводится с латинского как ‘деньги’² (вероятно, из-за его тщеславия), имя атлантической принцессы будет переводиться как ‘дитя тщеславного человека’.

Только у одной буквы есть символическое значение – у первой буквы атлантического алфавита. Она неспроста изобра-

¹ Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script. P. 7.

² Латинско-русский словарь [Электронный ресурс] / сост. Е. В. Афонасин. URL: <https://classics.nsu.ru/syllabi/latrus.htm> (дата обращения: 07.01.2021).

Рис. 8 / Fig. 8. Кадр из фильма «Атлантида. Затерянный мир» / Shot from the film “Atlantis the Lost Empire”.

Источник: «Атлантида. Затерянный мир» [Электронный ресурс] / Фильм производства студии Дисней, США, 2001 г. Прокатное удостоверение №224004013 от 07.02.2013. 1 эл. опт. диск (DVD).

Рис. 9 / Fig. 9. Отмеченный у тронного зала тайный вход, где спрятана жизненная сила атлантцев – кристалл / The secret entrance marked at the throne room, where the life force of the Atlanteans is hidden – the crystal

Источник: Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script (Abridged Version with Notes from the Filmmakers). New York: Disney Editions, 2001. P. 67–68.

жена и на дневнике Шепарда, и в тронном зале (рис. 8, 9). Как отмечает К. Вайз, «... буква, разработанная Джоном Эмер-

соном, – это миниатюрная карта города Атлантиды (т. е. внешняя сторона водоворота – пещера, внутренняя форма –

сам город, а точка – местонахождение кристалла). Это – карта сокровищ¹.

Такое непонимание переносных значений, а также утраченная способность атлантйцев писать на своём языке непосредственно указывают на то, что по сценарию мультипликационного фильма *атлантйский язык не развивается, в нём нет идиом*, которые отражают культурную динамику языка. Такая особенность этого искусственного языка свойственна не только атлантйскому. По замечанию Н. А. Кондрашова, искусственные языки – это языки, «лишённые национального своеобразия, стилистики и исторического развития. В практической жизни подобные языки имеют одно преимущество: каждый знает, что его собеседник так же должен был изучить этот язык, как и он»². Как было отмечено ранее, ввиду сложности языка идея изучать и развивать этот язык в реальной жизни не нашла своего отражения в мире.

Выводы

Атлантйский язык – искусственный артланг апостериорного типа (по С. Н. Кузнецову), т. е. он создан с художественной целью и состоит из фрагментов фонем, морфем, лексики и синтаксических моделей разных языков. На основе исследования можно отметить следующие особенности этого языка:

- он был создан на основе разных языков;

- всего он включает 29 букв, из которых 5 обозначают 5 гласных, и 16 согласных; буквы *c, f, j, q, v, x, z, ch* были признаны создателями как неиспользуемые. Фонетическая система гласных и частично согласных представляется схожей с русской фонетической системой;

- способы образования форм существительных, местоимений, числительных

и глаголов – суффиксальные. С помощью созданных аффиксов возможно поставить существительное в нужную падежную форму, в форму множественного числа или добавить «уважительный» суффикс или такой, при котором нарицательное существительное станет собственным; местоимения склоняются аналогичным способом; глаголы с помощью суффиксов приобретают необходимую форму времени и вида (в настоящем и будущем есть аффиксы с модальным значением возможности / невозможности и долженствования); на формы наклонений, пассивный залог и неопределённую форму также влияют аффиксы; специальные аффиксы позволяют изменить класс числительного на порядковый или дробный;

- синтаксис и пунктуация атлантйского языка были максимально упрощены: были убраны знаки препинания и изначально даже пробелы (позже были восстановлены); синтаксические конструкции представляют собой предложения со строгим порядком слов, характерным для английского языка; были добавлены «части речи, соединяющие предложения», подобные союзам, соединяющим сложноподчинённые предложения в русском языке;

- атлантйская лексикология берёт свои истоки из разных языков; ввиду неиспользования этого языка новых слов в нём не появляется, а словарь атлантйских слов не был выпущен в свет; теоретически новые слова могут быть образованы подобно словам в эсперанто, если использовать корни из латинского и других языков, присоединять к ним соответствующие суффиксы. В сценарии мультфильма нет ни одного примера образного использования слов и идиом.

Атлантйский язык, созданный М. Окрандом, являет собой пример трудоёмкой модели создания праязыка на основе многих языков мира. К сожалению, довольно перспективная на первый взгляд идея, мастерски воплощённая в искусственно созданной атлантйской

¹ Atlantis the Lost Empire: The Illustrated Script. P. 82.

² Кондрашов Н. А. Общее языкознание (курс лекций). Ч. I. История языкознания. М.: Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской, 1972. С. 65.

картине мира, основанной на Библии, трудах Платона, Э. Кейси, индийских и египетских картинах мира, не стала популярной, из-за чего финансирование мультфильма и дальнейшее продвижение франшизы было закрыто (отсылка к этому м/ф нет в Диснейленде, а атлан-

тийская принцесса не была включена в список «диснеевских принцесс»), а язык незаслуженно забыт. В любом случае он будет познавателен для тех, кому интересна тема искусственных языков.

Дата поступления в редакцию 10.01.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Александровский Г. Атлантида – не легенда! // Наука и жизнь [сайт]. 1999. № 9. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/9708/> (дата обращения: 04.01.2022).
2. Бодуэн-де-Куртенэ И. А. О задачах языкознания // Бодуэн-де-Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 203–221.
3. Дуличенко А. Д. Международные искусственные языки: объект лингвистики и интерлингвистики // Вопросы языкознания. 1995. № 5. С. 39–55.
4. Крайко Ю. В. Античный миф об Атланте и Атлантиде: опыт фольклористического рассмотрения: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 192 с.
5. Кузнецов С. Н. Интерлингвистика и синтезирующее языкознание // Современная наука. 2015. № 4. С. 96–100.
6. Кузнецов С. Н. К вопросу о типологической классификации международных искусственных языков // Проблемы интерлингвистики: типология и эволюция международных искусственных языков: коллективная монография / М. И. Исаев, Е. А. Бокарев, В. П. Григорьев, Д. Л. Арманд, С. Н. Кузнецов, Д. Бланке, Н. Ф. Дановский, А. Д. Дуличенко, Д. Г. Баев. М.: Наука, 1976. С. 60–79.
7. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка; 4-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007. 272 с.
8. Осянина Е. Марк Окранд (редакционный материал) // Молодой учёный. 2018. № 24 (210). С. 3.
9. Пилецкий С. Г. В поисках Атлантиды // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2009. № 5. С. 75–93.
10. Пиперски А. Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 370 с.
11. Платон. Критий / пер. С. С. Аверинцева // История Древнего Рима : [сайт]. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1450280000> (дата обращения: 04.01.2022).
12. Шаклеин В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография. М.: Флинта, 2012. 301 с.

REFERENCES

1. Aleksandrovskiy G. [Atlantis is not a legend!]. In: *Nauka i zhizn'* [Science and Life], 1999, no. 9. Available at: <https://www.nkj.ru/archive/articles/9708/> (accessed: 04.01.2022).
2. Baudouin de Courtenay J. A. [On the tasks of linguistics]. In: Baudouin de Courtenay J. A. *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniyu. T. 1* [Selected works on general linguistics. Vol. 1]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963, pp. 203–221.
3. Dulichenko A. D. [International artificial languages: The object of linguistics and interlinguistics]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1995, no. 5, pp. 39–55.
4. Krayko Yu. V. *Antichnyy mif ob Atlante i Atlantide: opyt fol'kloristicheskogo rassmotreniya: dis. ... kand. filol. nauk* [The ancient myth of Atlanta and Atlantis: an experience of folklore consideration: Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2006. 192 p.
5. Kuznetsov S. N. [Interlinguistics and synthesizing linguistics]. In: *Sovremennaya nauka* [Modern science], 2015, no. 4, pp. 96–100.
6. Kuznetsov S. N. [On the question of the typological classification of international artificial languages]. In: Isayev M. I., Bokarev Ye. A., Grigor'yev V. P., Armand D. L., et al. *Problemy interlingvistiki: tipologiya i evolyutsiya mezhnunarodnykh iskusstvennykh yazykov* [Problems of interlinguistics: typology and evolution of international artificial languages]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 60–79.

7. Kuz'mina N. A. *Intertekst i yego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and its role in the evolution of poetic language]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 272 p.
8. Osyana Ye. [Mark Okrand (editorial)]. In: *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2018, no. 24 (210), p. 3.
9. Piletsky S. G. [In search of Atlantis]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy], 2009, no. 5, pp. 75–93.
10. Piperski A. *Konstruirovaniye yazykov: ot esperanto do dotrakiyskogo* [Construction of languages: from Esperanto to Dothraki]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2018. 370 p.
11. Plato. [Critias] In: *Istoriya drevnego Rima* [History of Ancient Rome]. Available at: <http://ancientrome.ru/antlitrt.htm?a=1450280000> (accessed: 04.01.2022).
12. Shaklein V. M. *Lingvokul'turologiya: traditsii i innovatsii* [Linguoculturology: traditions and innovations]. Moscow, Flinta Publ., 2012. 301 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулакова Виктория Александровна – аспирант кафедры истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии Московского государственного областного университета, учитель русского языка и литературы Средней общеобразовательной школы № 1 г. о. Реутов;
e-mail: strawberrywishmaster@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria A. Kulakova – Postgraduate Student, Department of the History of the Russian Language and General Linguistics, Faculty of Russian Philology, Moscow Region State University; teacher of the Russian language and literature, Secondary School no. 1 of Reutov;
e-mail: strawberrywishmaster@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кулакова В. А. Забытый искусственный язык XXI в.: к вопросу об истории создания атлантического языка (языка атлантов) и атлантической картины мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 61–82.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-61-82

FOR CITATION

Kulakova V. A. Forgotten artificial language 21st century: to the question of the history of the creation of the Atlantic language (language of the Atlantis) and the Atlantic picture of the world. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 4, pp. 61–82.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-61-82

УДК 81'25

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-83-90

КРОССКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕРЕВОДА МИФОЛОГЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Г. МЕЛВИЛЛА «МОБИ ДИК» НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ)

Огнева Е. А¹, Наумова А. И².

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, Российская Федерация

² Севастопольский государственный университет
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33, Российская Федерация

Аннотация

Цель данного исследования заключается в определении кросскультурного потенциала транскодирования мифологем художественного текста при переводе.

Процедура и методы. Посредством сравнительно-сопоставительного анализа романа Г. Мелвилла «Моби Дик» и текстов перевода на русский язык выявляется кросскультурный потенциал передачи текстовых мифологем с английского языка на русский.

Результаты. Выявлены тенденции кросскультурной адаптации текстовых мифологем в двух переводах романа Г. Мелвилла «Моби Дик» с английского языка на русский. Обосновано авторское видение явления кросскультурного потенциала перевода. Определена корреляция кросскультурного потенциала перевода и текстового лингвокультурного кода.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты научного исследования вносят вклад в дальнейшее развитие теории переводоведения и изучения кросскультурной передачи мифологем. Уточнена методология когнитивного моделирования интертекстуальности мифа. Полученные результаты исследования могут быть применены в лекциях по общему языкознанию, переводоведению.

Ключевые слова: перевод, архитектура текста, адекватность перевода, кросскультурный потенциал, мифологема, массовый читатель

CROSS-CULTURAL POTENTIAL OF MYTHOLOGEMS' TRANSLATION IN H. MELVILLE'S "MOBY DICK"

E. Ogneva¹, A. Naumova²

¹ Belgorod State National Research University
Ulitsa Pobedy 85, Belgorod 308015, Russian Federation

² Sevastopol State University
Ulitsa Universitetskaya 33, Sevastopol 299053, Russian Federation

Abstract

Aim. To determine the cross-cultural potential of transcoding the mythologemes of a literary text in translation.

Methodology. Through a comparative analysis of H. Melville's "Moby Dick" and the texts translated into Russian, the cross-cultural potential of textual mythologies transfer from English into Russian is revealed.

Results. The tendencies of cross-cultural adaptation of text mythologems in two translations of H. Melville's "Moby Dick" from English into Russian are identified. The author's point of view to the phenomenon of the cross-cultural potential in translation is explained. Correlation between the cross-cultural potential in translation and the textual linguocultural code is substantiated.

Research implications. The research results contribute to the further development of translation studies theory and cross-cultural study of the mythologemes transfer. The methodology of cognitive modeling of myth intertextuality is verified. The results obtained can be applied in lectures on general linguistics and translation studies.

Keywords: translation, text architectonics, translation adequacy, cross-cultural potential, mythologeme, general reader

Введение

Проблема транскодирования мифологической составляющей приключенческих художественных текстов является одним из векторов развития современного переводоведения. Мифологическая составляющая приключенческих произведений представляет собой индивидуально-авторскую проекцию мифологических сюжетов как источников культурологического трансфера между временем появления мифа и временем создания произведения, в котором миф воплощён посредством формата интертекстуальности.

В процессе кросскультурного транскодирования переводчики при работе с оригиналом мифологизированного текста подбирают тот сюжет мифа, который характерен для культуры этноса языка перевода [14], тем самым формируется кросскультурный потенциал, под которым понимается степень возможности воссоздания культурно-маркированной информации текста оригинала средствами переводного языка.

Кросскультурный потенциал тесно связан с текстовым лингвокультурным кодом, состоящим из лингвокультурем, «репрезентирующих культурные реалии того или иного народа, отраженные в художественном произведении» [11, с. 126].

Существуют различные типы лингвокультурем, обусловленные лингвокультурными реалиями. Мифологемы могут быть рассмотрены в качестве одного из типов лингвокультурем, поскольку, по мнению Г. Т. Хухуни и И. И. Валуицовой,

“the interaction of languages is always to some extent the interaction of cultures” [17, с. 45] – «взаимодействие языков всегда до некоторой степени это взаимодействие культур»¹.

Исследование лингвокультурем, в частности мифологем, в аспекте интерпретации составных компонентов переводческого кода способствует выявлению «культурологических и прагматических особенностей двух сопоставляемых текстов» [4, с. 48], по мнению Р. Р. Чайковского, перевод представляет собой «результат и верного отображения, и активного преобразования действительности» [16, с. 78], так как “the literary translation is the replacing of author's world conception by translator's world conception” [16, с. 156]: «художественный перевод – это замещение концепции авторского мира концепцией мира переводчика».

В свете этого перевод как кросскультурная перекодировка текстовых конструкций формирует «эстетические доминанты» [8, с. 191]. Эти доминанты включают в себя весь спектр лингвокультурно-маркированных номинаций, среди которых в приключенческих произведениях высокочастотны мифологемы.

Мифологичность текста оригинала

Как известно, жанры приключенческой литературы стали активно развиваться в Европе в середине XIX в., чему поспособствовало появление массового читателя, который в этот период интен-

¹ Здесь и далее перевод наш – Е. О., А. Н.

сивно приобщался к литературе. Приключенческая литература оказалась наиболее востребованной в силу внешних обстоятельств как средство ухода от пессимистической реальности (безработица, экономический кризис, трудовые забастовки).

Погружаясь вместе с литературным героем в необычные и даже фантастические ситуации, читатель отвлекался от суровой реальности повседневной жизни вследствие того, что «миф и массовое сознание взаимообуславливают друг друга» [3, с. 407].

В свете этого актуален тезис Э. Ф. Осиповой, что «хаотичность массового сознания, низкий уровень культуры масс способствуют возникновению мифосознания в обществе» [12, с. 408].

По мнению Р. Барта, «для определения мифа важен не сам предмет сообщения, а то, как о нем сообщается; можно установить формальные границы мифа, субстанциональных же границ он не имеет» [1, с. 2]. Мифологическое переосмысление подвергается образно-чувственному переосмыслению, что находит отражение в мифологизированном художественном тексте.

Миф рассматривается и интерпретируется в различных науках. Так, в культурологии, лингвистике, этнолингвистике миф – это «особая система представлений о мире, реализуемая через тексты, действия, предметы и т. д., то есть термин, не имеющий оценочных коннотаций» [6, с. 101].

Мифическое сознание оперирует только реальными объектами, с максимально конкретными и сущими явлениями.

А. Ф. Лосев подчёркивал важность мифа как источника знаний о прошлом и как предмета исследования для выявления причин и закономерности современных событий «... в мифическом мире мы находим, например, явления оборотничества, факты, ... смерти и воскрешения людей и богов и т. д. Все это – факты разной напряженности бытия, факты различных степеней реальности» [9, с. 2],

которые находят отражение в мифологизированной архитектонике художественного текста, в частности в архитектонике приключенческих романов XIX в.

Одним из значимых произведений этого литературного периода является роман американского писателя Германа Мелвилла «Моби Дик». Основную причину того, что роман не был принят современниками, Н. Островская видит в том, что в нём «представлены образы-символы, которые либо не принимались, либо не были поняты» [13, с. 467].

Проведённые исследования показали, в данном романе именно мифологема помогает выразить смысловые стороны сюжета, где миф является ключевой частью мифологического смысла произведения.

Мифологемы, входящие в различные культурологические парадигмы, интерпретируются и модифицируются, актуализируя как центральные, так и периферийные элементы текста в зависимости от замысла автора [2].

Следовательно, новизна проводимого исследования заключается в выявлении степени кросскультурного потенциала транскодирования текста романа Германа Мелвилла «Моби Дик» на русский язык двумя переводчиками, выполнившими переводы в различное время.

Мифологичность текста перевода

Как известно, «многие нарративы стали отражать в глобальном мире плюралистическое представление о культуре» [5, с. 137]. В свете этого изучение способов репрезентации особенностей культурно-маркированной информации художественных произведений посредством их переводов в различные периоды помогает сделать выводы относительно изменений в мировосприятии в определённых социально-экономических и технологических условиях, что находит своё отражение на лингвистическом и ментальном уровнях и передаётся посредством переводческого кода, под которым понимается «совокупность преобразований пла-

нов содержания и выражения единиц, стиля оригинала при переводе» [10, с. 8].

Целью работы является исследование комплекса средств, необходимых переводчику для полноценной передачи мифологической составляющей романа Германа Мелвилла «Моби Дик» на русский язык с учётом формальной и идейной стороны романа, а также специфики его архитектоники.

При проведении исследования была сформулирована гипотеза, что для полноценной передачи мифологической составляющей романа Германа Мелвилла «Моби Дик» на русский язык необходимо опираться на формальную и идейную стороны произведения.

В статье представлены результаты сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода, выполненного И. М. Бернштейн¹, а также результаты сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода, выполненного Д. Ушаковым².

В рамках данной работы анализ двух указанных переводов романа «Моби Дик» осуществлялся по трём аспектам транскодирования:

- 1) передача формальных сторон;
- 2) передача идейной стороны произведения;
- 3) передача основной архитектоники произведения.

Выявление степени передачи перечисленных трёх аспектов текста оригинала способствует определению кросскультурного потенциала каждого из двух переводов рассматриваемого романа [12].

Итак, проведённый сопоставительный анализ в соответствии с первым аспектом транскодирования показал, что в тексте перевода романа «Моби Дик» И. М. Бернштейн максимально точно передала уникальную образность произведения, создавая эквивалентный перевод

и воспроизводя художественное полотно уклада жизни американского народа.

Приведённое исследование определило, что в книге же Д. Ушакова название сокращено до наиболее распространённого варианта, который у современной публики находится уже на слуху. Интересно отметить, что объём книги перевода И. Бернштейн практически в семь раз больше объёма книги перевода, выполненного Д. Ушаковым. Это обусловлено тем, что И. Бернштейн осуществляла классический перевод, максимально сохраняя концепцию автора (это же можно отнести к делению на главы и эпиграфы).

Книга перевода Д. Ушакова издана в эпоху, когда читатель предпочитает визуальный тип подачи информации, когда текст переедает лишь общую канву сюжетной линии литературного произведения и его ключевые образы. Д. Ушаков выбирает «основные», с его точки зрения, моменты и сопровождает их иллюстрациями. Неудивительно поэтому, что деление на главы и эпиграфы у Д. Ушакова отсутствует. Подобные отличия текста от оригинала «нередко возникают при диалогическом переводе» [15, с. 97].

Сопоставительный анализ на уровне второго аспекта транскодирования, а именно в аспекте выявления степени передачи идейной стороны произведения, показал, что И. М. Бернштейн удаётся решить проблему передачи глубокого идейного уровня произведения и его мифологической составляющей, соблюдая требования к эквивалентности и адекватности перевода. И. М. Бернштейн при переводе «Моби Дика» применяет лексический перевод. К такому переводу прибегают, когда в исходном языке понятие обозначается фразеологической единицей, а в переводящем – лексемой.

Например, устойчивое сочетание *a happy – go lucky* (p. 104)³, как *человек*,

¹ Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый Кит / пер. И. Бернштейн. М.: Терра, 1998. 560 с. Далее: Моби Дик, или Белый Кит (пер. И. Бернштейн).

² Мелвилл Г. Моби Дик / пер., илл. Д. Ушакова. М.: ЭКСМО, 2021. 88 с.

³ Здесь и далее примеры на английском языке из книги: Melville H. Moby-Dick or the Whale. US: Harper & Brothers, 1851. 208 p. В скобках после примера указан номер страницы с цитируемым материалом.

который всегда счастлив. Чтобы эквивалентно транскодировать этот фразеологизм, было подобрано семантически соответствующее выражение: «это был не трус, не герой, а просто беспечный сорвиголова ...»¹, сумасбродный, взбалмошный человек.

Другой пример – это калькирование структуры исходной лексической единицы, которое представлено во фразеологизме с ядром «сердце»: *If el tall the easier; a stone rolled away from my heart*» (р. 83). В русском переводе используется фразеологизм, который в точности передаёт это устойчивое словосочетание следующим образом: «... почувствовал облегчение; у меня камень с сердца свалился»².

Иной пример. Буквальный перевод использовался И. М. Бернштейн при интерпретации таких образов-символов, как (1) «*pour oil upon the waters*» (р. 96) посредством выражения «льет масло на волны»³; (2) «*whales and dragon sare strangely jumbled together*» (р. 54) посредством выражения «постоянно смешивают китов и драконов»⁴.

Но поскольку в середине XX в. любые произведения (в том числе переводы) цензурировались, то, как справедливо отмечает Э. Ф. Осипова, И. М. Бернштейн иногда приходится использовать метод идеологического суждения. В частности, это характерно для финальной сцены романа «Моби Дик». Критики советской эпохи проявляют удивительное единодушие, объясняя её символизм (предупреждение «буржуазной Америке»), и в частности такую деталь, как флаг, развевающийся на мачте «Пекода». Н. И. Самохвалов называет флаг «звёздным», Ю. В. Ковалев – «звёздно-полосатым», А. М. Зве-

рев – «американским». Между тем, на мачте был «красный флаг Ахава», который незадолго до погружения сорвал с мачты ястреб, а в тексте перевода И. Бернштейн цвет флага – «багряный» [7].

В тексте перевода Д. Ушакова отсутствует идейное наполнение: переводчик трансформирует текст оригинала в соответствии с сюжетной канвой фильма⁵, созданного на основе рассматриваемого произведения, сохраняя героев и основную линию, а также образ повествователя.

Сопоставленный анализ текста оригинала и текстов перевода в аспекте передачи основной архитектоники произведения показал следующее. В тексте перевода И. М. Бернштейн основная архитекtonика романа передана глубже: сохранены особенности повествования и хронотоп, а также все ответвления сюжетных линий, включая философские и концептуальные размышления авторов.

Выявлено, что И. М. Бернштейн использовала целый комплекс средств, а в тексте перевода Д. Ушакова определено, что формальная и архитектурная стороны сохранены частично, идейная сторона полностью утрачена. Это можно объяснить различными целями переводчиков, а степень эквивалентности оригиналу является переменной величиной, в силу сжатого перевода.

Заключение

Таким образом, на основании проведённого сопоставительного анализа текста оригинала и двух текстов перевода было выявлено, что для адекватной передачи мифологической составляющей романа Г. Мелвилла «Моби Дик» на русский язык двумя переводчиками в разное время применялись различные приёмы передачи формальных сторон произведения, передачи идейной стороны произведения, передачи основной архитектоники произведения.

¹ Моби Дик, или Белый Кит (пер. И. Берштейн). С. 321.

² Моби Дик, или Белый Кит (пер. И. Берштейн). С. 209.

³ Моби Дик, или Белый Кит (пер. И. Берштейн). С. 174.

⁴ Моби Дик, или Белый Кит (пер. И. Берштейн). С. 93.

⁵ Моби Дик: телеспектакль: в 2-х сериях / реж. В. Щеглов, сцен. Г. Катунин. СССР: Гл. ред. программ для детей, 1972.

Исследование этих приёмов позволило выявить кросскультурный потенциал каждого из двух текстов перевода рассматриваемого романа. В тексте перевода И. М. Бернштейн воспроизведена культурно-маркированная художественная картина оригинала, т. е. текст этого перевода обладает высокой степенью кросскультурного потенциала, тогда как трансформированный текст перевода Д. Ушакова обладает низкой степенью кросскультурного потенциала.

Полученные результаты вносят определённый вклад в исследование кросскультурного потенциала транскодирования текстовых мифологем. Тем не менее, данная тема нуждается в дальнейшей разработке. Полученные результаты исследования могут быть внедрены в образовательную деятельность при изучении кросскультурной репрезентации мифологической проблематики и способов её передачи и восприятия представителями различных наций.

Дата поступления в редакцию 06.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Мифология. М.: Наука, 2019. 351 с.
2. Гусева И. Мифологемы и символы мексиканского лингвокультурного пространства // Ибероамериканские тетради. 2013. № 2 (2). С. 102–115.
3. Демидова Е. Б., Шарликова Л. Г. Антонимия как отражение биполярного мира Германа Мелвилла в переводе И. Бернштейн романа «Моби Дик» // Преподаватель XXI век. 2020. № 3-2. С. 406–416.
4. Жирова И. Г., Баранова Т. М. Сопоставительный анализ перевода метафорических единиц с английского языка на русский // Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Москва, 24 декабря 2020 г. М.: Знание-М, 2021. С. 46–54.
5. Жирова И. Г., Паттерсон Д. А., Ларби Р. О. Интеракция художественного перевода и межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации в теории и практике перевода: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Москва, МГОУ, 23 декабря 2019 г. / отв. ред. И. Г. Жирова. М.: ИИУ МГОУ, 2020. С. 135–138.
6. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык. СПб.: Университетская книга, 2016. 274 с.
7. Каширина Т., Евсеева Т., Русакова А. Мифы мира. М.: Мир энциклопедий Аванта+: Астрель, 2017. 184 с.
8. Леонтьева К. И. Эстетические доминанты стратегии художественного перевода // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 4 (67). С. 190–200. DOI: 10.26456/vtfilol/2020.4.190.
9. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Директ-Медиа, 2007. 468 с.
10. Огнева Е. А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода: монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. 282 с.
11. Огнева Е. А. Перевод текстового лингвокультурного кода (на материале утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида») // Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Москва, 24 декабря 2020 г. М.: Знание-М, 2021. С. 125–130.
12. Осипова Э. Ф. «Я крещая тебя не во имя отца ...»: к вопросу о фантастическом / сверхъестественном / демоническом в романе Г. Мелвилла «Моби Дик» // Литература двух Америк. 2020. № 8. С. 402–416.
13. Островская Н. Особенности фразеологизмов в романе Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» и способы их передачи средствами русского языка // Collegium Linguisticum-2021: сбор-

ник научных статей ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ, г. Москва, 17–19 марта 2021 г. М.: МГЛУ, 2021. С. 466–472.

14. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Издательство Московского университета, 2014. 146 с.
15. Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации. Основы теории / Р. Р. Чайковский, Н. В. Вороневская, Е. Л. Лысенкова, Е. В. Харитонова; 3-е изд. М.: Флинта, 2016. 224 с.
16. Хухуни Г. Т., Осипова А. А. «Неопределенные реалии» и их передача: об одном аспекте диахронического перевода // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2018. № 1. С. 96–108.
17. Khukhuni G. T., Valuitseva I. I. Traslingualism / transculturality and ethno-cultural identity: complementarity or conflictness? // Полилингвильность и транскультурные практики=Polylinguality and Transcultural Practices. 2019. Т. 16. № 1. С. 45–51. DOI: 10.22363/2618-897X-2019-16-1-45-51.

REFERENCES

1. Bart R. *Mifologiya* [Mythology]. Moscow, Nauka Publ., 2019. 351 p.
2. Guseva I. [Mythemes and Symbols of the Mexican Lingvocultural Space]. In: *Iberoamerikanskiye tetradi* [Cuadernos Iberoamericanos], 2013, no. 2 (2), pp. 102–115.
3. Demidova E. B., Sharlikova L. G. [Antonymy as a reflection of Herman Melville's bipolar world in the novel "Moby Dick" translated by I. Bernstein]. In: *Prepodavatel' XXI vek* [Lecturer XXI century], 2020, no. 3-2, pp. 406–416. DOI: 10.31862/2073-9613-2020-3-406-416.
4. Zhironova I. G., Baranova T. M. [Comparative analysis of the translation of metaphorical units from English into Russian]. In: *Rol' i mesto lingvokul'turnoy adaptatsii khudozhestvennogo teksta v teorii i praktike perevoda. Perevodcheskiye strategii i taktiki: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, g. Moskva, 24 dekabrya 2020 g.* [The role and place of linguocultural adaptation of a literary text in the theory and practice of translation. Translation strategies and tactics: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Moscow, December 24, 2020]. Moscow, Znaniye-M Publ., 2021, pp. 46–54.
5. Zhironova I. G., Patterson D. A., Larbi R. O. [Interaction of literary translation and intercultural communication]. In: *Aktual'nyye problemy lingvokul'turologii i mezhkul'turnoy kommunikatsii v teorii i praktike perevoda: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, g. Moskva, 23 dekabrya 2019 g.* [Actual problems of linguoculturology and intercultural communication in the theory and practice of translation: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Moscow, December 23, 2019]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2020, pp. 135–138.
6. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 1. Yazyk* [Philosophy of symbolic forms. Vol. 1. Language]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2016. 274 p.
7. Kashirina T., Yevseyeva T., Rusakova A. *Mify mira* [Myths of the world]. Moscow, Mir entsiklopediy Avanta+Publ., Astrel' Publ., 2017. 184 p.
8. Leontyeva K. I. [Aesthetic dominants and the strategy of literary translation]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Herald of Tver State University Series: Philology], 2020, no 4 (67), pp. 190–200. DOI: 10.26456/vtfilol/2020.4.190.
9. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2007. 468 p.
10. Ogneva Ye. A. *Khudozhestvennyy perevod: problem peredachi komponentov perevodcheskogo koda* [Literary translation: problems of transmission of components of the translation code]. Belgorod, Belgorod State University Publ., 2004. 282 p.
11. Ogneva Ye. A. [The translation of a textual cultural linguistics code (based on F. Bacon's utopia "New Atlantis")]. In: *Rol' i mesto lingvokul'turnoy adaptatsii khudozhestvennogo teksta v teorii i praktike perevoda. Perevodcheskiye strategii i taktiki: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, g. Moskva, 24 dekabrya 2020 g.* [The role and place of linguocultural adaptation of a literary text in the theory and practice of translation. Translation strategies and tactics: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Moscow, December 24, 2020]. Moscow, Znaniye-M Publ., 2021, pp. 125–130.
12. Osipova E. F. ["Ego non baptizo te in nomine patris ...": On the Fantastic / Supernatural / Demonic in Melville's Novel Moby Dick]. In: *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas], 2020, no. 8, pp. 402–416. DOI: 10.22455/2541-7894-2020-8-402-416.

13. Ostrovskaya N. [Features of phraseological units and means of their translation into Russian in the novel «Moby-dick or, the whale» by Herman Melville]. In: *Collegium Linguisticum-2021: sbornik nauchnykh statey yezhegodnoy konferentsii Studencheskogo nauchnogo obshchestva MGLU, Moskva, 17–19 marta 2021 g.* [Collegium Linguisticum-2021: collection of scientific articles of the annual conference of the MSLU Student Scientific Society, Moscow, March 17–19 2021. Moscow, Moscow State Linguistics University, pp. 466–472.
14. Ter-Minasova S. G. *Yazyk I mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow, Moscow State University Publ., 2014. 146 p.
15. Chaykovskiy R. R., Voronevskaya N. V., Lysenkova Ye. L., Kharitonova Ye. V. *Khudozhestvennyy perevod kak vid mezhkul'turnoy kommunikatsii. Osnovy teorii* [Literary translation as a type of intercultural communication. Fundamentals of the theory]. Moscow, Flinta Publ., 2016. 224 p.
16. Khukhuni G. T., Osipova A. A. [Undefined realia: representation and aspect of diachronic translation]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda* [Moscow University Translation Studies Bulletin], 2018, no. 1, pp. 96–108.
17. Khukhuni G. T., Valuitseva I. I. Translingualism / transculturality and ethno-cultural identity: complementarity or conflict? In: *Polylinguality and Transcultural Practices*, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 45–51. DOI: 10.22363/2618-897X-2019-16-1-45-51.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Огнева Елена Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Белгородского государственного национального исследовательского университета; e-mail: ogneva@bsu.edu.ru;

Наумова Анастасия Игоревна – ассистент кафедры "Иностранные языки" Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета; email: medr.nastya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Ogneva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of Foreign Languages Belgorod State National Research University; e-mail: ogneva@bsu.edu.ru;

Anastasya I. Naumova – Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University; email: medr.nastya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Огнева Е. А., Наумова А. И. Кросскультурный потенциал перевода мифологем (на материале романа Г. Мелвилла «Моби Дик» на английском и русском языках) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 83–90. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-83-90

FOR CITATION

Ogneva E. I., Naumova A. I. Cross-cultural potential of mythologems' translation in H. Melville's "Moby dick". In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 4, pp. 83–90. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-83-90

УДК 81'37

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-91-101

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТАКТИКИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В РУБРИКЕ “OPINION” ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛА ГАЗЕТЫ “THE GUARDIAN”

Ощепкова В. В., Пивоненкова Т. Б.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить языковые средства репрезентации манипулятивных тактик, используемых авторами колонки “Opinion” газеты “The Guardian”, одной из наиболее читаемых и влиятельных британских газет, для формирования определённого эмоционального настроения читателя. Сайт газеты наиболее популярен и посещаем по сравнению с сайтами других британских газет. В рубрике «Opinion» представлены взгляды экспертов на актуальные проблемы современности.

Процедуры и методы. Отобраны статьи, посвящённые ярким политическим событиям последних лет. Осуществлён лингвостилистический анализ статей, обозначены основные особенности статей этой рубрики. Использованные методы исследования: семантико-стилистический, описательный, анализ по стилистическим пометам в словарях, стилистическая интерпретация текста.

Результаты. Предложена классификация манипулятивных тактик и способов их реализации. Обозначены манипулятивные тактики, характерные для рубрики “Opinion” газеты “The Guardian”, и основные способы их реализации.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы теоретиками и практиками в рамках преподавания курсов по стилистике и интерпретации текстов.

Ключевые слова: интерпретация текста, манипуляция, средства выразительности, стилистика, стилистические приёмы, СМИ

MANIPULATIVE TACTICS USED IN THE “OPINION” SECTION OF “THE GUARDIAN” WEB-PORTAL

V. Oschepkova, T. Pivonenkova

Moscow Region State University

ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify linguistic means of representing manipulative tactics used by the authors of the “Opinion” column of the newspaper “The Guardian”, one of the most widely read and influential British newspapers, to form a certain emotional mood of the reader. The website of the newspaper is the most popular and visited in comparison with the websites of other British newspapers. The “Opinion” section presents the views of experts on the topical problems of our time.

Methodology. Articles devoted to the brightest political events of recent years were selected. A linguo-stylistic analysis of the articles has been carried out, the main features of the articles in this section have been identified. Research methods used: semantic-stylistic, descriptive, analysis by stylistic marks in dictionaries, stylistic interpretation of the text.

Results. A classification of manipulative tactics and methods for their implementation is proposed. The main ways of verbalization of manipulative tactics used in the articles of the “Opinion” section of the newspaper “The Guardian” are identified and systematized.

Research implications. The results of the study can be used by theorists and practitioners in teaching courses on stylistics and text interpretation.

Keywords: expressive means, manipulation, expressive means, stylistics, stylistic devices, mass media

Введение

Существование мирового сообщества и жизнь отдельно взятых людей сложно представить сегодня без СМИ, т. е. печати, радио, телевидения, интернета, продукции киноиндустрии, звуко- и видеозаписи, рекламы. Как практически единодушно утверждают исследователи языка СМИ, средства массовой информации не только служат основным источником информации, сообщая читателю или зрителю о происходящих в мире событиях, но и формируют общественное сознание, манипулируя им [3, с. 109].

Их сообщения могут провоцировать определённые социально-политические события (так, результатом публикаций журналистского расследования газеты “The Guardian” стало официальное признание премьер-министром Д. Кэмероном своей причастности к офшорным схемам, что послужило одной из причин его ухода с занимаемой должности в 2016 г.).

Под манипулированием мы понимаем «скрытое управление другим человеком, такое психологическое воздействие на него, которое призвано обеспечить негласное получение манипулятором односторонних преимуществ. Но это происходит таким образом, что у партнера сохраняется иллюзия самостоятельности принятых решений. Сила манипуляции – в её скрытом характере; утаивается как сам факт воздействия, так и, естественно, его цель» [1].

Под манипулятивными речевыми тактиками понимают речевое действие, реализуемое при помощи языковых лексико-синтаксических средств и направленное на скрытое внедрение в сознание читателя целей и установок, способству-

ющих формированию у читателя определённого отношения к событиям, нередко побуждающих его совершить поступок, выгодный манипулятору [4; 7].

Взяв за основу предложенную О. Л. Михалевой [6] классификацию манипулятивных тактик и дополнив её наблюдениями К. Бредемайера [2], мы предлагаем несколько видоизменённую классификацию, включающую в себя основные способы реализации манипулятивных тактик, выявленные в ходе исследования (см. рис. 1).

Публикации газеты “The Guardian” были выбраны в качестве материала исследования, поскольку газета пользуется высоким доверием читателей; считается, что она беспристрастно освещает события в своей стране и мире; по числу читателей она занимала первое место среди британских качественных изданий и остаётся в числе лидеров, аудитория продолжает увеличиваться [5]. Кроме того, “The Guardian” – одна из немногих газет, имеющих отдельную рубрику “Opinions”. О популярности газеты среди определённой социальной группы населения Великобритании свидетельствует термин “Guardian reader” (читатель газеты «Гардиан»), обозначающий лингвокультурный типаж.

“Guardian reader” – это стереотипическое представление о человеке, придерживающемся левых, либеральных или политкорректных взглядов, живущем в одном из дорогих и престижных районов Лондона.

Часто это название используют уничижительно люди, которые не разделяют мнений, высказываемых в газете, или самокритично те, кто разделяет. Считается,

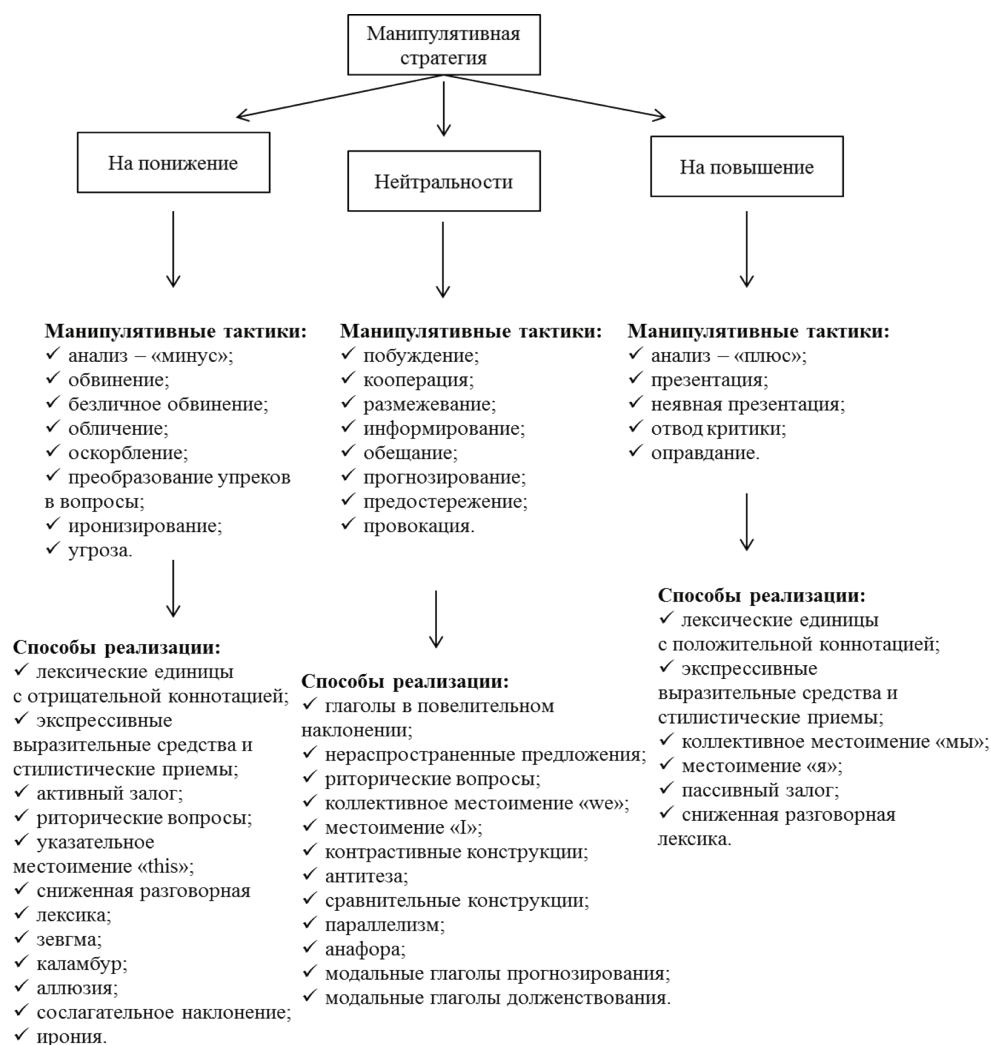

Рис. 1 / Fig. 1. Манипулятивные тактики и способы их реализации / Manipulative tactics and methods for their implementation

Источник: составлено авторами.

что сообщество читателей «Гардиан» с радостью обсуждают права участников террористических актов, но забывают упомянуть о жертвах таких событий. Примечательно, что иногда врачи используют акроним GROLIES (Guardian Reader Of Low Intelligence in Ethnic Skirt – Читатель «Гардиан» с низким уровнем интеллекта в национальной юбке) в своих записях¹.

¹ Ощепкова В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии: учебное пособие. М.; СПб.: ГПОССА/КАРО, 2004. 336 с.

Мы рассмотрели лингвостилистические особенности статей газеты «The Guardian» рубрики «Opinion», так называемых статей-мнений или «opinion articles», демонстрирующие манипуляцию авторов сознанием читателей.

Отобраны статьи, обращённые к ключевым политическим событиям последних лет, заявления общественных деятелей, вызвавшие широкий резонанс, в том числе статьи, освещавшие президентскую кампанию Дж. Байдена, выход

Великобритании из Европейского Союза, высказывания Д. Трампа.

Манипулятивные тактики и способы их реализации в статьях-мнениях газеты "The Guardian"

Президентская кампания в США 2020 г. и последующее вступление Джо Байдена в должность Президента США в 2021 г. вызвали пристальный интерес во всём мире. Эти события неоднократно освещались в публикациях ведущих СМИ мира, в том числе и в "The Guardian".

Рассмотрим статью С. Мур, посвящённую характеристике Дж. Байдена: "Biden is far from perfect – but we should still take a moment to savour his victory"¹ («Байден далёк от идеала – но нам всё-таки стоит выделить минутку и насладиться вкусом его победы»²). Уже в заглавии автор прибегает сразу к трём приёмам: синтаксическому стилистическому приёму обособления – для выражения противопоставления по отношению к содержанию первой части, показано при помощи тире и союза «но»; лексическому средству выразительности глуттонической метафоре и модальному глаголу долженствования – "should ... savour his victory", демонстрирующим одобрительное отношение автора к избранию Джо Байдена президентом, несмотря на его недостатки (тактики анализа-«плюс», побуждения). Кроме того, используя личное местоимение «мы», С. Мур убеждает таким образом читателей в том, что они разделяют мнение автора по вопросу избрания Джо Байдена Президентом США, и устанавливает более тесную связь с читателями (тактика кооперации).

Сам текст композиционно можно подразделить на несколько частей.

1. Вступление, построенное по принципу градации, в котором автор статьи перечисляет отрицательные черты Джо Байдена, прибегая к параллелизму и анафоре "He is not ..." («Он не ...»). В первом же предложении С. Мур высказывает категоричность: "There are many things Joe Biden is not" («Есть много вещей, в которых Джо Байден "не"»). Следующий пример, на наш взгляд, является подвидом силлепсиса или зевгмы и служит для создания комического эффекта: "He is neither a radical, nor exciting" («Он и не радикал, и не впечатляет»). Автор намеренно прибегает к тактике обвинения, перечисляя отрицательные черты Джо Байдена, зная, что смена этой тактики на тактику размежевания (в основной части статьи), а именно сравнения Байдена с Трампом, будет способствовать достижению цели – формированию у читателя положительного отношения к Байдену.

2. Основная часть, построенная на противопоставлении Джо Байдена Дональду Трампу (тактика размежевания). Здесь С. Мур одновременно сравнивает двух кандидатов в Президенты США и приравнивает Дональда Трампа к неудачнику: "But he is not a loser – and he is not Donald Trump" («Но он не неудачник – и он не Дональд Трамп»). Стиль автора статьи отличается категоричностью, её речь отрывиста, что передаётся на письме при помощи тире, союза «и», отрицания «not». Все вместе способствует формированию у читателя отрицательного отношения к Д. Трампу (автор использует тактику безличного обвинения). Описывая негативные черты окружения Д. Трампа, С. Мур использует анафорические риторические вопросы, коллективное местоимение «we» (тактики анализа-«минус», преобразования упреков в вопросы, кооперации). Автор несколько раз начинает предложения с местоимения "many" (тактика кооперации) – "Many remain fearful" («Многие продолжают оставаться в страхе»), "Many of us were afraid" («Многие из нас боялись»). Она прибегает к использо-

¹ Moore S. Biden is far from perfect – but we should still take a moment to savour his victory // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/commentisfree/2020/nov/09/biden-is-far-from-perfect-but-we-should-still-take-a-moment-to-savour-his-victory> (дата обращения: 24.05.2022).

² Здесь и далее перевод наш – В. О., Т. П.

ванию слухов о личной жизни Д. Трампа, в том числе к слухам о намерении Мелании Трамп развестись с ним, намёкам на непристойное поведение адвоката Д. Трампа Руди Джулиани (тактика обвинения): "... while creepy Rudy Giuliani rummages around in a car park next to a sex shop for a so-called press conference" («... в то время, как жуткий Руди Джулиани рыщет вокруг парковки рядом с секс-шопом под предлогом проведения так называемой пресс-конференции»).

3. Заключение, где С. Мур суммирует сказанное ранее и выражает основную идею статьи – ситуация в стране продолжает оставаться сложной, страна разделена на два лагеря, но с избранием Дж. Байдена что-то начинает меняться к лучшему, хотя и немного, и, скорее всего, не надолго. Автор искусно строит статью, обращаясь к двум основным тактикам: анализу-«минус» в отношении обоих кандидатов в президенты и размежеванию. Цель автора – в том, чтобы «из двух зол» читатель выбрал меньшее, т. е. Джо Байдена. Кроме того, тактика анализа-«минус» в отношении поддерживаемого ей Джо Байдена, к которой прибегает С. Мур в начале статьи, вызывает у читателя доверие к автору, поскольку она демонстрирует объективный подход к оценке кандидатов, честность. Желая показать неоднозначность ситуации, сложность в принятии решения о поддержке того или иного кандидата, автор прибегает к иронии: "It's easy enough to mock that" («Достаточно легко посмеяться над этим») и намеренному алогизму – апофазии, опровергая только что сказанное ею (тактики иронизирования и предостережения): "It's easy enough to mock that ... It's also easy enough to say ... None of this easy" («Достаточно легко посмеяться над этим ... Также достаточно легко сказать ... Ничто из этого не легко»).

С. Мур становится ещё более категоричной, уже откровенно обсуждая недостатки Д. Трампа (тактика оскорбления) и даже называя его "egomaniac" («себя-

любец»). Её речь приобретает яркую эмоциональную окрашенность, призванную вызвать испуг и отвращение у читателей – с этой целью автор обращается к развёрнутой медицинской метафоре: "His narcissism has metastasized to many parts of the US, where the malignancy grows" («Его нарциссизм пустил метастазы во многие части США, и опухоль разрастается»). В заключении речь автора вновь становится отрывистой, что создаёт впечатление, что автор отдаёт приказы читателю (тактика побуждения). Этот эффект достигается за счёт глаголов в повелительном наклонении, нераспространённых императивных предложений: "Take a deep breath" («Вдохните глубоко»), "Inhale the hope, while you can" («Вдыхайте надежду, пока можете»). С. Мур также использует тактику предостережения ("while you can"), что вновь указывает на её желание передать читателю свои сомнения в возможности значительного улучшения ситуации в стране.

Выход Великобритании из Европейского Союза, получивший название Брекзит, широко освещался в прессе последние годы. Основанием для выхода стал результат консультативного референдума 23 июня 2016 г., официально выход состоялся в полночь с 31 января 2020 г. на 1 февраля 2021 г. Весьма интересна опубликованная в 2019 г. статья политического обозревателя О. Джонса, посвящённая этому неоднозначному явлению.

Заглавие статьи основано на стилистическом приёме аллюзии к двум известным киногероям, их противопоставлению и сравнении с ними Великобритании (здесь же присутствует и персонификация). Эти приёмы, без сомнения, привлекают внимание читателя: "In the Brexit era, Britain is more Mr. Bean than James Bond"¹ («В эпоху Брекзита Британия больше похожа на мистера

¹ Jones O. In the Brexit era, Britain is more Mr. Bean than James Bond // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/apr/26/brexit-era-britain-mr-bean-james-bond> (дата обращения: 24.05.2022).

Бина, чем на Джеймса Бонда»). Автор использует тактику иронизирования. Касательно структуры статьи, отметим, что она типична, состоит из введения, основной части и заключения.

Во введении О. Джонс, так же, как и С. Мур, использует коллективное местоимение «мы», таким образом, сразу же показывая, что он и читатели – единое целое, и их мнения по поводу Брексита совпадают (тактика кооперации). С первых же строк читатель знакомится с мыслями автора о положении Британии в современном мире – О. Джонс использует эмоционально окрашенные слова с отрицательной коннотацией (тактика безличного обвинения): “the international laughing-stock, spinning maniacally out of control and generally going nowhere thing” («посмешище на международном уровне, выходящая из-под контроля и летящая непонятно куда с бешеной скоростью шутовина»). Описывая сторонников Брексита, представителей партии Тори, автор обращается к иронии и метафоре (тактика обвинения): “the Tory Brexiteers who valiantly yelled “Charge!”” («сторонники Брексита от Тори, которые доблестно кричали: “В атаку!”»). О. Джонс сопровождает свою язвительную метафору словами с отрицательной коннотацией, демонстрирующими, насколько все – включая читателей и самого автора – устали от тяжёлого положения Великобритании (тактика безличного обвинения): “a real shame” («настоящий позор»), “laughing-stock” («посмешище»), “pretty draining” («очень выматывает»). Так же, как и в рассмотренной ранее статье, введение в тему начинается в категоричном тоне и с использованием коллективного местоимения «мы» (тактика кооперирования): “We spend far too much time getting down about the state of the country” («Мы тратим слишком много времени, впадая в депрессию из-за состояния страны»). Эти приёмы создают эффект хорошей осведомлённости и правоты автора, что заставляет читателя верить О. Джонсу.

В основной части статьи представители Тори сравниваются с повсеместно известным киногероем, занимающим особое место в сердцах жителей Британии, – Джеймсом Бондом, а также с главным героем британского комедийного сериала – мистером Бином (тактики иронизирования и размежевания). Аллюзии к этим двум персонажам не только вызывают интерес у читателей, некоторым из которых сложно ориентироваться в статье по политической теме, делает сообщение более понятным и доступным, но и вновь располагает читателей к автору и, соответственно, к его точке зрения, т. к. любимые многими киногерои, символы Великобритании, объединяют.

Обращаясь к парентезе, О. Джонс вновь говорит от лица всей нации, претендуя на то, что его мнение разделяет большинство читателей (тактика кооперирования): “The tragedy for them – and, I feel, at this point, for the nation as a whole – ...” («Трагедия для них – и, я думаю, для нации в целом – ...»). Так же, как и С. Мур, О. Джонс прибегает к неуместным образному сравнению и метафоре (тактика обвинения): “which sounds like an unpleasant toilet-related accident” («звучит как неприятный инцидент в туалете»); “Our macho superhero will be sent out to gloriously defend a country whose government has wet itself while everyone else was watching” («Наш мачо-супергерой будет отправлен на задание, чтобы доблестно защитить страну, чьё правительство наделало в штаны на глазах у всех»). Приём, находящийся на грани приличий, но действующий безотказно в большинстве случаев, особенно на среднестатистического читателя (жажда скандалов берёт верх над нормами приличия). Риторический вопрос выражает крайнюю степень сомнения автора в необходимости поддержки правительства, а неопределённое местоимение “anyone” вновь создаёт впечатление, что автор имеет полное право говорить за всю нацию (тактики кооперирования, преобразования упрёков в

вопросы): “How is anyone going to take it seriously?” («И как кто-то собирается воспринимать это серьёзно?»).

Желая усилить уже сформированное у читателя негативное отношение к партии правых, О. Джонс использует каламбур (иронизирование): “the party’s over” («праздник окончен» или «конец партии (левых)»), а также обращается к зевгме, создающей юмористический эффект и развивающей мысль об опасных последствиях Брексита, отрицательно характеризующей партию правых. Эффект достигается благодаря заложенной в зевгме связи голубых паспортов с расизмом: “We’re bringing back blue passports and unapologetic racism” («Мы возвращаем голубые паспорта и непростительный расизм»).

Многочисленные лексические единицы с отрицательной коннотацией, используемые для характеристики правительства Великобритании, подкрепляют достигнутый автором эффект (тактика безличного обвинения): “paroxysms of rage” («приступы гнева»), “the video screeches” («видео визжит»), “James Bond has been cucked” («на Джеймса Бонда испражнились»), “dribbling, embarrassing mess” («вызывающий стыд слюнтяй») и др.

Статья “Clint Eastwood defends Trump’s ‘racist’ remarks: ‘Just get over it’”¹ («Клинт Иствуд встаёт на защиту “расистских” заявлений Трампа: “Просто смиритесь с этим”») посвящена спорным высказываниям Д. Трампа, оценке поведения культового режиссёра и голливудского актёра К. Иствуда, поддержавшего Д. Трампа во время президентской кампании в США 2016 г. Складывается впечатление, что автор статьи, М. Ла Ганга, не выражает отрицательного или положительного отношения к главному действующему

лицу – К. Иствуду, а лишь знакомит читателя с фактами. Однако статья представляет собой яркий пример искусной манипуляции сознанием читателя.

Уже в заглавии мы можем видеть намеренное расположение автором двух слов с отрицательной и положительной коннотацией рядом друг с другом (тактика безличного обвинения): “defends ... ‘racist’ remarks” («встаёт на защиту ... “расистских” заявлений»). Этот приём позволяет автору заранее сформировать у читателя неприязнь к К. Иствуду. Интересно также то, что слово «расистский» использовано автором в кавычках, что либо позволяет М. Ла Ганга снять с себя ответственность, либо, скорее всего, показать неверие К. Иствуда в утверждение о том, что заявления Д. Трампа могут быть расистскими.

Характеризуя К. Иствуда во вступлении, автор обращается к иронии: “Another Republican luminary” («Ещё один республиканский корифей»). Описывая актёра как непримиримого борца за то дело, которое он считает правым, проводя параллель с персонажем вестернов, в которых он снимался, М. Ла Ганга использует обособление, повторы, отрицательную частицу «не», метафоры: “the actor fumed” («актёр кипел от ярости»), развёрнутую метафору (аллюзию к вестернам): “Hollywood tough guy Clint Eastwood emptied both barrels in an interview with Esquire magazine, aiming squarely at those who have taken the presidential candidate to task for racism and other, well, rough edges” («Голливудский крепкий орешек Клинт Иствуд выпустил обе обоймы в интервью для журнала “Эсквайр”, нацелившись прямо на тех, кто раскритиковал кандидата в президенты за расизм и другие, ну, шероховатости»). Вместе с уважением, испытываемым автором к актёру (тактики анализа-«плюс», информирования), можно заметить и насмешку, издёвку, поскольку метафоры, отрицания и сравнение с политиками, проявившими трусость на публике (казалось бы, в пользу К. Иствуда), соседствуют с ироничным

¹ La Ganga M. L. Clint Eastwood defends Trump’s ‘racist’ remarks: ‘Just get over it’ // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/film/2016/aug/03/clint-eastwood-donald-trump-racism-esquire-interview> (дата обращения: 24.05.2022).

прозвищем «корифей, светоч», с которого и начинается статья (тактика иронизирования). Частица «ну», причисляющая такое серьёзное антиобщественное явление, как расизм, к неприятным, но тривиальным вещам (тактика иронизирования), отрицательно характеризует актёра и показывает неодобрение автором позиции Иствуда.

С этой же целью автор приводит дословно цитату К. Иствуда (тактика информирования), в которой он оправдывает действия и слова Д. Трампа, вновь называя его слова “dumb things” («глупостями»), т. е. не придавая его расистским высказываниям значения. При этом М. Ла Ганга снабжает цитату кратким, но весьма едким комментарием (тактика иронизирования): “the actor and director said of the man who has pilloried Mexicans, Muslims, immigrants, women, and the list goes on” («сказал актёр и режиссёр о человеке, который заклеил мексиканцев, мусульман, иммигрантов, женщин, и список можно продолжить»).

Некой кульминацией статьи можно назвать следующие комментарии автора: “Eastwood’s advice to America: “Just *** get over it” ” («Совет Иствуда Америке: “Просто *** смиритесь с этим»»). Отметим, что автор сохраняет для статьи цензурное слово в речи Иствуда, хотя в этом нет явной необходимости (тактика информирования). Однако это служит цели автора – дискредитировать Иствуда в глазах читателей. Неискушённый читатель может не обратить внимания на слово “advice”, хотя, безусловно, почувствует на себе его воздействие (тактики иронизирования, безличного обвинения). Без сомнения, К. Иствуд является на протяжении многих лет видной фигурой в Голливуде, ярким представителем киноиндустрии, одно время даже занимал пост мэра. Но достаточно ли у него знаний, опыта, достижений для того, чтобы давать совет целой нации? Такой крупной мировой державе, как США? Ответ, безусловно, «нет». Разумеется, сам Иствуд не

говорил ничего о советах, это авторская ремарка.

Ещё один комментарий автора: “This country, he said, is plagued by ...” («Эта страна, по его словам, страдает от ...»). Примечательно, что указательное местоимение “this” может выполнять несколько функций, определяемых в зависимости от контекста: гордость за страну, стыд или неодобрение и др. Однако в обоих случаях местоимение помогает автору отделить объект, определяемый местоимением, или обособить автора реплики (в нашем случае К. Иствуда) от остальных, в силу их исключительности (в положительном или негативном отношении). Поскольку контекст до этого момента демонстрировал отрицательное отношение автора к Иствуду, то и сейчас нам приходится говорить о негативной оценке. Таким образом, автор намеренно использует указательное местоимение «эта», чтобы представить Иствуда высокомерным человеком, ставящим себя выше остальных граждан США, отделяющим себя от них, способным судить о происходящем в стране свысока, имеющим право давать советы (тактика безличного обвинения).

Передавая краткое содержание фильма «Гран Торино», М. Ла Ганга в небольшом абзаце говорит о том, что Иствуд сыграл расиста Уолта Ковальски. Уже в следующем абзаце в первом предложении, продолжая рассказ о сюжете фильма, автор использует графический стилистический приём – слеш: “Eastwood/Kowalski” («Иствуд/Ковальски»). Читатель привык к использованию слеша в рецензиях на фильмы, и, вероятно, не обратит на это особого внимания, хотя этот хитрый приём сыграет свою роль в процессе формирования его мнения. Использование слеша в рецензиях, где присутствует много героев и актёров, вполне оправданно. Но для чего использовать его в небольшом отрывке текста, где речь идёт только об одном герое и одном актёре? Тем более что информация уже дана

в предыдущем предложении. При описании фильма автор также цитирует ругательства, сказанные персонажем Иствуда (тактики информирования, безличного обвинения).

М. Ла Ганга вырывает из контекста цитаты Иствуда касательно другого кандидата в Президенты США Х. Клинтон, акцентируя внимание читателя на том, что Клинтон, по мнению Иствуда, неудачный кандидат, т. к. она скучна, и у неё неприятный голос (тактика информирования).

Завершает автор статью эмоциональной конструкцией условного предложения “If only” («Если бы»), являющейся её ответом на слова Иствуда о желании изменить ситуацию в США и демонстрирующей, в очередной раз, её неодобрение его политических взглядов и радость от осознания того, что Иствуд не обладает властью в принятии политических решений (тактика иронизирования).

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы: журналисты, публикующиеся в рубрике “Opinion” газеты “The Guardian”, активно используют манипулятивные тактики с целью сформировать у читателя определённое мнение о событии, воздействовать на его оценку ситуации. Среди них наиболее распространёнными и успешными, на наш взгляд, являются следующие: анализ-«минус», обвинение, безличное обвинение, информирование, оскорбление, преобразование упреков в вопросы, побуждение, кооперация, размежевание, прогнозирование, иронизирование, анализ-«плюс». Отметим следующие способы реализации тактик: использование личного местоимения «I» и коллективного личного местоимения «we»; обращение к указательному местоимению “this”, сослагательному наклонению, пассивно-

му и активному залогу, императивным конструкциям, модальным глаголам долженствования.

Из синтаксических средств выразительности можно выделить обособление, параллельные конструкции, повтор, контекстуальную градацию, повествовательный вопрос (самовопрос), риторический вопрос. Лексические средства выразительности отличаются широким разнообразием: метафоры и развёрнутые метафоры, эпитеты встречаются наиболее часто; цитаты, ирония, зевгма и её разновидности, аллюзия, образные сравнения – часто; каламбур, пословицы и поговорки.

Из общих черт, характерных для всех рассмотренных статей рубрики, можно выделить: типичную структуру статьи, включающую в себя вступление, основную часть и заключение, при этом для вступления характерна резкость: речь обрывиста (краткие предложения, наличие отрицательных частиц); апелляция к публике (обычно проявляется уже во вступлении); наличие широкого спектра стилистических средств; ироничность авторов; наличие лексических единиц разговорного регистра общения, нередко сниженной разговорной лексики; заключение обладает яркой эмоциональной окрашенностью, иногда резкостью, демонстрирует градацию, усиление категоричности автора.

Дальнейшее изучение статей рубрики “Opinion” представляет интерес, поскольку журналистика развивается и видоизменяется в соответствии с изменением геополитической ситуации в мире. Считаем перспективными для дальнейшего исследования сопоставительный анализ “opinion-articles” (статей-мнений) иных публикационных изданий.

Дата поступления в редакцию 31.05.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Битянова М. Р. Ситуации общения [Электронный ресурс] // Школьный психолог. 2001. № 19 (91). URL: <https://psy.1sept.ru/article.php?ID=200101919> (дата обращения: 30.04.2022).
2. Бредемайер К. Черная риторика. Власть и магия слова. М.: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
3. Васильева Л. В. Роль и функции СМИ в современном обществе // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 50. С. 109–112.
4. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо: Издательство МГУ, 1997. 344 с.
5. Лукьянова Т. И. UGC и журналистика в издании Гардиан (The Guardian) // Век информации (сетевое издание). 2018. Т. 2. № 1 (2). URL: <https://age-info.com/2018/02/ugc-и-журналистика-в-издании-гардиан-the-guardian/> (дата обращения: 30.04.2022).
6. Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
7. Оберемченко Е. Ю. Исследование основных аспектов речевого воздействия в ситуации дипломатических переговоров // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 3. С. 63–72.

REFERENCES

1. Bityanova M. R. [Situations of communication]. In: *Shkol'nyy psikholog* [School psychologist], 2001, № 19 (91). Available at: <https://psy.1sept.ru/article.php?ID=200101919> (accessed: 30.04.2022).
2. Bredemeier K. *Chernaya ritorika. Vlast' i magiya slova* [Black rhetoric. The power and magic of the word]. Moscow, Al'pina Publisher Publ., 2019. 256 p.
3. Vasilyeva L. V. [The role of mass media and its basic functions in modern society]. In: *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities], 2010, no. 50, pp. 109–112.
4. Dotsenko Ye. L. *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. Moscow, CheRo Publ., Lomonosov Moscow State University Publ., 1997. 344 p.
5. Lukyanova T. I. [UGC and journalism at The Guardian]. In: *Vek informatsii (setevoye izdaniye)* [The Age of Information» (online publication)], 2018, vol. 2, no. 1 (2). Available at: <https://age-info.com/2018/02/ugc-i-zhurnalistika-v-izdanii-gardian-the-guardian/> (accessed: 30.04.2022).
6. Mikhaleva O. L. *Politicheskyy diskurs: Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* [Political discourse: The specifics of manipulative influence]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 256 p.
7. Oberemchenko Ye. Yu. [Study of the main aspects of speech impact in the situation of diplomatic negotiations]. In: *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], 2008, no. 3, pp. 63–72.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ощепкова Виктория Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: oschep2014@yandex.ru

Пивоненкова Татьяна Борисовна – ассистент кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: tpivonenkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktoriya V. Oschepkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of English Philology, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;
e-mail: oschep2014@yandex.ru

Tatyana B. Pivonenkova – Assistant Lecturer, Department of English Philology, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;
e-mail: tpivonenkova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ощепкова В. В., Пивоненкова Т. Б. Манипулятивные тактики, используемые в рубрике “Opinion” газеты “The Guardian” // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 91–101.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-91-101

FOR CITATION

Oshchepkova V. V., Pivonenkova T. B. Manipulative tactics used in the “Opinion” section of “The Guardian” newspaper. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 4, pp. 91–101.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-91-101

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

УДК 81'374

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-102-111

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ МИР ШЕКСПИРА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОТРАЖЕНИИ

Карпова О. М.

Ивановский государственный университет

153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39, Российская Федерация

Аннотация

Цель данного исследования состоит в выявлении изменений в современной научной парадигме писательской лексикографии на примере новых типов лингвистических, культурологических и энциклопедических словарей языка Шекспира, изданных в последние годы. Лексикографический анализ справочников проводится по таким параметрам, как адресат, объём, формат, построение мега-, макро- и микроструктуры словарей.

Процедура и методы. В статье рассматриваются новые типы шекспировских словарей, подготовленные в последние годы профессиональными лексикографами и специалистами из междисциплинарных областей. Основное содержание исследования составляет изучение принципов построения тематических словарей языка Шекспира, научных энциклопедий и новых ономастиконов, отражающих лингвокультурное пространство Шекспира. В связи с новыми запросами современных пользователей особое внимание уделяется проблеме выбора словарей для конкретных исследовательских целей.

Результаты. Проведённый анализ показал, что рассмотренные в статье словари языка Шекспира нового поколения всесторонне описывают лингвокультурный мир писателя и могут служить надёжным инструментом для более глубокого изучения языка и культуры Елизаветинской эпохи.

Практическая значимость. В заключение сформулированы перспективы использования новых типов шекспировских словарей в исследованиях лингвокультурного наследия нации.

Ключевые слова: Шекспир, лексикография, лексикографическая парадигма, словарь язык писателя, энциклопедия, ономастикон

SHAKESPEARE'S LINGUOCULTURAL WORLD AS VIEWED LEXICOGRAPHICALLY

O. Karpova

Ivanovo State University

39 ulitsa Yermaka, Ivanovo 153025, Russian Federation

Abstract

Aim. The aim of the paper is to define the changes in the modern scientific paradigm of author's lexicography with special reference to the new types of linguistic, cultural and encyclopedic Shakespeare dictionaries published recently. Lexicographic analysis of these titles is conducted according to the following parameters: addressee, volume, format, composition of mega-, macro- and micro-structure of dictionaries.

Methodology. The article describes new types of Shakespeare dictionaries compiled recently by professional lexicographers in collaboration with interdisciplinary specialists. The main contents of the paper is devoted to the research of the architecture of thematic Shakespeare dictionaries, scientific encyclopedias and onomasticons, reflecting Shakespeare's linguocultural world. The focus of the research is the choice of definite reference books due to the needs of the modern users and their special demands.

Results. The analysis revealed that Shakespeare dictionaries of new generation provide modern readers with a detailed description of his linguocultural world as well as a reliable tool for profound studies of the language and culture of the Elizabethan era.

Research implications. In conclusion, new perspectives for further use of new Shakespeare dictionaries in English linguocultural heritage studies are provided.

Keywords: Shakespeare, lexicography, lexicographical paradigm, author dictionary, encyclopedia, onomasticon

Введение

Шекспировская лексикография XXI в., которая и в цифровую эпоху продолжает пополняться разнообразными по объёму и содержанию печатными и онлайн-словарями, в новом тысячелетии претерпела существенные изменения и приобрела новые черты, которые связаны, в первую очередь, с изменением самой научной парадигмы лексикографии.

Всё возрастающий антропоцентрический характер современной лексикографии и ориентация на конкретную группу пользователей вызвали к жизни новый тип толково-энциклопедического словаря, ориентированного, в первую очередь, на режиссёров-постановщиков шекспировских пьес на международном экране и в театрах различных стран мира. Именно эта целевая группа пользователей первой обратилась к составлению отраслевых терминологических словарей, которые фиксировали и обрабатывали значение

терминов, встречающихся в сочинениях Шекспира, позволяя создавать аутентичную обстановку и обеспечивать достоверность действия шекспировских пьес [3, p. 241].

Адресатом таких словарей стали и переводчики произведений драматурга, заинтересованные в появлении справочников, которые доступно разъясняли нашим современникам не только значения слов, но и сами понятия, обозначаемые медицинскими, ботаническими, политическими и т. п. терминами, бытовавшими в шекспировскую эпоху. Более того, авторы таких словарей стремились показать и эстетическое значение терминов в сочинениях Шекспира, которые приобретали новые черты в его словоупотреблении.

Восемнадцать томов терминологических словарей из произведений Шекспира, которые увидели свет в XXI в., издаются в специальной серии "Arden Shakespeare Dictionaries" [2]. Они откры-

ли новые пути исследования специального словаря Шекспира, признанного учёными профессионалом почти в двадцати предметных областях: медицине, военном и морском деле, философии, юриспруденции, биологии, ботанике, экономике, этике и т. д. Среди таких терминологических справочников отметим: *“Shakespeare’s Medical Language, Music in Shakespeare”*, *“Shakespeare’s Legal Language, Shakespeare’s Medical Language”* [3]. Посвящённые конкретным предметным областям, представленные в лексикографических формах толкового словаря и глоссария, они не случайно составлены не только профессиональными лексикографами, но и совместно со специалистами, которые являются экспертами в определённых отраслях знания.

Эта сформировавшаяся в новом веке тенденция привлечения к созданию различного рода словарей специалистов из других смежных наук внесла свой весомый вклад в изменение современной лексикографической парадигмы, придав справочникам дополнительные междисциплинарные черты. Такие словари (включая и словари языка писателей) надёжны, содержат важную информацию и, безусловно, являются эффективным инструментом анализа для современных исследователей.

Следует отметить, что появление терминологических словарей языка Шекспира дало импульс к изменению традиционной классификации справочников в английской писательской лексикографии, которая представляла лингвистический и энциклопедический тип словарей к отдельным произведениям и всему творчеству Шекспира. Так, в последнее время создаётся специальный тип писательского энциклопедического словаря – *научная энциклопедия*, в которой подробно рассматриваются понятия, связанные с Елизаветинской эпохой, посвящённые определённой тематике. Это – научный мир Шекспира: окружающая среда, сама наука, общественный строй, и т. п. Соз-

дание таких писательских энциклопедий существенно расширило рамки лексикографии и привело к составлению качественно новых справочников, которые созвучны новым направлениям в шекспироведении, появившимся в XXI в. [1].

В современную цифровую эпоху заметно вырос интерес пользователей к составлению интернет-словарей языка писателя, созданию электронных корпусов, которые стали объективным источником шекспировского словоупотребления для новых словарных проектов. Однако успешное применение новых информационных технологий в лексикографии несколько не снизило потока печатных словарей новых типов, которые продолжают публиковаться в англоязычных странах, что вполне можно объяснить солидными многовековыми традициями английской лексикографии вообще и писательской, в частности.

Неугасающий интерес современных читателей к раскрытию культурного фона шекспировской эпохи, её отдельных культурных концептов привёл современных исследователей творчества Шекспира к созданию новой группы *культурологических словарей*, где главным объектом стало исследование лингвокультурного пространства Елизаветинской эпохи: театра, музыки, балета, оперы, изобразительного искусства и т. д. [1, p. 59]. Причём появление новых типов шекспировских словарей способствовало модификации их мега-, макро- и микроструктуры, которые стали включать в корпус словарей дополнительные экстралингвистические материалы (географические и генеалогические карты, ссылки на полезные интернет-ресурсы, мультимедийные характеристики входных единиц и другие полезные данные), значительно повысившие информационный потенциал шекспировских словарей нового поколения.

Так под влиянием изменений научной парадигмы писательской лексикографии авторы словарей языка Шекспира ново-

го поколения открыли новую страницу в лексикографическом исследовании его языка и стиля. Представляется целесообразным рассмотреть принципы составления новых словарей языка Шекспира, которые созданы в наши дни.

Тематические словари языка Шекспира

Culinary Shakespeare. Staging Food and Drink in Early Modern England

В последние годы интерес лексикографов к изучению различных тематических групп шекспировского словоупотребления всё возрастает, что объясняется как хронологической удалённостью произведений от современного читателя, так и поиском новых путей исследования языка и стиля великого драматурга. Опубликованное в 2016 г. издание *“Culinary Shakespeare. Staging Food and Drink in Early Modern England”*¹ вслед за терминологическим справочником *“Shakespeare and the Language of Food: A Dictionary”*² посвящено всестороннему анализу такого интересного аспекта культурного наследия Великобритании, как кулинария, занимающего важное место в творчестве Шекспира.

В отличие от терминологического словаря *“Shakespeare and the Language of Food”*, где основным объектом исследования являются непосредственно кулинарные термины, встречающиеся в сочинениях Шекспира, здесь особое внимание уделяется не столько собственно кулинарным терминам (*beer, wine, liquor, sugar, dish, desert, etc.*), сколько описанию их стилистической роли в произведениях драматурга (*food, love and politics in Much Ado about Nothing; consumption, hunger and taste in Coriolanus; cynical dining in Timon of Athens* и т. д.).

¹ Culinary Shakespeare. Staging Food and Drink in Early Modern England / eds. D. B. Goldstein, A. L. Tigner. Pittsburgh: Duquesne University Press, 2016. 350 p.

² Fitzpatrick J. Shakespeare and the Language of Food: A Dictionary. London, New York: Continuum, 2011. 480 p. (Series: Continuum Shakespeare Dictionaries).

Анализу подвергаются не только названия напитков и блюд шекспировской эпохи, но и вопросы их выбора для конкретных событий (приёмов, обыденной трапезы, свадеб, других торжественных обедов и проч.), а также символика напитков, значимых для времён Шекспира. Рассматриваются философские, экономические, эстетические, религиозные и другие аспекты, связанные с едой, её снабжением, выращиванием овощей и фруктов и даже такие оригинальные аспекты, как изображение еды в живописных произведениях Елизаветинской эпохи, и другие важные вопросы, которые неоднократно описывались в произведениях Шекспира и его времени. Таким образом, справочник *“Culinary Shakespeare”* открывает широкие горизонты для дальнейших исследований культурного наследия Великобритании эпохи Шекспира.

Shakespeare and Animals: A Dictionary

В новом словаре, составленном К. Рабер и К. Эдвардс *“Shakespeare and Animals: A Dictionary”*³, который вышел в 2022 г. в известной серии *“Arden Shakespeare Dictionaries”* в Лондоне, описаны все животные, которые встречаются в пьесах Шекспира. Здесь сделана первая попытка собрать, обобщить и лексикографически описать животный мир Шекспира, в котором домашние и дикие животные играют свою примечательную роль, а отображение их прямого и косвенного значения требует тщательного исследования и точного описания.

Интересной находкой авторов является введённое в мегаструктуру словаря Приложение – *Quiz: The Animals in Shakespeare's Plays*. Включение такого рода развлекательно-познавательной викторины в словарь свидетельствует о стремлении его составителей привлечь внимание к словарю пользователей разного возраста.

³ Raber K., Edwards K. Shakespeare and Animals: A Dictionary. London: Bloomsbury Publishing PLC, 2022. 448 p. (Series: Arden Shakespeare Dictionaries).

Приведём одно из заданий:

Among the many creatures who populate Shakespeare's plays, nearly all are human beings, although there are some memorable spirits, fairies, and other creatures, too. But Shakespeare also lived in a world filled with animals of all kinds, and a number of them are included in the plays – like Crab, the beloved dog of Proteus's servant Lance, in *The Two Gentlemen of Verona* (above). Can you guess the animals, on or off stage, in the following scenes from the plays?

Есть и более сложные задания, когда пользователю предлагается соотнести то или иное животное с конкретным персонажем, например:

One of the most famous stage directions in Shakespeare's plays refers to a large and dangerous wild animal. What kind of animal is it?

Thunder, and sounds of hunting. ANTI-GONUS: A savage clamor! / Well may I get aboard! This is the chase. / I am gone forever! He exits, pursued by ____.

В словник включены названия насекомых, рыб, мистических живых существ, домашних и диких животных, которые фигурируют в шекспировских текстах (*lion, bear, cougar, bear* и др.). Особое внимание уделяется описанию роли животных в создании образов многих героев произведений Шекспира, выделяются характерные черты, присущие этим животным и существам, а также анализу сцен с их участием, которые связаны со средневековой Англией и её мироустройством. Словарные статьи содержат большое количество графических и вербальных иллюстраций из произведений драматурга, что делает справочник особенно привлекательным для современного пользователя, так как составители используют для оформления справочника новейшие средства полиграфической семиотики (цветовые сигналы, разнообразные шрифты для обозначения каждой информационной категории в микроструктуре,

фотографии, гравюры и т. п.). Авторы словаря энциклопедически точно воссоздали сцены с участием животных в театральных постановках шекспировских пьес. Подчеркнём, что этот словарь является надёжным источником для всех исследователей творчества великого драматурга при изучении не только животного мира художника слова, но и культурного и исторического наследия Англии.

Следует отметить, что животный мир в произведениях Шекспира (включая птиц) давно привлекал внимание исследователей. Одним из наиболее фундаментальных трудов такого рода является исследование Дж. Хартинга *“The Birds of Shakespeare: Critically Examined, Explained, and Illustrated”*, впервые опубликованное в конце XIX в. и воссозданное в 2018 г.¹, с существенными дополнениями и иллюстрациями. Однако это издание нельзя отнести к чисто лексикографическим трудам, а скорее можно использовать его в качестве дополнительного источника для будущих шекспировских словарей.

Научные энциклопедии Шекспира *Shakespeare and Science: A Dictionary*

Эта разновидность писательских энциклопедий приобрела большую популярность ещё в XIX в., когда в энциклопедии Шекспира включались, главным образом, сведения о современниках и родственниках драматурга, ссылки на исследования его текстов и другая полезная информация, связанная с творчеством Шекспира.

Так, в США были опубликованы новые энциклопедии для широкого круга пользователей: *“Big Ideas: the Little Book of Shakespeare”*² и *“The Everything Shakespeare Book: A Comprehensive Guide to Understanding the Comedies, Tragedies and Sonnets of the Bard”*³. Обе энциклопедии

¹ Harting J. E. *The Birds of Shakespeare: Critically Examined, Explained, and Illustrated*. Miami: HardPress Publishing, 2019. 384 p.

² *Big Ideas: the Little Book of Shakespeare*. New York: DK Publishing, 2018. 280 p.

³ Rubbie P. *The Everything Shakespeare Book: A Com-*

предназначены прежде всего студентам, изучающим творчество Шекспира в университетах и колледжах, нуждающихся в подробной информации о жизни и творчестве великого драматурга.

Однако для шекспироведов и других специалистов (филологов, культурологов, литературоведов и т. д.) особый интерес представляют так называемые *научные энциклопедии*. Большой вклад в формирование и развитие этой серии шекспировских энциклопедий внёс известный британский лексикограф и шекспировед с мировым именем С. Уэлс, автор авторитетных иллюстративных энциклопедий к произведениям Шекспира. В последние годы серия, созданная С. Уэлсом, пополнилась новыми сведениями, которые автор почерпнул из работ современных исследователей творчества Шекспира. Среди них отметим справочник, опубликованный в 2015 г. под названием *“The Shakespeare Book: Big Ideas Simply Explained”*¹.

Появление новых научных энциклопедий Шекспира относится к 20-м гг. нашего века. Одним из наиболее интересных лексикографических произведений такого рода является энциклопедический труд, опубликованный в серии *“Arden Shakespeare Dictionaries”* в 2021 г., *“Shakespeare and Science: A Dictionary”*².

Этот справочный ресурс объединил в одном томе ценные сведения о науке и уровне её отдельных направлений, характерных для Елизаветинской эпохи. Справочник предназначен в первую очередь студентам, изучающим творчество Шекспира, его междисциплинарные научные знания, которые драматург умело применил в своих бессмертных творениях.

В словник энциклопедии включены общенаучные термины, которые раскрывают особенности научного знания шекспировской эпохи, а также лексика, связанная с описанием земли и других планет (*planet, earth, moon, sun* и т. п.). Автор подчёркивает мастерство Шекспира в описании многих научных явлений и разнообразные стилистические особенности его научного словоупотребления, используя в микроструктуре справочника такие специальные пометы, характерные для писательских словарей, как *first in Shakespeare, Shakespeare’s unique use* и другие маркеры.

Shakespeare and the Environment: A Dictionary

Интересно отметить, что роль природы и окружающей среды приобрела особый интерес не только сегодня. В произведениях Шекспира мы наблюдаем красочное и глубокое описание природы, которая имеет первостепенное значение для воссоздания аутентичной картины средневековой Англии, где тонкое, иногда незаметное взаимодействие героев и окружающей обстановки определяет суть, смысл и качество сцен. Это на первый взгляд скрытое взаимодействие нередко определяет оттенки характеров и поступков действующих лиц комедий, трагедий и драм Шекспира, которые нашли воплощение в новом словаре *Shakespeare and the Environment: A Dictionary*³, опубликованном в 2022 г. в серии *Arden Shakespeare Dictionaries*, которая чрезвычайно активно публикует все типы новых словарей Шекспира: терминологических, научных энциклопедий и т. п.

Авторы словаря показывают, как тщательно и искусно подбирает Шекспир слова для описания пейзажей и природных картин в своих произведениях, которые обеспечили привлекательность и ис-

prehensive Guide to Understanding the Comedies, Tragedies and Sonnets of the Bard. New York: Simon & Schuster, 2002. 309 p.

¹ Wells St. The Shakespeare Book: Big Ideas Simply Explained. London: Dorling Kindersley Publishing, 2015. 352 p.

² Walker C., Clark S. Shakespeare and Science: A Dictionary. London: Bloomsbury Publishing PLC, 2021. 320 p. (Series: Arden Shakespeare Dictionaries).

³ Chiari S. Shakespeare and the Environment: A Dictionary / ed. S. Clark. London: Bloomsbury Publishing PLC, 2022. 456 p. Series: Arden Shakespeare Dictionaries.

тинную природу средневековой Англии. Составители справочника обращают особое внимание читателей на попытки человека одержать победу над природой XVII в., выбирая особые слова, которые использовал драматург при описании диалога природы с человеком.

В этой связи следует подчеркнуть важность источников для словаря, которые обеспечили его надёжность. К ним можно отнести в первую очередь исследования языка Шекспира в области терминов подъязыка окружающей среды, которые ранее неоднократно поднимались составителями предшествующих словарей, например, в терминологическом справочнике, регистрирующем и обрабатывающем названия растений из произведений Шекспира: *Shakespeare's Plants and Gardens: A Dictionary*¹.

Более того, обращение современных лексикографов совместно с профессионалами в определённых предметных областях к созданию терминологических словарей к произведениям писателей внесло новую тенденцию в английскую лексикографическую картину – *междисциплинарность* и создали новое направление – *партнёрскую лексикографию*, которая активно развивается в последнее время.

К серии научных энциклопедий Шекспира последних лет относятся и такие справочники, как *The Cambridge Companion to Shakespeare and War*, опубликованный в Кембридже², в котором собрана и описана лексика и реалии, связанные с войной, из драм и трагедий Шекспира (*civil, national and dynastic wars; warfare; suffering; illness; degradation, consequences of war* и т. п.).

Культурологические словари языка Шекспира

Dance Lexicon in Shakespeare and His Contemporaries

Интересно отметить, что за последние два года в связи с COVID-19 лексикографы обратились к созданию новых проектов, которые ранее не существовали в писательской лексикографии. Наряду с научными энциклопедиями к творчеству Шекспира к таким трудам можно отнести толково-энциклопедические словари, описывающие лингвокультурное пространство шекспировской эпохи, например: *“Dance Lexicon in Shakespeare and His Contemporaries”*, опубликованный в 2022 г.³. Справочник сочетает в себе лексикографическую и культурологическую информацию, что характерно для новых типов словарей, возникших при смене лексикографической парадигмы как ответ на запрос современных пользователей, требующих не только подробного объяснения значения ключевых слов, но и анализа культурной атмосферы Елизаветинской эпохи.

В словаре собрана английская лексика, связанная с танцами эпохи Ренессанса. Его особенность состоит в том, чтобы, стремясь показать особенности этой группы лексики в произведениях Шекспира, автор справочника обращается не только к пьесам великого драматурга, но и к сочинениям его современников, например признанного поклонника Терпсихоры Б. Джонсона, для воссоздания аутентичной лингвокультурной атмосферы того времени.

Расширяя рамки обычного писательского словаря, составитель нового справочника расширяет его мегаструктуру, привлекая в качестве источников авторитетные электронные корпуса: *Early Modern Drama* и *Lancaster University Corpus Toolbox*, подкрепляя входные единицы

¹ Vivian T., Fircloth N. *Shakespeare's Plants and Gardens: A Dictionary*. London; New York: Bloomsbury Arde, 2016. 432 p. (Series: Arden Shakespeare Dictionary).

² *The Cambridge Companion to Shakespeare and War* / eds. D. Loewenstein, P. Stevens. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 320 p. (Series: Cambridge Companions to Literature).

³ Ciambella F. *Dance Lexicon in Shakespeare and His Contemporaries. A Corpus Based Approach*. London; New York: Routledge, 2022. 158 p.

большим количеством иллюстративных примеров¹, которые передают специфику танцев, раскрывая их значимость для эпохи Ренессанса, показывая метафорическую роль танцев и другие их особенности в Елизаветинскую эпоху.

Структура справочника включает три части: *Dancing in Early Modern England: A historical overview*, *Dance and/as language: State of the art and methodological issues* и *Analysis: The lexicon of dance in early modern English plays: An annotated glossary*. Такое расположение входных единиц позволило автору справочника включить все разделы данной области, начиная от места проведения балов и танцевальных праздников (*Dancing at the Inns of Court, Folk and courtly dances, Dance and politics*) и заканчивая толкованием языка танцев и их символики в произведениях Шекспира (*Dance and/as language*).

Словник справочника строится по привычному пользователю алфавитному принципу (от А до Z), однако маршрутизация информационного поиска предлагает и тематический принцип, по которому можно найти запрашиваемую информацию не только по алфавиту, но и с помощью тематического категориального индекса, приведённого в конце справочника. Макроструктура включает основную лексику из области танцев, которая снабжается кратким пояснением и ссылкой на иллюстративные примеры: *Almain/Allemand(e)*, *Bergomask*; *Branle/Brawl*, *Canary*; *Cinquapace/Sinkapace*; *Coranto/Courante*; *Country Dance*; *Cushion Dance*, *Dance*, *Galliard*, *Hay*; *Horn(e/i)pipe*, *Jig/Gig/Gigue*, *(La)volta*, *Maypole Dance*; *Measure*; *Moresca/Morisco*; *Morris Dance*. Значение этого труда для исследователей весьма велико, поскольку впервые представляются и описываются особенности такого важного пласта лексики, которая раскрывает атмосферу эпохи Ренессанса и культурный мир Шекспира.

Новые шекспировские ономастиконы

В 2020 г. вышел в свет топонимический словарь *Shakespeare and London: A Dictionary*², составленный С. Кларк, известным лексикографом и редактором многих шекспировских словарей, а также её соавтором С. Дастагееер. Справочник продолжил солидную серию ономастиконов, ведущих свою историю в английской писательской лексикографии, начиная с XVIII в. Основываясь на богатых исторических традициях составления словарей героев произведений и географических названий (*Dictionaries of Characters and Placenames*) их произведений писателей, этот словарь соединил в одном томе две лексикографические традиции – старую и новую, пытаясь привлечь к словарю внимание не только исследователей творчества Шекспира, но и так называемых культурных туристов (*cultural tourists*), которые требуют создания новых оригинальных путеводителей по известным городам, обращаясь не только к туристическому, но и к лингвистическому ландшафту. Таким образом, *Shakespeare and London: A Dictionary* открыл новую страницу в лексикографической писательской ономастике и привлёк внимание новой целевой аудитории не только к традиционным достопримечательностям города, но и к местам, связанным с шекспировским наследием.

В мегаструктуру справочника вошла топографическая карта Лондона времён Шекспира, в которой отмечены все микро- и макротопонимы города, аллюзии и географические термины, встречающиеся в произведениях Шекспира. Хотя в течение многих веков исследователи творчества великого драматурга считали, что Шекспир бывал далеко не во всех городах и странах, которые описал в своих произведениях, эти географические локации и места действия произведений достоверно

¹ Ciambella F. *Dance Lexicon in Shakespeare and His Contemporaries. A Corpus Based Approach*. London; New York: Routledge, 2022. P. 1.

² Dustagheer S. *Shakespeare and London: A Dictionary*. / ed. S. Clark. London: Bloomsbury Publishing PLC, 2020. 144 p. (Series: Arden Shakespeare Dictionaries).

описаны в пьесах и привлекают внимание исследователей, а теперь и туристов. Вот почему создание нового типа шекспировских ономастиконов следует признать новой вехой в шекспировской лексикографии сегодняшнего дня. Расширение рамок самой лексикографии и изменение традиционных типов словарей по-новому освещают шекспировское наследие и дают новый импульс к оригинальным исследованиям его творчества с точки зрения современного пользователя.

Формат словаря, хотя и традиционный печатный, даёт возможность не только легко создать его цифровой двойник для удобства пользователя, но и, используя новые технологии, составить собственный и обозначить любой электронный маршрут туриста до любых запрашиваемых им мест в городе, связанных с именем великого Шекспира. Подобный подход к подаче материала значительно повышает информативную ценность и привлекательность такого типа справочника, позволяет воссоздать аутентичную картину шекспировского города, что значительно расширит его целевую аудиторию.

Заключение

Шекспир и его богатейший культурный и языковой мир был и остаётся неиссякаемым источником новых знаний в изучении английского языка, стиля, литературы и истории в течение многих веков. Это доказано многими исследователями творчества великого драматурга, среди которых ведущее место занимают многочисленные и разнообразные по типам лингвистические и энциклопедические словари.

В наше время их репертуар продолжает пополняться и расширяться, существенно раздвигая рамки традиционной лексикографии до многоплановых и многофункциональных справочно-информационных ресурсов, естественным образом впитывая новые изменения в на-

учной парадигме современной писательской лексикографии. Среди этих изменений отметим наиболее существенные:

- антропоцентризм современных справочников;
- появление новых типов шекспировских словарей, составленных профессиональными лексикографами совместно со специалистами из различных предметных областей;
- гибридный формат представления языкового материала в корпусе словаря (от печатных и онлайн-версий словарей до создания инновационных цифровых справочных ресурсов по изучению языка и стиля Шекспира);
- усиленная культурологическая направленность справочников в связи с хронологической удалённостью творчества писателя от современных читателей;
- изменение мега-, макро- и микро-структуры справочников в условиях цифровизации лексикографии;
- повышение информативности и надёжности словарей языка писателя на основе современных исследований его словоупотребления и применения новых информационных технологий в лексикографии.

Решению указанных выше проблем и призваны способствовать появившиеся в последние годы новые типы шекспировских словарей: тематические, научные энциклопедии, лингвокультурные справочники и новые ономастиконы. С помощью эффективных лексикографических средств и приёмов эти качественно новые справочники всесторонне описывают своеобразие отдельных пластов шекспировского словотворчества, отражая их неповторимое своеобразие, существенно дополняя многочисленные исследования в области культурного наследия Шекспира, и являются надёжными инструментами для изучения языка и стиля великого драматурга.

Дата поступления в редакцию 17.05.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Culpeper J. A New Kind of Dictionary for Shakespeare's Plays: An Immodest Proposal // *Stylistics and Shakespeare: Transdisciplinary Approaches* / eds. M. Ravassat, J. Culpeper. London: Continuum, 2011. P. 58–83.
2. Curren-Aquino D. T. The Arden Shakespeare Dictionary Series // *Shakespeare Quarterly*. 2015. Vol. 66. Iss. 2. P. 197–208.
3. Karpova O. M. A New Wave of Shakespeare Lexicography (with Special Reference to LSP Dictionaries) // *Lexicographica*. 2020. Vol. 36. P. 241–254. DOI: 10.1515/lex-2020-0013.

REFERENCES

1. Culpeper J. A New Kind of Dictionary for Shakespeare's Plays: An Immodest Proposal. In: Ravassat M., Culpeper J., eds. *Stylistics and Shakespeare: Transdisciplinary Approaches*. London, Continuum Publ., 2011, pp. 58–83.
2. Curren-Aquino D. T. The Arden Shakespeare Dictionary Series. In: *Shakespeare Quarterly*, 2015, vol. 66, iss. 2, pp. 197–208.
3. Karpova O. M. A New Wave of Shakespeare Lexicography (with Special Reference to LSP Dictionaries). In: *Lexicographica*, 2020, vol. 36, pp. 241–254. DOI: 10.1515/lex-2020-0013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпова Ольга Михайловна – доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-образовательного центра «Современная российская и европейская лексикография» Ивановского государственного университета;
e-mail: olga.m.karpova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Research-Educational Centre “Modern Russian and European Lexicography”, Ivanovo State University;
e-mail: olga.m.karpova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карпова О. М. Лингвокультурный мир Шекспира в лексикографическом отражении // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 102–111. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-102-111

FOR CITATION

Karpova O. M. Shakespeare's linguocultural world as viewed lexicographically. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 4, pp. 102–111.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-102-111

УДК 811.133.1

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-112-121

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ И МЕТОНИМИЧЕСКИЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Скуратов И. В., Комалова А. С.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Целью данного исследования являются рассмотрение и выявление специфики формирования военной метафоры и метонимии, раскрытие особенностей их употребления в военной лексике современного французского языка.

Процедура и методы. В работе преимущественно используется описательный метод, представляющий собой систему процедур сбора фактического материала, его описание на основе наблюдения.

Результаты. Дан анализ неологизмов, возникших в военном лексиконе, и новых слов, которые появились как результат переосмысления из собственных лингвистических средств. Доказано, что рекомбинация между различными уровнями языка, преобразование семантической структуры слова добавляют качественные и количественные изменения в словарный состав современного военного французского языка.

Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении средств формирования военной терминологической лексики: слова и словосочетания, которые в результате переосмысления употребляются как военные термины.

Практическая значимость состоит в возможности использования иллюстративного материала и полученных результатов исследования в практике преподавания в профильных высших военных учебных заведениях, при составлении учебных пособий военной направленности, а также включения их в вузовский курс военного перевода.

Ключевые слова: неологизмы, семантическая неология, метафора, метонимия, военная терминология

METAPHORICAL AND METONYMIC USES OF NEOLOGISMS IN MILITARY TERMINOLOGY IN MODERN FRENCH

I. Skuratov, A. Komalova

Moscow Region State University

ulitsa Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider and identify the specifics of the formation of military metaphor and metonymy and to reveal the features of their use in the military vocabulary of the modern French language.

Methodology. The work mainly uses a descriptive method, which is a system of procedures for collecting factual material, its description based on observation.

Results. An analysis of neologisms that have arisen in the military lexicon and new words from their own language resources is given. Redistribution between different layers of the language, changes

in the semantic structure of the word make qualitative and quantitative changes in the vocabulary of the modern military French language.

Research implications. The **theoretical significance** of the study lies in the fact that it allows one to study military terminological vocabulary: words and phrases that become reconsidered and and thus are used as military terms. The **practical significance** lies in the possibility of using it as illustrative material and the obtained research results in teaching practice in specialized higher military educational institutions, when compiling military-oriented textbooks, as well as including them into the university course of military translation.

Keywords: neologisms, semantic neology, metaphor, metonymy, military terminology

Введение

Научный интерес к активным появлениям лексических инноваций значительно возрос в XXI в. Причиной появления большого количества неологизмов во многих языках, в том числе во французском, является общественный и научно-технический прогресс. Язык – отражение всех изменений, которые происходят в обществе. Формирование лексики в большинстве случаев зависит от научно-промышленных, социальных, экономических и политических факторов, обуславливающих изменения в общественном и индивидуальном сознании, от языковых контактов и выражается в появлении новых слов и выражений. «Трудно найти такую сферу нашей жизни и деятельности, где бы ни возникали постоянные неологизмы... Такие названия появляются на наших глазах, это массовое явление» [6, с. 21].

В последнее время активнее всего новые формы общественных отношений отразились в функционально-семантических изменениях. Это можно объяснить социальной необходимостью в номинации предметов и понятий и внутриязыковыми факторами: тенденцией к унификации, системностью языковых средств и этимологией.

Быстрое развитие военно-терминологической системы современного французского языка обуславливает необходимость исследования, как отдельных терминов, так и важной роли военной лексики в межязыковой коммуникации, в дополнении и обогащении словарного состава, и трудности связаны с пере-

водом военных терминов. Приведённые доводы подтверждают актуальность работы.

В ходе исследования поставлены следующие задачи:

- выявить специфику формирования военной метафоры и метонимии;
- раскрыть особенности их употребления в военной лексике.

Научная новизна заключается в том, что впервые проводится анализ формирования метафорического и метонимического употребления неологизмов военной терминологии в современном французском языке.

Дефиниция понятия «семантическая неология» и её характеристики

Современный период – это время научно-технического прогресса, значительных политических, экономических и культурных преобразований, которое характеризуется существенными изменениями в языке, в первую очередь, в его лексической системе.

Меняющаяся реальность требует новых наименований, стимулирует все системы современных языков, способствует их развитию. Слова и словосочетания, обозначающие новые реалии действительности, новые предметы или понятия, называются неологизмами. Появление большого количества неологизмов заставляет лингвистов фиксировать и описывать новые языковые реалии. Новые лексические единицы крайне сложны и неоднородны, очень разнообразны.

Значительный вклад в формирование основных положений теории неологии и

словообразования внесли крупнейшие отечественные лингвисты: Н. А. Катагощина [5], И. В. Скуратов [14; 21], И. А. Цыбова [17] и др.

Основываясь на ряде признаков неологизмов, можно заключить, что неологизмы – это стилистическая категория, при восприятии которой чувствуется новизна, обозначаются новые явления внеязыковой действительности, которые появляются с развитием науки, техники. Неологизмы – это не только новообразования, словосочетания, выражения или значения слов, но и различного рода заимствования из любых языков, обновление номинаций, введение в литературный язык слов из диалектов, профессиональных языков и т. п. Этот перечень характеристик всецело отображает главные признаки неологизмов: однозначность, мотивированность. Семантическая инновация должна обладать трансноминативностью и соответствовать фонетической и морфологической системам языка.

В этом ракурсе неологизация подробно рассматривается в трудах отечественных лингвистов: Л. С. Бархударова [2], Я. И. Рецкера [12], В. Н. Немченко [9] – и ряда французских лингвистов, положения которых также учитываются в работе: М.-Ф. Мортюре [20], Л. Депенкер¹, М. Пайяр², Ж. Прюво, Ж.-Ф. Саблероль³; К. Ажеж [19] и др.

Современная динамика французского языка в большинстве случаев определяется активизацией разнообразных процессов, протекающих в рамках его семантической неологизации [14]. Качественные модификации лексического состава образуются за счёт появления значений новых слов и видоизменения

уже существующих значений. По мнению Н. Ф. Алефиренко, этот процесс обусловлен когнитивной деятельностью человека: «Поскольку познание окружающего нас мира безгранично, то изменение и совершенствование наших знаний о нем, связанное с обнаружением новых признаков и свойств объектов познания, приводит, естественно, к изменению значений и связанным с ним семантическим процессам» [1, с. 86].

В результате таких процессов появляются семантические неологизмы, включающие слова, у которых появились новые значения. Этот разряд неологизмов определяется как семантические неологизмы. Их особенность в том, что, изменив своё значение, лексемы переходят в абсолютно новые тематические группы. В этом случае преобразуются лексическая сочетаемость, функционально-стилевая закреплённость, экспрессивная окраска.

Военная лексика – особый слой лексических единиц, который обслуживает специальную область человеческой деятельности: организацию вооружённых сил, оперативно-тактическое искусство, наименование образцов оружия и военной техники и т. п.

Изучению военной терминологии иностранного происхождения посвящено не так уж много работ. Лишь в небольшом количестве научных изысканий и статей рассмотрены проблемы военной терминологии. Среди них, работы отечественных лингвистов: Л. Л. Нелюбина, А. А. Дормидонтова, А. А. Васильченко [8], В. Н. Шевчука – и работы французского лингвиста М.-А. Паво⁴, немецкого исследователя Р. Ольта⁵, английского – А. Вильсона [22] и датского – К. Фриска [18]. Как известно, конфиденциальность, замкнутость армии создают

¹ См.: Depecker L. L'intervention de la langue. Le choix des mots nouveaux. Paris: A. Colin, Larousse, 2001. 720 p.

² См.: Paillard M. Lexicologie contrastive anglais-français: formation des mots et construction de sens. Paris: Ophrys, 2000. 199 p.

³ См.: Pruvost J., Sablayrolles J.-F. Les néologismes. Paris: Presses Universitaires de France, 2003. 127 p.

⁴ См.: Paveau M.-A. Images de la militarité dans les chants de l'Armée de terre française // Culture et logique militaire / dir. A. Thiéblemont. Paris: Presses Universitaires de France, 1999. P. 211–260.

⁵ См.: Olt R. Soldatensprache // Muttersprache. 1981. Heft 2. P. 93–105.

условия для возникновения и развития собственного военного языка. Такие лексические инновации характеризуются как слова, обозначающие новые реалии в военной сфере. Неологизмы появляются и закрепляются в военном лексиконе под влиянием ряда причин: возникновения вооружённых конфликтов; внедрения новых технологий и техники, которые влекут за собой неизбежность их определения, а также перевода на иностранные языки; появление новых политических альянсов, соперничества; лингвистической экономии.

Факторы, влияющие на появление специализированной военной терминологии

Основные факторы появления неологизмов – потребность в наименовании новых предметов и понятий; стремление к компактной номинации.

На развитие языка влияют не только экстралингвистические, но и интралингвистические факторы. Экстралингвистические факторы – это мировой научно-технический прогресс, развитие средств массовой коммуникации, рост объёмов перерабатываемой информации, которые вызывают переосмысление новых слов применительно к действительности. Следовательно, влияние внешних факторов играет важную роль в развитии словарного состава языка. Интралингвистические факторы обусловлены, прежде всего, наличием заложенных в самой системе языка больших потенциальных возможностей обновления языковых средств.

В настоящее время французская военная терминология характеризуется активным процессом производства лексических инноваций. Современная французская военная терминология располагает многообразной и сложной системой словообразовательных средств, а также развитой системой словообразования.

Метафора и метонимия в военной терминологии

Основными факторами возникновения неологизмов являются внутриязыковые процессы: появление метафорических и метонимических употреблений, изменение семантической структуры слова.

Метафора и метонимия – продуктивные процессы появления языковых единиц в современной речевой деятельности, и их следует признать важнейшими источниками формирования терминологии. В работах Э. В. Будаева, А. П. Чудинова [3], Н. В. Ивашиной, Е. Е. Руденко [4], Д. Г. Макоевой [7], Е. В. Падучевой [10], Т. Г. Поповой, Р. И. Зарипова [11], О. Н. Санжаровой [13]. Е. А. Соловьевой [15; 16] рассматривались вопросы общности и различия метафоры и метонимии.

Современное понимание роли метафоры и метонимии представляет собой когнитивный механизм, который позволяет образно осмысливать абстрактные понятия в терминах. Изучение метафорических и метонимических терминов в современной военной французской терминологии говорит о существенной роли метафоры и метонимии. Употребление метафорических и метонимических терминов в военной подсистеме состоит в том, что они обозначают собой не одиночные, случайные вкрапления, а целую систему, в которой средствами метафорического и метонимического переноса выражены вербально ключевые понятия этой отрасли знания. Метафора является средством проявления эмоций и чувств и одним из приёмов языковой реализации абстрактных номинаций, стилистическим приёмом в научно-технических текстах.

Рассмотрим неологизм “couverture”. В прямом значении это «покрывало на кровать», «одеяло», «чехол» и т. п. Как военный термин “couverture” обозначает «прикрытие». Таким образом, слово “cou-

verture” в прямом значении относится к сфере быта, а в переносном – обозначает военную операцию: “Dans un pays aussi vaste, où les attaques avec des engins explosifs improvisés sont fréquentes, les risques d’inondations élevés et les routes en mauvais état, une bonne *couverture* aérienne est nécessaire ...”¹ (В такой огромной стране, где часты нападения с применением самодельных взрывных устройств, высок риск затопления и дороги в плохом состоянии, необходимо хорошее воздушное прикрытие²...). Прежде всего, семантическая связь этих терминов в передаваемой ими функции – защите: в первом случае – от холода, во втором – защищает объект сверху.

Русский эквивалент слова “*éclairage*” в прямом значении обозначает «подсветка», «освещение». В военной сфере термин имеет значение «разведка». Указанный термин сохраняет внешнюю форму, но в результате метафорического преобразования полностью дифференцируется с ним по своему содержанию: “Ce convoi a notamment permis de faire transiter une grue, une quarantaine de containers aux normes maritimes ainsi que des véhicules au profit des unités d’*éclairage* et d’intervention de la Force Barkhane”³ (Эта колонна позволила, в частности, перевезти кран, около сорока контейнеров, соответствующих морским стандартам, а также транспортные средства для подразделений разведки и реагирования Барханских сил).

“*Configuration bipolaire*” – «биполярная конфигурация» и “*cadre multipolaire*” –

«многополярная структура», например: “C’est ce qu’illustrent, en *configuration bipolaire*, les événements de la Guerre froide, ou, dans un *cadre multipolaire* ...”⁴ (Это иллюстрируется в биполярной конфигурации событиями холодной войны или в многополярной структуре ...).

В разговорной речи слово “*nettoyage*” в прямом значении – «очищение», а в военной терминологии слово соответствует понятию «зачистка», например: “Mandatée par les services provinciaux, l’armée entame une opération *nettoyage* dans la commune”⁵ (По поручению провинциальных служб армия начинает зачистку города).

Метонимия следует отличать от метафоры. Их часто путают: метонимия построена на замене слов «по смежности», а метафора – «по сходству».

Метонимия – это вид тропа, который служит пониманию новых явлений. Метонимия даёт возможность одному явлению заменять другое, таким образом она реализует референциальную функцию и является одним из значимых элементов механизма создания знака. Метонимия выступает в военной терминологии в качестве способа создания новых терминов, исполняя роль одного из механизмов номинации. Исходя из этого, объём терминологической лексики возрастает из-за возникновения новых терминологических единиц путём метонимического переноса.

Приведём ряд случаев употребления метонимии в военных текстах и примеры некоторых семантических моделей, на основе которых были образованы данные термины. Во французском языке назва-

¹ См.: Diallo A. Au Mali, une meilleure couverture aérienne mettrait-elle fin aux massacres dans le Centre ? // Jeune Afrique: [сайт]. URL: <https://www.jeuneafrique.com/941648/politique/au-mali-une-meilleure-couverture-aerienne-mettrait-elle-fin-aux-massacres-dans-le-centre/> (дата обращения: 05.11.2021).

² Здесь и далее перевод осуществлён авторами статьи – И. С., А. К.

³ См.: Point de situation des opérations du 13 au 19 août // Ministère des Armées: [сайт]. URL: <https://www.defense.gouv.fr/operations/points-de-situation/point-de-situation-des-operations-du-13-au-19-aout> (дата обращения: 05.11.2021).

⁴ См.: Qu’appelle-t-on « équilibre des puissances » dans le domaine international ? // Vie publique: [сайт]. URL: <https://www.vie-publique.fr/fiches/269867-equilibre-des-puissances-monde-unipolaire-bipolaire-apolaire> (дата обращения: 17.02.2022).

⁵ См.: Savaris S. 32 militaires lancent l’opération nettoyage a Esneux // RTC Télé Liège: [сайт]. URL: https://www.rtc.be/article/info/divers/32-militaires-lancent-l-aoperation-nettoyage-a-esneux_1510156_325.html (дата обращения: 10.12.2021).

ния предмета переноса и принимающего чаще всего совпадают по форме, различаются лишь значением: “drapeau” – «вид плотной ткани», а военный термин – «знамя», «флаг»: “Le drapeau est, d’abord, un signe de ralliement. C’est toujours vers lui que tous les regards convergent; jadis, dans la furieuse mêlée des combats et aujourd’hui, alors qu’on le hisse au sommet du mât. On dit, de nous, militaires, que nous servons «sous les drapeaux»¹ (Флаг – это, прежде всего, сплывающий знак. Все взгляды всегда прикованы к нему; давным-давно в яростной рукопашной схватке и сегодня, когда он поднят на вершину мачты. О нас, солдатах, говорят, что мы служим «под знаменем»). “Décoration” – «украшение», а военный термин «награда», «орден»: “Hommage aux militaires tués au Mali: une décoration a titre posthume”² (Дань уважения солдатам, погибшим в Мали: посмертная награда). “Les distinctions honorifiques, qu’elles soient des décorations ou des récompenses, constituent d’immuables marques de la reconnaissance de la Nation à celles et à ceux, civils et militaires, qui s’engagent avec dévouement et abnégation pour la défense de la Nation”³ (Почётные знаки отличия, будь то ордена или награды, представляют собой непреложные знаки признания со стороны нации для тех, гражданских лиц и солдат, которые преданно и самоотверженно посвящают себя защите нации).

Метонимическое слово может обозначать признак предмета вместо самого предмета: “camouflage” – “L’armée belge songe à renouveler la tenue de camouflage

standard de ses soldats”⁴ (Бельгийская армия рассматривает возможность обновления стандартной камуфляжной формы своих солдат).

Оно также может быть употреблено в качестве имени собственного вместо самого предмета на основании внешней или внутренней связи между ними: “Kalashnikov” – fusil mitrailleur: “L’objectif principal du CPMO (Centre de Partenariat Militaire Opérationnel) est de permettre aux soldats engagés sur le terrain de pouvoir travailler immédiatement avec les armées étrangères disposant d’armement comme la kalachnikov”⁵ (Основная цель ЦОВП (Центр оперативного военного партнёрства) – дать возможность солдатам, работающим в полевых условиях, использовать немедленно в работе с иностранными армиями такое оружие, как автомат Калашникова).

Метонимическое слово заменяет конкретное понятие обобщающим или абстрактным значением. Словосочетание “détachement d’avant-garde” можно просто заменить на “avant-garde”, значение при этом не изменится: “L’avant-garde française rejoint les Britanniques en Estonie”⁶ (Французский авангард присоединяется к британскому в Эстонии).

Соотношение «предмет–процесс» играет основную роль в процессе появления новых военных терминов. Прежде всего, это значимость предмета в действии, т. е. предмет демонстрирует себя в процессе и во времени.

¹ См.: Le drapeau // Ministère des Armées: [сайт]. URL: <https://www.defense.gouv.fr/actualites/communaute-defense/le-drapeau> (дата обращения: 05.12.2021).

² См.: Hommage aux militaires tués au Mali: une décoration à titre posthume // Franceinfo: [сайт]. URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/afrique/mali/guerre-au-mali/hommage-aux-militaires-tues-au-mali-une-decoracion-a-titre-posthume_3727981.html (дата обращения: 06.01.2022).

³ См.: Directive : politique de décoration de la ministre des Armées – 2021 // UNOR: [сайт]. URL: <https://unor-reserves.fr/directive-politique-de-decoracion-de-la-ministre-des-armees-2021/> (дата обращения: 18.02.2022).

⁴ См.: Belgique, Finlande, Canada... Les armées décident de refaire leur garde-robe // Ouest-France: [сайт]. URL: <https://www.ouest-france.fr/politique/defense/belgique-finlande-canada-les-armees-decident-de-refaire-leur-garde-robe-6636524> (дата обращения: 05.12.2021).

⁵ См.: L’AK47: une arme à maîtriser // Ministère des Armées: [сайт]. URL: <https://www.defense.gouv.fr/terre/actu-terre/l-ak47-une-arme-a-maitriser> (дата обращения: 05.12.2021).

⁶ См.: L’avant-garde française rejoint les Britanniques en Estonie // Ouest-France: [сайт]. URL: <http://lignesdedefense.blogs.ouest-france.fr/archive/2017/03/21/l-avant-garde-francaise-rejoint-les-britanniques-en-estonie-17817.html> (дата обращения: 09.01.2022).

Например: “armement” (вооружение) – 1. Оружие, размещённое на боевой машине, самолёте, корабле, подводной лодке и т. д. 2. Процесс оснащения оружием и другими военно-техническими средствами вооружённых сил: “Le canon de 120 mm constitue l’armement principal du Leclerc”¹ (120-мм пушка является основным вооружением «Леклерка»); “Chaque année, le ministère des Armées remet à la représentation nationale un rapport détaillant les exportations d’armement de la France”² (Каждый год министерство вооружённых сил представляет национальному представительству отчёт с подробным описанием экспорта вооружений Францией).

Во французских текстах предметы обозначаются метонимически, по их признаку. Прямое обозначение объекта при этом опускается. Например, “porte-hélicoptère” – “Mistral”: “Le porte-hélicoptères d’assaut amphibie doit diriger des exercices militaires près de l’île américaine de Guam, dans l’archipel des Mariannes, aux côtés de forces japonaises, américaines et britanniques. Le *Mistral*, qui a quitté la France en février, peut transporter 35 hélicoptères, quatre engins de débarquement et plusieurs centaines de militaires”³ (Десантный вертолётносец должен провести военные учения вблизи американского острова Гуам в Марианском архипелаге вместе с японскими, американскими и британскими войсками. «Мистраль», покинувший Францию в феврале, может нести 35 вертолётот, четыре десантных корабля и

несколько сотен солдат). Armes hypersoniques – “Zircon”: “La Russie élargit encore sa panoplie d’armes hypersoniques ... Le Zircon sera produit massivement dans les usines russes dès le début de l’année 2022 et fera notamment partie de l’arsenal des frégates de la classe “Amiral Gorchkov”⁴ (Россия продолжает расширять арсенал гиперзвукового оружия ... «Циркон» будет массово производиться на российских заводах с начала 2022 г. и, в частности, войдёт в состав арсенала фрегатов класса «Адмирал Горшков»).

Синекдоха – разновидность метонимии, основанная на смежности. С помощью этого стилистического приёма целое явление обозначается через часть или множество обозначается через единицу: “Entre instigateur ou pacificateur potentiel, les deux sont possibles aujourd’hui”⁵ (Между подстрекателем или потенциальным миротворцем сегодня возможно и то, и другое).

Заключение

В результате проведённого исследования мы пришли к следующим выводам: а) доказана специфика метафоры и метонимии как средства формирования военных терминологических единиц: метонимия основана на принципе переноса по смежности, метафора – переноса по сходству; б) раскрыты особенности их употребления в военной лексике. Как видим, метафора и метонимия относятся к конструктивным средствам языковой номинации и обеспечивают сосуществование лексических единиц, которые возникли на различных этапах эволюции слова. Изучение метафоры и метонимии

¹ См.: Le char Leclerc : le fleuron de la cavalerie française // Defense Zone: [сайт]. URL: <https://defense-zone.com/blogs/news/char-leclerc-armee-francaise> (дата обращения: 09.01.2022).

² См.: Rapport au Parlement 2021 sur les exportations d’armement de la France // Ministère des Armées: [сайт]. URL: <https://www.defense.gouv.fr/portail/actualites2/rapport-au-parlement-2021-sur-les-exportations-d-armement-de-la-france> (дата обращения: 26.11.2021).

³ См.: Le Mistral au Japon avant des manoeuvres dans le Pacifique // Reuters: [сайт]. URL: <https://www.reuters.com/article/france-armee-defense%3D1%8CidFRKBN17V0DV-OFRTF> (дата обращения: 18.12.2021).

⁴ См.: Romanacce T. Découvrez le Zircon, le nouveau missile hypersonique de la Russie // Capital: [сайт]. URL: <https://www.capital.fr/economie-politique/decouvrez-le-zircon-le-nouveau-missile-hypersonique-de-la-russie-1398666> (дата обращения: 22.01.2022).

⁵ См.: Des manifestations sans précédent au Kazakhstan // Novastan: [сайт]. URL: <https://novastan.org/fr/newsletter/newsletter-des-manifestations-sans-precedent-au-kazakhstan/> (дата обращения: 22.01.2022).

как средств пополнения словарного состава французского языка считаем актуальным, так как в первую очередь они способствуют семантическому и лексическому обогащению французского языка.

Таким образом, функционально-семантический аспект позволил рассмотреть метафорические и метонимические употребления неологизмов в военной терминологии в современном французском языке, как реалии, отличающиеся такими особенностями, как образность и выразительность.

Следовательно, метафорические и метонимические употребления неологизмов являются неотъемлемым источником пополнения современной французской военной терминологии.

Настоящее исследование, кроме того, классифицирует набор терминов-метафор и терминов-метонимий, что может привлечь внимание специалистов в области военного перевода.

Дата поступления в редакцию 25.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики: монография. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода: учебное пособие. 5-е изд. М.: USSR, 2017. 240 с.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации: монография. 3-е изд. М.: Флинта, 2018. 248 с.
4. Ивашина Н. В., Руденко Е. Е. Метонимия: аспекты исследования // *Linguistica Brunensia*. 2011. Vol. 59. Iss. 1-2. P. 17–24.
5. Катагощина Н. А. Как образуются слова во французском языке. М.: КомКнига, 2006. 112 с.
6. Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973. 152 с.
7. Макоева Д. Г. Когнитивные механизмы семантического сдвига в двухпереходных конструкциях: метафоры, метонимия, образность // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 1-1 (79). С. 138–142.
8. Нелюбин Л. Л., Дормидонтов А. А., Васильченко А. А. Учебник военного перевода: Английский язык. Специальный курс. М.: Воениздат, 1984. 440 с.
9. Немченко В. Н. Введение в языкознание. М.: Дрофа, 2008. 703 с.
10. Падучева Е. В. Пространство в облиии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) // *Логический анализ языка: языки пространств: сборник научных трудов*. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 239–254.
11. Попова Т. Г., Зарипов Р. И. Языковые и визуальные метафоры образа России в Западных СМИ // *Один пояс – один путь. Лингвистические основы взаимопонимания: материалы Международной научной конференции по политической коммуникации, 16–21 октября 2017 г.* Екатеринбург: УГПУ, 2017. С. 142–144.
12. Рецкер Я. И. Что же такое лексические трансформации? // *Тетради переводчика*. Вып. 17. М.: Международные отношения, 1980. С. 72–84.
13. Санжарова О. Н. Концептуальные метафора и метонимия как различные когнитивные механизмы (системный подход) // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2019. № 3 (117). С. 135–140.
14. Скуратов И. В. Семантическая неология (на материале французского языка) // *Романские языки в синхронии и диахронии: межвузовский сборник научных трудов*. М.: МГОУ, 2017. С. 110–113.
15. Соловьева Е. А. Неантропоцентрическая метафора в современной французской субстантивной военно-профессиональной лексике // *Гуманитарные и социальные науки*. 2016. № 6. С. 214–217.
16. Соловьева Е. А. Эмоционально-оценочная функция метафоры в речи французских военнослужащих в период Первой мировой войны // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2019. Т. 19. № 1. С. 7–10. DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-1-7-10.

17. Цыбова И. А. Французский язык. Словообразование: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Моск. лицей, 1995. 127 с.
18. Frisk K. Armadillo and the Viking spirit: military names and national myths in transnational military interventions // *Critical Military Studies*. 2019. Vol. 5. Iss. 1. P. 21–39. DOI: 10.1080/23337486.2017.1319644.
19. Hagège C. *Le linguiste et les langues*. Paris: CNRS, 2019. 62 p.
20. Mortureux M.-F. *Lexicologie entre langue et discours*. 2-e éd. Paris: Armand Colin, 2008. 212 p.
21. Skouratov I. V. *Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain* = Типологическая характеристика неологизмов в современном французском языке: монография : на франц. яз. 2-е изд., доп. М.: МГОУ, 2021. 154 с.
22. Wilson A. *Military Terminology and the English Language* [Электронный ресурс]. URL: <https://cperc.y.arts.utoronto.ca/courses/6362-WilsonAdele.htm> (дата обращения: 10.11.2021).

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. *Spornyye problemy semantiki* [Controversial problems of semantics]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 326 p.
2. Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod: voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda* [Language and translation: issues of general and particular theory of translation]. Moscow, USSR Publ., 2017. 240 p.
3. Budayev E. V., Chudinov A. P. *Metafora v politicheskoy kommunikatsii* [Metaphor in political communication]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 248 p.
4. Ivashina N. V., Rudenko Ye. Ye. [Metonymy: research aspects]. In: *Linguistica Brunensia*, 2011, vol. 59, iss. 1-2, pp. 17–24.
5. Katagoshchina N. A. *Kak obrazuyutsya slova vo frantsuzskom yazyke* [How words are formed in French]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 112 p.
6. Lopatin V. V. *Rozhdeniye slova. Neologizmy i okkazional'nyye obrazovaniya* [Birth of a word. Neologisms and occasional formations]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 152 p.
7. Makoyeva D. G. [Cognitive mechanisms of semantic shift in bi-transitive constructions: metaphor, metonymy, figurativeness]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2018, no. 1-1 (79), pp. 138–142.
8. Nelyubin L. L., Dormidontov A. A., Vasil'chenko A. A. *Uchebnik voyennogo perevoda: Angliyskiy yazyk. Spetsial'nyy kurs* [Textbook of military translation: English. Special course]. Moscow, Voenizdat Publ., 1984. 440 p.
9. Nemchenko V. N. *Vvedeniye v yazykoznaniye* [Introduction to linguistics]. Moscow, Drofa Publ., 2008. 703 p.
10. Paducheva Ye. V. [Space in the guise of time and vice versa (to the typology of metonymic transfers)]. In: *Logicheskiy analiz yazyka: yazyki prostranstv* [Logical analysis of language: languages of spaces]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, pp. 239–254.
11. Popova T. G., Zaripov R. I. [Linguistic and visual Russia's image metaphors in western media]. In: *Odin poyas – odin put'*. *Lingvisticheskiye osnovy vzaimoponimaniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po politicheskoy kommunikatsii, 16–21 oktyabrya 2017 g.* [One zone – one way. Linguistic Foundations of Mutual Understanding: Proceedings of the International Scientific Conference on Political Communication, October 16–21, 2017]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2017, pp. 142–144.
12. Retsker Ya. I. [What are lexical transformations?]. In: *Tetrad'i perevodchika. Vyp. 17* [Translator's notebooks. Iss. 17]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1980, pp. 72–84.
13. Sanzharova O. N. [Conceptual metaphor and conceptual metonymy as different cognitive mechanisms (system approach)]. In: *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics], 2019, no. 3 (117), pp. 135–140.
14. Skuratov I. V. [Semantic neology (based on the French language)]. In: *Romanskiye yazyki v sinkhronii i diakhronii* [Romance languages in synchrony and diachrony]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2017, pp. 110–113.
15. Solovyova E. A. [The non-anthropocentric metaphor in the modern French substandard military vocabulary]. In: *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [The Humanities and social sciences], 2016, no. 6, pp. 214–217.

16. Solovyova E. A. [Emotional and evaluative function of metaphor in the speech of French soldiers during the First World War]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], 2019, vol. 19, no. 1, pp. 7–10. DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-1-7-10.
17. Tsybova I. A. *Frantsuzskiy yazyk. Slovoobrazovaniye* [French language. Word formation]. Moscow, Moscow Lyceum Publ., 1995. 127 p.
18. Frisk K. Armadillo and the Viking spirit: military names and national myths in transnational military interventions. In: *Critical Military Studies*, 2019, vol. 5, iss 1, pp. 21–39. DOI: 10.1080/23337486.2017.1319644.
19. Hagège C. *Le linguiste et les langues*. Paris, CNRS, 2019. 62 p.
20. Mortureux M.-F. *Lexicologie entre langue et discours*. Paris, Armand Colin, 2008. 212 p.
21. Skuratov I. V. *Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain*. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2021. 154 p.
22. Wilson A. *Military Terminology and the English Language*. Available at: <https://cpercycy.artsci.utoronto.ca/courses/6362-WilsonAdele.htm> (accessed: 10.11.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Скуратов Игорь Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: iv.skuratov@mgou.ru;

Комалова Александра Сергеевна – аспирант кафедры романской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: alex.kom1205@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of Romance Philology, Moscow Region State University;
e-mail: iv.skuratov@mgou.ru;

Alexandra S. Komalova – Postgraduate Student, Department of Romance Philology, Moscow Region State University;
e-mail: alex.kom1205@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Скуратов И. В., Комалова А. С. Метафорические и метонимические употребления неологизмов в военной терминологии в современном французском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 112–121.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-112-121

FOR CITATION

Skuratov I. V., Komalova A. S. Metaphorical and metonymic uses of neologisms in military terminology in modern French. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 4, pp. 112–121.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-112-121

УДК 81.11

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-122-130

SOCIAL AND CULTURAL VALUES IN AMERICAN WEB-BASED DISCOURSE

O. Chupryna, K. Baranova*Moscow City University,**Vtoroy Selskokhoziastvenny Proezd 4 build. 1, Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract

Aim. The paper is aimed at revealing how various discourse elements characteristic of American electronic social networks facilitate the imposing social and cultural values on large audiences of their users. The goal is to find out how linguistic, cognitive, and cultural issues merge in creating new and reinforcing traditional values via web-based discourse.

Methodology. The research is based on content and context analyses.

Results. The research has revealed that American Web-based discourse incorporates the *family* as a vital life meaning. Discourse on *faith* reveals the lack of unanimity among social networks users who openly express their attitudes towards religious issues. Posts and comments on popular digital platforms demonstrate that *freedom of speech* which has long been accepted as an unshakeable achievement of American democracy is now under attack by cancel culture supporters.

Redearch implications. Research results contribute to the theory of Web-based discourse and cross-cultural communication and complement such university courses as *Communication in American social media*, and *Cross-cultural communication*.

Keywords: social media, digital platforms, cross-cultural communication, modern technologies, Faith, freedom of speech, cancel culture

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В АМЕРИКАНСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Чупрына О. Г., Баранова К. М.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный пр., д. 4, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель работы – установить, как различные дискурсивные элементы, характерные для американских электронных социальных сетей, способствуют распространению социальных и культурных ценностей на большие аудитории их пользователей. Работа нацелена на выявление особенностей соединения языковых, когнитивных и культурных тем в создании новых и усилении традиционных ценностей в интернет-дискурсе.

Процедуры и методы. В исследовании проблемы бытования социальных и культурных ценностей в американском интернет-дискурсе были использованы контент-анализ и контекстный анализ.

Результаты. В результате исследования было установлено, что в американском веб-дискурсе *семья* имеет основополагающее для жизни американцев значение. Изучение данного дискурса обнаружило отсутствие единого взгляда на веру среди пользователей социальных сетей. Анализ постов показал, что *свободу слова*, долгое время воспринимавшуюся как незыблемое достижение американской демократии, атакуют сторонники культурной отмены.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию интернет-дискурса и межкультурной коммуникации и могут обогатить такие университетские курсы, как «Интернет-лингвистика» и «Межкультурная коммуникация».

Ключевые слова: социальные сети, цифровые платформы, межкультурная коммуникация, современные технологии, свобода слова, вера, культура отмены

Introduction

Not long ago social, cultural, and political issues were communicated to large audiences through newspapers, the radio, and TV. In the case of printed newspapers, the interaction between the audience and the source translating ideas and values was delayed and censored, if ever existed at all. The advent of call-in radio and TV talk made it possible to involve common people in shaping the attitudes via expressing their opinions and sharing their experiences publicly. Though the access to the audience was restricted by the editor's selection of speakers who dialed the telephone numbers of the radio station or TV program, the impact of the public on culture and civil society was quite tangible.

In contrast to traditional media, digital media from the very beginning joined informative and communicative functions. There appeared "more formats, such as disseminating news events via Twitter ... commenting on politics in blogs, and accessing online-only news websites" [8, p. 35]. A wide range of digital mass media and social media has built an extensive virtual space to communicate various opinions and attitudes to large audiences without the interference of editors or other censors, the only exception being the invective language moderation. Speaking metaphorically, "everyone can publish their own thoughts without any institutionalized gatekeepers" [9, p. 74]. The net of digital platforms, created by modern technologies, has bridged the virtual world and the real one and produced a revolutionary change in meaningful communication. Researchers argue that social media has become "another place in which people live, alongside their office life, home life and community life" [10, p. 7]. Statistics show that the audience of digital platform users is increasing every year, for example, in 2021 about 5%

of the people on Earth used Twitter and the USA had about 77, 8 million active Twitter users¹. According to the portal Statista, in the US over 70% of the population holds social media accounts, visiting social networks and media-sharing platforms has become "an integral part of many American internet users' daily routines"².

By visiting digital platforms and joining internet communities, people, first, handle their connections with their families, friends, peers, and colleagues. They are able to make comments on the statements of politicians, celebrities, social, and cultural icons, assess their significance and thus pave the way for the reinforcement of traditional values and the creation of new norms and issues. The development of new norms, rules and codes is in a permanent state of flux, because "the values of a person, social group and people are those landmarks, goals that they strive for in the process of their life" [2, c. 147]. Communication in social media encompasses both – rational and emotional elements, emotions go hand in hand with evaluation and contribute largely to media hypes, the understanding of which shifted from "political media scandal, mostly evoking emotions such as outrage and protest" to the media phenomena that "can be triggered by any kind of deep emotion" [7, p. 317].

An extensive study of global social media platforms and the prevailing genres showed that "it is the content rather than the platform that is most significant when it comes to why social media matters" [10, p. 1].

¹ Kemp S. Twitter statistics and trends. In: *DataReportal*. Available at: <https://datareportal.com/essential-twitter-stats> (accessed: 25.01.2022).

² Dixon S. Social media usage in the United States – Statistics & Facts, 2022. In: *Statista*. Available at: <https://www.statista.com/topics/3196/social-media-usage-in-the-united-states/#dossierKeyfigures> (accessed: 25.01.2022).

Worldwide platform access promotes global and local attitudes in a broad scope of areas ranging from individual relationships to political issues. Social media and networks in contrast to broadcasting media communicating information to large audiences, made it possible to reach groups of people different in size, possessing different political and cultural views. This niche media “is widely believed to be a source of change in political behavior and public opinion” [6, p. 482].

Since the dawn of the digital technological revolution, social media declared its mission as equipping people with the instrument and power to produce ideas and share their outlooks and attitudes. This is the way that social values are built in social media, when people seek those sources, which reflect their expectations and conform to their beliefs and standards. It has become obvious that via the users’ connectivity social digital platforms modify and mold social, political, cultural norms, and traditions afresh. Digital platforms have turned into a home for seeking relations and friendship, love, and attachment. “Click-baiting strategies” [4, p. 334] support and accelerate value transformation. Nevertheless, it is undeniable, that “the real effects of technology depend upon how it is wielded. It can be used to inspire and catalyze change just as easily as it can be used in ways that are detrimental to society”¹. Though the technology itself is value-neutral, it permeates every corner of individual and societal life and thus creates a field for value assumptions and value judgments to pop up. After some time, due to digital platforms ubiquity, these values may or may not be embedded into the set of societal norms, habits, and traditions. On the other hand, social media has become “the market places where gossip, breaking news, and media hype spread” [7, p. 317] which are tightly linked to the so-called attention economy that “brings with it its own kind of wealth, its own class divi-

sions – stars vs. fans – and its own forms of property”².

Problem Statement and Research Questions

The ubiquity of digital platforms provides the opportunity for social institutions and individuals to express their attitudes, share them with large audience of the net users, and eventually shape new societal values and reshape the traditional ones. The increasing number of American users of social networking platforms and high digital circulation of American newspapers have turned the problem of the attitudes and societal values language manifestation into a challenge for linguistic research. Some scholars argue that the study of social interaction represented in language and discourse is of crucial importance for contemporary linguistics [3, c. 96]. The problem dealt with in this paper is how linguistic means, social and cultural contexts “forge a preferable turn of public mindset” [5, c. 44]. The study suggests answers to the questions “What issues do Americans frequently discuss in Web-based discourse?” and “How conceptually integrated are American participants of Web-based discourse?”

Material and Methods of Research

The material of the research was borrowed from digital platforms Twitter and YouTube. The methods used in this study include content analysis, descriptive method, linguocultural analysis, lexical and semantic analysis, and interpretive analysis.

Discussions

According to the survey conducted by Pew Research Center in November 2021, *family* is the source of meaning for most Americans, no matter, what their ideological background is or whatever political views

¹ Vogels E. A., Rainie L., Anderson J. Tech is (just) a tool. In: *Pew Research Center*. Available at: <https://www.pewresearch.org/internet/2020/06/30/tech-is-just-a-tool/> (accessed: 22.01.2022).

² Goldhaber M. H. The Attention Economy and the Net. In: *First Monday*, 1997, vol. 2, no. 4–7. Available at: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/519/440> (accessed: 22.01.2022).

they have¹. It is noteworthy that social media accounts of leading American politicians begin with words about their family and marital status following the information about their official job or position, for example, President Biden writes on his Twitter:

a) *Husband to @DrBiden, proud father and grandfather*².

Vice President Kamala Harris has the following in the introduction on her Twitter account:

b) *Wife to the first @SecondGentleman. Momala. Auntie*³.

Posts on social media give evidence of American striving for family tenacity. In 2020 during the election campaign Hunter Biden, second son of the current US President was accused of having suspicious relations with some business people in Ukraine. It was a harsh time for Hunter Biden's family. To support him, Naomi Biden, his daughter, published the following post on Twitter:

c) *Though the whole world knows his name, no one knows who he is. ... the truth of a man filled with love, integrity, and human struggles*⁴.

Social media is a place where people talk about the importance of family ties and family heritage, and share their family stories. Naomi Biden in a few lines in her Twitter account told the followers about the tragedy that fell upon Joe Biden's family when his first wife and an infant daughter died in a car crash and the early death of Beau Biden,

Naomi's uncle. Her post creates a profoundly positive image of her father and the whole family:

d) *He and Beau were one. One heart, one soul, one mind. They grew up with the weight of knowing that each day they lived was a day that their sister, my namesake, and their mother lost*⁵.

Such words as *the truth, integrity, heart, love, soul* are bound to get imprinted in the mind of N. Biden's followers and make the scandal less important and even negligible, because these words are acknowledged as the salient linguistic representation of the *family*.

Faith is among the topical issues in American social media. Its discussion runs as a two-way street: statements coming from the representatives of social institutions and comments coming from ordinary users. Attitudes to Faith have become a kind of litmus test for how politicians and common Americans are able to tackle social issues caused by conflicting political interests, goals and values [1]. Faith is represented as a heterogeneous phenomenon split into various divisions, which reflect the diversity of American society and social media users. Looking back at the two years of Covid-19 survival, Vice President Kamala Harris wrote on her Twitter account:

e) *Our faith has been tested. But it is that same faith – our faith in God, our faith in humanity, and our faith in what is possible – it is that same faith that has seen us through and helped us to see the light in one another*⁶.

Kamala Harris's post spreads over various outlooks on life – religion, relationships, humanity, and politics. Being conceptually multi-tiered, it is likely to provoke different comments, which can be gathered into the four groups: 1) sharing the meaning of the post, 2) assessment of Kamala Harris as

¹ Silver L., Van Kessel P. Both Republicans and Democrats prioritize family, but they differ over other sources of meaning in life. In: *Pew Research Center*. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/11/22/both-republicans-and-democrats-prioritize-family-but-they-differ-over-other-sources-of-meaning-in-life/> (accessed: 22.01.2022).

² President Biden. In: *Twitter*. Available at: <https://twitter.com/POTUS> (accessed: 01.02.2022).

³ Kamala Harris. In: *Twitter*. Available at: <https://twitter.com/KamalaHarris> (accessed: 01.02.2022).

⁴ Naomi Biden. Though the whole world knows his name, no one knows who he is. In: *Twitter*. Available at: https://twitter.com/NaomiBiden/status/1308823998415933440?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Ctwterm%5E13088239984159334 (accessed: 01.02.2022).

⁵ Naomi Biden. Though the whole world knows his name, no one knows who he is. In: *Twitter*. Available at: https://twitter.com/NaomiBiden/status/1308823998415933440?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Ctwterm%5E13088239984159334 (accessed: 01.02.2022).

⁶ Kamala Harris. In: *Twitter*. Available at: <https://twitter.com/KamalaHarris> (accessed: 01.02.2022).

a politician, 3) attitude to faith, 4) political opinion. The words and phrases *compassion, acknowledgment, grievance, blessing, positive thoughts, beautiful said*, etc. employed in the comments serve as the evidence of sharing the post's meaning.

Comments that assess Kamilla Harris as a politician dwell upon the role of the church in American society. Users resent politicians, including the current Vice President, mentioning God and faith without reason as a kind of speech embellishment:

f) *How I long for politicians, especially in a country with such a healthy separation of church and state, to stop talking about God, and faith, belief without reason, like it's a good thing.*

g) *God? We have watched politicians such as yourself systematically X God out¹.*

Some users see the incongruity between the public role of the Vice President and her appeals to religious issues, and do not believe Kamala Harris as a politician:

h) *keep religion out of your role as VP.*

i) *I wish your posts wouldn't mention religion.*

j) *No faith in you or your administration whatsoever. Your nothing but empty words.*

k) *Lie like a big old dog².*

Moreover, Twitter users claim that this statement enhances the social and cultural divide existing in contemporary American society:

l) *"Our faith in God" suggests that nonreligious people don't matter in this country.*

m) *There are millions of atheists in this country. There is no "our" faith in a god when speaking for the people of this country. Don't exclude us, VP Harris³.*

Out of 54 relevant posts only five contained a positive assessment of Kamala Harris as Vice President which is metaphorically reflected, for example,

n) *thank you madam vice president for having Americans at heart⁴.*

The analysed posts comprise a controversial and hot issue because, as the survey conducted in October 2021, shows more and more Americans support the separation of church and state which goes hand in hand with The First Amendment to the United States Constitution⁵. Comments on Kamala Harris' post reflect that religion and faith are not universally accepted values in American society, and easily accessed digital platforms provide ordinary people with the opportunity to make their voice heard even if their opinion differs from the institutionalized one. Thus, users, who oppose the separation of church and state, write the following:

o) *Without faith we are dead. Faith faith faith. God is working for our good.*

p) *More and more Americans don't believe in God any more. Our Country is falling apart without God's guidance⁶.*

Opposite views are expressed by such clichés as *there is no God, I don't believe in all that fairy tale*, etc.

The report *The conditions that enable meaning* published by Pew Research Center in November 2021 demonstrate that freedom and independence are among the top five sources of life meaning⁷. The report contains a reference to the statement made by one American respondent:

q) *meaning comes from "freedom of religion and freedom of the free exchange of ideas⁸.*

⁴ Ibid.

⁵ In U.S., Far More Support Than Oppose Separation of Church and State. In: *Pew Research Center*. Available at: <https://www.pewforum.org/2021/10/28/in-u-s-far-more-support-than-oppose-separation-of-church-and-state/> (accessed: 01.02.2022).

⁶ Kamala Harris. In: *Twitter*. Available at: <https://twitter.com/KamalaHarris> (accessed 01.02.2022).

⁷ Vogels E. A., Anderson M., Porteus M., et al. Americans and 'Cancel Culture': Where Some See Calls for Accountability, Others See Censorship, Punishment. In: *Pew Research Center*. Available at: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and-cancel-culture-where-some-see-calls-for-accountability-others-see-censorship-punishment/> (accessed: 28.01.2022).

⁸ Ibid.

¹ Kamala Harris. In: *Twitter*. Available at: <https://twitter.com/KamalaHarris> (accessed: 01.02.2022).

² Ibid.

³ Kamala Harris. In: *Twitter*. Available at: <https://twitter.com/KamalaHarris> (accessed: 01.02.2022).

It might seem surprising that some respondents tied freedom and family into a single value:

r) *To be able to live a life with the freedom to choose and to take care of family*¹.

“The Internet was most often viewed as a means of democratizing public institutions, and an instrument for the implementation and protection of human rights and freedoms” [11, p. 548]. The First Amendment to the United States Constitution protects freedom of speech, however, some people think, it is under threat nowadays. Contemporary social media has drastically changed the way people challenge others’ views and criticize them. Easy access to digital platforms brought about the social practice called *cancel culture*. Social networks grasped the term *cancel culture* after it appeared in the TV show *Love and Hip-Hop* in 2014. A young man in the show decides to be through with his girlfriend because she is pregnant and tells her about his decision: “you are cancelled”! Very soon the phrase lost connection with the show, turned into a catchphrase, and became a name of social media boycotting any person, especially a celebrity or public figure if some of the social network users consider their words or actions contradicting or disrupting rules and norms of tolerance and political correctness. The majority of Americans (about 49%) asked by Pew Research Center in September 2020 to share what they understand by *cancel culture* defined it as “actions taken to hold others accountable”. Nevertheless, about 14% of respondents believe cancel culture is “censorship of speech or history”, which “[is] trying to silence someone that does not have the same belief as you”, “it’s the rewriting of history to make people comfortable by ignoring facts”².

¹ Ibid.

² Vogels E. A., Anderson M., Porteus M., et al. Americans and ‘Cancel Culture’: Where Some See Calls for Accountability, Others See Censorship, Punishment. In: *Pew Research Center*. Available at: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and-cancel-culture-where-some-see-calls-for-accountability-others-see-censorship-punishment/> (accessed: 28.01.2022).

Sharon Stone, a famous American actress talking on a popular *Just Jenny* radio show said cancel culture is “the stupidest thing I have ever seen happen” and added “people have done so much more than one sentence”³. The talk appeared on a digital platform YouTube and received both positive and negative comments.

In terms of money and financial well-being, canceling a person or company results in stripping them of their income – labels stop releasing their albums, publishers postpone production of their books, and TV people stop inviting them to their shows. In 2019 Natasha Tynes, a Jordanian-American communications professional and digital writer made a post on Twitter: “When you’re on your morning commute & see @wmata employee in UNIFORM eating on the train. I thought we were not allowed to eat on the train. This is unacceptable. Hope @wmata responds”⁴. It is well-known that *Washington Metropolitan Area Transit Authority* (WMA-TA) prohibits eating on Metro. Natasha Tynes posted a photo of the woman, she was black and as soon as Twitter users saw the picture, they attacked Natasha Tynes accusing her of racism. Almost immediately, *Rare Bird* publishing house announced they were “taking appropriate actions to cancel Tyne’s novel *They Called Me Wyatt*”⁵. In February 2022, “ABC News suspended W. Goldberg for two weeks after she made inaccurate claims that the Holocaust was ‘not related to race’”⁶. Whoopi Goldberg, one of the most famous and celebrated American actors became a target for cancel culture attackers.

³ Sharon Stone Thoughts on Cancel Culture. In: *SiriusXM : YouTube channel*. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=_0uCmFm9h0Y&ab_channel=SiriusXM (accessed: 09.02.2022).

⁴ ‘Natasha Tynes wmata’ search. In: *Twitter*. Available at: https://twitter.com/search?q=natasha%20tynes%20wmata&src=typed_query (accessed: 20.12.2021).

⁵ Ibid.

⁶ Whoopi Goldberg suspended from ‘The View’ after Holocaust comments | GMA. In: *Good morning America : YouTube channel*. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=QF4xotY3BZ8&ab_channel=GoodMorningAmerica (accessed: 28.01.2022).

Focusing attention only on a singular word or expression is a typical characteristic of cancelling culture as a cognitive and linguistic phenomenon. In the case of Whoopi Goldberg, defenders of political correctness intentionally missed what the actress said about Holocaust: "[Holocaust] is about men's inhumanity, ... this was evil"¹. Reluctance to analyse oral or written texts, get an insight into other person's life outlooks and desire to conform to the social and moral mainstream constitute the basis of "cancel culture" practice. People all over the world have been testing others' words and behavior since the dawn of humankind. Nowadays criticism generated by professional journalists or experts, published on pages of printed media has been pushed out by pungent comments of any Internet user, whose aim is not only to call people out to behave decently by observing rules of tolerance, but to "remove celebrity status or esteem from a person, place, or thing"².

Conclusion

Contemporary values shaped in modern societies, including the American one, have faced a strong challenge from web-based media, social networks being the most powerful among them. Globalization and development of the World Wide Web (WWW) have made social, political, and cultural issues spread rapidly and globally. Technologies have armed people with the potent instrument of communication, influence, and dominance. Digital media facilitates promotion of culture growth and enhancement of the attention economy. There is no denial that nowadays it is not only social, political, cultural institutions that forge the importance and usefulness of any societal and

scientific phenomenon in all areas of human existence, due to easy access to various channels in WWW, but individuals as well. Twitter, and YouTube as mixtures of social media, blogging, and texting exert no less influence over public mindset formation than other digital media, including TV and newspapers. Contemporary values take shape within the digital triangle "public institution – web-based media – individual". Efforts of each side of the triangle are aimed at promoting some concept or idea and converting it into a value that is likely to be accepted and shared by large groups of people. The ultimate goal of these endeavors is to make people behave accordingly. Words, sentences, and texts emanate socially and culturally important concepts and values.

With the advent of various digital platforms and social media language has turned into a versatile tool and heavy weapon to reinforce societal values that have stood the test of time, and at the same time, dilute the traditional ones, transform them and shape new values and social practices. Language as autonomous sign system functions as a filter between a person and information coming from the outside world. This information is interpreted differently in dependence on objective and subjective conditions. A variety of interpretations is a derivative of social heterogeneity. That kind of heterogeneity accounts for the opportunity to create not one but several models of reality. This fact allows mass media and social networks to produce impact on different groups of people. The study has shown that family, faith, and freedom of speech appear to be sustainable moral codes in American Web-based discourse. Discourse on faith reveals the lack of unanimity among Twitter users who openly express their attitudes to religious issues. Posts and comments on Twitter demonstrate that freedom of speech that has long been accepted as a cherished achievement of American democracy is now under attack by cancel culture supporters.

Дата поступления в редакцию 08.04.2022

¹ Ibid.

² Vogels E. A., Anderson M., Porteus M., et al. Americans and 'Cancel Culture': Where Some See Calls for Accountability, Others See Censorship, Punishment. In: *Pew Research Center*. Available at: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and-cancel-culture-where-some-see-calls-for-accountability-others-see-censorship-punishment/> (accessed: 28.01.2022).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина Е. Ю. Проблема эффективности публичного политического дискурса конфликтной ситуации // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 6. С. 590–600. DOI: 10.15643/libartrus-2016.6.6.
2. Варганов В. В. Американские ценности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. № 5. С. 146–160.
3. Чупрына О. Г. Дискурс социального неравенства: проблема языковой репрезентации дискриминации по возрасту // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 1. С. 94–102. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-94-102.
4. Cerase A., Santoro C. From Racial Hoaxes to Media Hypes: Fake News' Real Consequences // From Media Hype to Twitter Storm : News Explosions and Their Impact on Issues, Crises and Public Opinion / ed. P. Vasterman. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. P. 333–354. DOI: 10.2307/j.ctt21215m0.20.
5. Chupryna O. G. Promotion of social and Political Issues in American Mass-Media Discourse // Время и культура в лингвистике и литературоведении = Time and Culture in Linguistic and Literary Discourse: материалы I Международного colloквиума, МГПУ, 17 декабря 2020 г. М.: Принтика, 2021. С. 43–49.
6. Feezell J. T. Agenda Setting through Social Media: The Importance of Incidental News Exposure and Social Filtering in the Digital Era // Political Research Quarterly. 2018. Vol. 71. Iss. 2. P. 482–494. DOI: 10.1177/1065912917744895.
7. Roesse V. You Won't Believe How Co-Dependent They Are: Or: Media Hype and the Interaction of News Media, Social Media, and the User // From Media Hype to Twitter Storm : News Explosions and Their Impact on Issues, Crises and Public Opinion / ed. P. Vasterman. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. P. 313–322. DOI: 10.2307/j.ctt21215m0.19.
8. Schroeder R. Media systems, digital media and politics // Schroeder R. Social Theory after the Internet: Media, Technology, and Globalization. London: UCL Press, 2018. P. 28–59. DOI: 10.2307/j.ctt20krxdr.5
9. Veletsianos G. Social media in Academia. Networked Scholars. New York: Routledge, 2016. 140 p.
10. What is social media? // How the World Changed Social Media / D. Miller, E. Costa, N. Haynes, T. McDonald, R. Nicolescu, J. Sinanan, J. Spyer, S. Venkatraman, X. Wang. London: University College London Press, 2016. P. 1–8 (Series: Why we post. Vol. 1). DOI: 10.2307/j.ctt1g69z35.8
11. Zassoursky I. I., Trishchenko N. D. The transformation of the idea of Internet freedom in the XX-Ist century // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 546–557. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-546-557.

REFERENCES

1. Aleshina Ye. Yu. [The problem of effectiveness of public political discourse of a conflict situation]. In: *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Liberal Arts in Russia], 2016, vol. 5, no. 6, pp. 590–600. DOI: 10.15643/libartrus-2016.6.6.
2. Varganov V. V. [Values of Americans]. In: *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Proceedings of South-West State University. Series History and Law], 2020, vol. 10, no. 5, pp. 146–160.
3. Chupryna O. G. [Discourse of social inequality: the problem of linguistic representation of ageism]. In: *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2020, no. 1, pp. 94–102. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-94-102.
4. Cerase A., Santoro C. From Racial Hoaxes to Media Hypes: Fake News' Real Consequences. In: Vasterman P., ed. *From Media Hype to Twitter Storm : News Explosions and Their Impact on Issues, Crises and Public Opinion*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2018, pp. 333–354. DOI: 10.2307/j.ctt21215m0.20.
5. Chupryna O. G. Promotion of social and Political Issues in American Mass-Media Discourse. In: *Vremya i kul'tura v lingvistike i literaturovedenii: materialy I Mezhdunarodnogo kollokviuma, MGPU, 17 dekabrya 2020 g.* [Proceedings of the I International Colloquium, MCU, December 17, 2020]. Moscow, Printika Publ., 2021, pp. 43–49.

6. Feezell J. T. Agenda Setting through Social Media: The Importance of Incidental News Exposure and Social Filtering in the Digital Era. In: *Political Research Quarterly*, 2018, vol. 71, iss. 2, pp. 482–494. DOI: 10.1177/1065912917744895.
7. Rouse V. You Won't Believe How Co-Dependent They Are: Or: Media Hype and the Interaction of News Media, Social Media, and the User. In: Vasterman P., ed. *From Media Hype to Twitter Storm : News Explosions and Their Impact on Issues, Crises and Public Opinion*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2018, pp. 313–322. DOI: 10.2307/j.ctt21215m0.19.
8. Schroeder R. Media systems, digital media and politics. In: Schroeder R. *Social Theory after the Internet: Media, Technology, and Globalization*. London, UCL Press, 2018, pp. 28–59. DOI: 10.2307/j.ctt20krxdr.5
9. Veletsianos G. Social media in Academia. Networked Scholars. New York, Routledge, 2016. 140 p.
10. What is social media? In: Miller D., Costa E., Haynes N., et al. *How the World Changed Social Media*. London, University College London Press, 2016, pp. 1–8. DOI: 10.2307/j.ctt1g69z35.8
11. Zassoursky I. I., Trishchenko N. D. The transformation of the idea of Internet freedom in the XX-Ist century. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 546–557. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-546-557.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чупрына Ольга Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Московского городского педагогического университета;
e-mail: chuprinaog@mgpu.ru

Баранова Ксения Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Московского городского педагогического университета;
e-mail: baranovkm@mgpu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga G. Chupryna – Dr. Sci (Philology), Prof., Department of English Philology, Moscow City University;
e-mail: chuprinaog@mgpu.ru

Ksenia M. Baranova – Dr. Sci (Philology), Prof., Department Head, Department of English Philology, Moscow City University;
e-mail: baranovkm@mgpu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чупрына О. Г., Баранова К. М. Social and Cultural Values in American Web-Based Discourse (Социальные и культурные ценности в американском интернет-дискурсе) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 122–130.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-122-130

FOR CITATION

Chupryna O. G., Baranova K. M. Social and Cultural Values in American Web-Based Discourse. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 4, pp. 122–130.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-122-130

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА

2022. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8,25, уч.-изд. л. 10.

Подписано в печать: 26.09.22. Выход в свет: 28.09.22. Заказ № 2022/09-03.

Отпечатано в МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А